

**НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№4

*Научно-популярный
художественно-публицистический
альманах*

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4

**Высшая народная школа
Иркутский государственный университет
Иркутск – 2018**

**УДК 808.2-82
ББК 84Р7
Н 30**

Народное обозрение: научно-популярный, художественно-публицистический альманах / Ред.-сост. А. И. Гордин. – Иркутск: Типография «Иркут», № 4. – 2018. – 190 с.

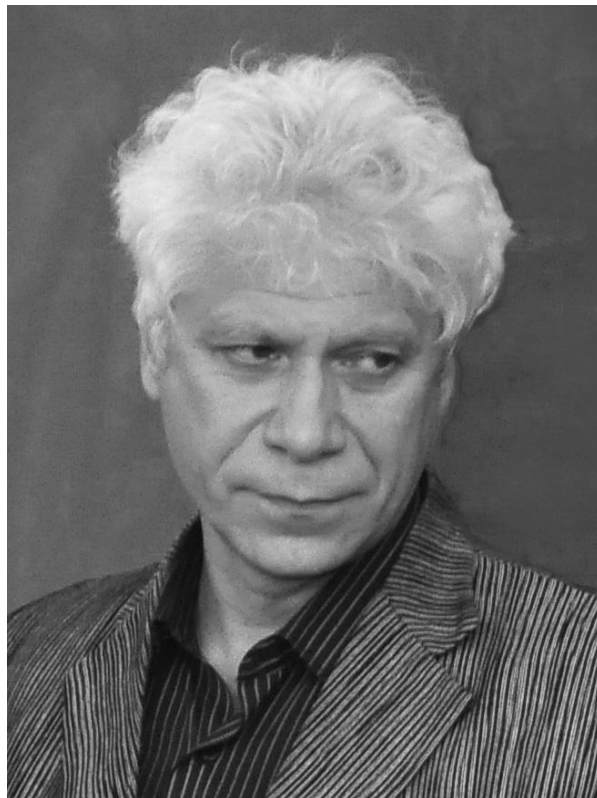
**Автор идеи – А. Гордин
Редактор-составитель – А. Гордин
Литературный редактор – М. Липина
Общественные редакторы: В. Шерстов,
Л. Арсентьева**

ISBN 978-5-904740-86-3

**Высшая народная школа
Иркутский государственный университет
Иркутск – 2018**

Содержание

<i>Гордин А.</i> Моё поколение.....	4
• <u>Научно-популярная литература</u>	
<i>Романцова Т.</i> Живое слово	8
<i>Шерстов В.</i> «И мне назначено суровую судьбой...».....	13
<i>Гордин А.</i> ВНШ – территория свободы.....	22
<i>Бобкова Я.</i> Наднациональная идентичность «сибиряк» в творчестве Р. В. Филиппова.....	30
• <u>Публицистика</u>	
Фестиваль ВНШ: г. Иркутск	
<i>Гордин А.</i> «Живое слово» Людмилы Бабицкой.....	48
<i>Стародубцева Т.</i> «Ценю я дружбу верную...».....	55
<i>Увакина Н.</i> Бабулечки пришли.....	66
<i>Увакина Н.</i> Другая жизнь.....	69
Фестиваль ВНШ: г. Усолье-Сибирское	
<i>Мядзюта Л.</i> Команда Школы высшей нашей.....	72
<i>Рябцовская Л.</i> Наш общий дом – школа.....	73
<i>Иванова М.</i> Шаманка.....	76
<i>Башкирцева Л.</i> Рассказ о хорошем человеке.....	78
<i>Рябцовская Л.</i> Долгий путь к прекрасному.....	80
<i>Иванова М.</i> О тех, кто рядом.....	83
Фестиваль ВНШ: с. Карымск	
<i>Ващенко Н.</i> Три кита карымской Высшей народной школы.....	85
<i>Янышева Л.</i> Жизнь только начинается!!!.....	92
<i>Воронова Л.</i> Народное зрение	95
<i>Скороход В.</i> Третья муза поэта.....	102
• <u>Проза</u>	
<i>Темников И.</i> Как построить зимовье.....	115
• <u>Поэзия</u>	
<i>К 80-летию со дня рождения Р. Филиппова.</i> Дядя Слава.....	159
<i>Филиппов Р.</i> Стихи из книги «Красная сотня».....	162
• <u>Будушеры</u>	
<i>Осколкова А.</i> Волшебная чаша.....	175
<i>Парфёнова А.</i> Русская очередь	177
<i>Врублевская М.</i> Философская роль автомобиля	179
<i>Шабеева К.</i> Один день как все 365.....	182
Краткие сведения об авторах.....	187

Моё поколение

*Посвящается поколению,
рождённому в СССР в годы
хрущёвской оттепели*

Мы дети – оттаявших душ,
что озябли в военных метелях:
в нас теплится их душегреечный дух,
и в стужу уже не сомлеем.

Наша юность пришлась на застой:
впопыхах мы любить не умели...
Мы любили сущностью всей,
от любви этой нежной хмелея!

На судьбу нашу выпал Афган:
мы воочию узнавали,
что такое таджик-партизан,
где-нибудь в Кандагаре.

Пацанами мы гибли в горах
от ударов предательских в спину,
и глаза закрывал нам Аллах,
не давая душе остынуть.

Била Родина нас под дых
перестройкой, чтоб крепче были:
окрестила быдлом простых,
всё что мило – стало постылым.

И не то чтобы мы повелись
на бредятину этой нечестии...
Но пытала иглою-чернушкою¹ жизнь
наших деток... От бесчеловечности,
беззащитных, срывало нас
в пропасть винного покаяния...
Где вы, добрые люди, сейчас?
Все ли выдержали испытание?

Сколько в цинковых люльках вас
убаюкала Маменька-Родина?
Был Кавказ, а теперь Донбасс –
хватит, милая! Хватит вроде бы...

Их крестами отмечен путь
нашей Родины: на погостах
много душ прилегло отдохнуть
от усталости смертной просто...

А иные, махнув рукой,
с головой окунулись в работу:
каждый чуял себя сиротой,
проклиная чубайсов заботу.

И набатом звучит наций стон –
омертвели сердца от молчания:
кому – деньги, кому-то – «трон»,
остальным – вновь бес-правие.

Хотя Русь – вот она за холмом! –
Льётся кровь по окраинам:
продан общий наш отчий дом

¹ *Иглою-чернушкою* – метафора от «чернуха», или «чернушка» (сленг наркоманов), – доза наркотиков, приготовленная кустарным способом.

Загребущим хозяевам.
Мы же дети оттаявших душ,
что озябли в военных метелях,
не растратили их душегреечный дух:
постараемся – внуков согреем
и дыханьем, и мыслью своей,
что наш дом – это... В общем, Россия!
И останемся вечно в ней
мы жильцами простыми...

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Татьяна Романцова

ЧТО ТАКОЕ БУХАРА?

Что такое БУХАРА? Цветное и тёплое имя древнего узбекского города, которое по разным версиям означает то ли «буддийский монастырь», то ли «обитель знания», то ли «божья красота»? А может, это душистая бухарская дыня или кисло-сладкие сушёные сливы, привезённые в Оренбург из Средней Азии? А может, пустая пашня, на которой в Белгородье каждые три года сеяли рожь? Или весенний сенокос в лесу под Тверью? Представьте, что и то, и другое, и третье, и четвёртое, как говорит всезнающий Владимир Даль, автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Но с какой стати это слово звучит в речи наших земляков или у соседей в Красноярске, Чите, Якутии?

Постарайтесь сами составить местное значение слова из подсказок «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Галины Афанасьевой-Медведевой.

Подсказка первая. В селе Кеуль Усть-Илимского района Евдокия Михайловна Сизых вспоминала об одном из бытовых обрядов: «Раньше были клопы да тараканы, всяка бухара. И говорит ссыльный-то, сосланный был какой-то, вот он и отделивал дом: «Ну, Евдотья, – мол, –

как реку будет ломать, вся бухара уйдёт: и тараканы, и клопы – всё от тебя уйдёт». Ну и реку, гыт, стало ломать-то, он наимал там клопа и посадил в коробушку, и таракана, и пошёл на реку. И лёд-то несёт, и за льдом эту коробушечку бросил с бухарой с этой. Дах сколь, гыт, жили в этом дому, и дочичас, и ни тараканов и ни клопов, говорит, нету».

Подсказка вторая. Анастасия Ивановна Янкевич из с. Алымовка Киренского района: «...в самуё Благовешшенье выгреби золу из печки. И в огороде, говорят, хорошо пересыпать. Никакой бушкарь, никакой чевряк, говорят, брать не будет».

Теперь понятно, что в наших краях «бухара», она же «букарка, букошь, бухарашка, бухорь» – всё в женском роде – и «бушкарь» – в мужском, – есть всякое маленькое насекомое, букашка.

Но, представьте себе, и этого гигантского языкового пространства – от литературного обозначения географического объекта до местных наименований разных предметов по всей России – слову оказалось мало. Оно уверенно вошло в раскрепощённую молодёжную речь, где «съездить в Бухару» означает «напиться пьяным», и представляет собой каламбурное переосмысление топонима «Бухара» с глаголом «бухать», т. е. «пить спиртное».

ВЕРЕЩАГИНО

Как дружат названия деревень с нашими фамилиями, окружающие нас предметы с нашими именами?

Параллельно улице Розы Люксембург в Иркутске проходит переулок Верещагина, названный в честь крупнейшего исследователя Байкала. На память сразу приходят знаменитые международные Верещагинские научные конференции и байкальское научно-исследовательское судно «Г. Ю. Верещагин».

Эта же фамилия для череповчан ассоциируется либо с известным на весь мир художником-баталистом В. В. Верещагиным, либо с изобретателем вологодского масла Н. В. Верещагиным.

Заглянув в географическую энциклопедию, обнаружим город Верещагино в Пермском крае и одноимённое село в Туруханском районе Красноярского края.

Откуда пошли фамилия и топоним?

Сначала о версиях происхождения фамилии.

От имени? Вполне вероятно. Далёкие прародители могли назвать ребёнка распространённым древнерусским нецерковным именем Верес (на севере России так называют можжевельник), надеясь на то, что

мальчик будет сильным и крепким. На юге России такое имя могли дать сыну, который родился в сентябре, поскольку этот месяц в украинском языке называется «вересень».

От характеристики лица по действию? Ещё более вероятно. Этимологию имени чаще возводят к глаголу «верещать» в значении «звонко дребезжать, трещать; тараторить без умолку резким голосом; голосисто визжать, пищать, плакать навзрыд». Тогда можно предположить, что кто-то из далёких предков был крикливым выскочкой, болтливым брюзгой или сварливым человеком.

От предмета? Как правило, фамилии подобного рода не имеют отношения к быту. Но сам корень слова хранит предметное значение и связан с приготовлением пищи. Верещагой в национальной пермяцкой кухне называют выпускную яичницу-глазунью. На Смоленщине это свинина с приправой, с мучной подливой или яичница со свининой. В Астрахани – жареная рыба судак. Несложно понять, что все эти кушанья готовят на огне, отчего варево шипит на сковороде, трещит, верещит.

В наших краях верещагой называют яичницу, похожую на запечённый омлет. Только что вынутая из русской печки, украшенная зеленью, вкупе с огромными пирогами из тайменя, стерлядки, щуки, она была одним из главных угощений на Троицу. Рецептов верещаги было множество. В Усть-Кульске Тулунского района жарили свиное сало, вливали туда яйца, сметану или сливки. В селе Ключи-Булак Братского района на сковороду мелко резали сало, хлеб кубиками, разбивали яйца, добавляли питьевую соду и ждали, когда варево поднимется. В. И. Матвеева (1935 года рождения) рассказывала Г. В. Афанасьевой-Медведевой, составителю «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири»: «Мы его даже называли не то что верещагой, а называли даже гриб. Его кусочкам ели. Вкусно! Это в Масленицу и в Пасху делали».

Теперь о топониме. Он мог быть образован от фамилии или прозвища переселенцев с запада России (в грамотах Новгорода, приказных документах Углича и Ярославля XV-XVI вв., в украинских переписных книгах найдем фамилии крестьян, посадских, дьяков Верещага, Верещако, Верещака). Кроме того, топоним мог закрепиться по преобладающему числу жителей с фамилией Верещагины.

ЧЕРНИЛА И ХАРИУС

Какая связь между чернилами и хариусом?

В древнерусском языке слова с корнем «черн» известны с XI века. Но их история уходит почти на несколько тысяч лет назад, в индоевропейскую эпоху. Сохранив отдалённое сходство в звучании, корень разошёлся по многим языкам, которые теперь стали совсем чужими друг другу. Например, во многих славянских языках корень «черн» означает «краска» или «чёрный цвет», а в литовском – «пятнистый, рябой, пегий».

А теперь вспомним хариуса, его пёструю окраску: тёмно-серую спину, чёрные пятнышки на боках, красноватое пятно над полосатыми тёмно-фиолетовыми плавниками, бордовый хвост. Не удивительно, что в шведском и норвежском языках от общей индоевропейской основы - харр - образовано название этой тёмно-пёстрой рыбы. По-фински хариус – гарьюз, гарри, по-татарски – кора, хори-балык, по-бурятски – хардара и хадаран. Русские называют хариус по-разному: на Каме он хорус, на реке Княжей – серъез-рыба (исковерканное хариус). Фонетических вариантов только в Восточной Сибири масса: гариус, харьюз, харез, харюз.

В «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. Афанасьевой-Медведевой читаем потрясающие воспоминания: «Всяка рыба была в Ангаре: харюз был, таймень, стерлядь была. Всё белорыбица. Осенью, уже холода, она вставала на ямы, стерлядь, как всё равно дорога. Она встанет вот так: друг ко дружке, как дорога! Но не по всей Ангаре было, а где глубь, оне там вставали стеной, рыба-то. Ну и кололи её острой в три зубца» (Усть-Вихорево Братского района).

В наших краях в зависимости от места и времени года хариус звали то мерсовиком, то синяком (летом он становится худым), чаще – белорыбицей (как омуль, сиг, таймень, стерлядь). Однако и синяк, и белая рыба, если смотреть с точки зрения языка, – всё тот же чернильно-серый и пятнистый хариус.

КРУЖАЛЬ

Сначала рекламный щит с этим словом – КРУЖАЛЬ – увидела на улице Советской. Витиеватые цветочки и изящные белые веточки на красном фоне обрамляли незнакомое название. Потом надпись с тем же словом обнаружилась на «кружевном» деревянном доме в обновлённом центре Иркутска. Может, салон или магазин кружев, но тогда почему такая странная форма имени? В Интернете нашла-таки сам объект – иркутский гастро-бар, гости которого именуют себя кружаками, любят вкусно поесть и

весело провести время. Но как сказать: «Мы были в «Кружали» или в «Кружале»?» Что означает это странное слово? Насколько живуче оно в нашей местности?

В любимом мною «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. Афанасьевой-Медведевой нашла загадку: «Был я на копанцах, Был я на топанцах, Был на кружале, А потом на пожаре. Молод был, Семью кормил, Старый стал, Пеленаться стал». Честно пыталась отгадать, но смалодушничала и подсмотрела отгадку у М.С. Вокиной из села Куртун Ольхонского района: «Был я на копанцах – это надо глину накопать. А потом на топанцах – топтать её. Был на кружале – кружили на гончарном круге. А потом в огонь ставили. На пожаре вот. Старый стал, пеленаться стал. Ну а раньше стакан расколется – на него обруч наденут и в огонь. Отгадка-то, она проста – крынка, горшок». Всё равно не понятно. Гастро-бар и гончарный круг. Что общего?

Знакомые рассказали, что в Якутске, в центре города, есть торговый комплекс «Кружало» в форме восьмигранника, близкого к кругу. Назвали его так потому, что раньше здесь кружалом именовали городской соляной и меховой рынок, деревянные ряды которого были выстроены по кругу. Опять осечка...

В толковых словарях нашла толкования, которые касаются разных профессий: «кружало» у строителей – дуга, на которой возводят свод или арку здания, у парикмахеров – стрижка ровной линией вокруг головы, у военных – прибор для калибрования снарядов. Не то!

Среди жаргонной лексики нашла «кружаль» в женском роде от «кружка»: «Кружаль пива возьму». Тоже как-то не очень отвечает ситуации.

У В. И. Даля наша «кружапель» – прочные яблоки, по форме напоминающие репку, а «кружаль» – нет как нет! Есть «кружало» с кучей значений: и циркуль, и верёвка на гвозде, и резец для пирогов, и дощечка для разбора жемчуга, и место для хороводов, и устаревшее название питейного дома, кабака, где народ кружит (кутит, гуляет). Ну вот, уже теплее! Тем более рядом ещё пара подходящих однокоренных слов «кружень, кружила – тот, кто кружит, мотает, гуляет, пьёт; кутила».

И наконец последняя инстанция – словарь фамилий. В нём сказано, что давным-давно существовало прозвище Кружаль, которое мог получить любитель хмельных напитков, частый посетитель увеселительных заведений.

Стало быть, «Кружаль» на улице 3-го июля вроде как прозвище, и посетители его вроде как не кружаками, а кружальями должны себя именовать.

Владимир Шерстов

«И МНЕ НАЗНАЧЕНО СУРОВОЮ СУДЬБОЙ...»

За достаточно громким юбилеем (200 лет в 2012 году) и юбилеем более «спокойным» (205 лет в 2017 году) Бородинского сражения как-то почти незаметной осталась дата, связанная с одним из героев Отечественной войны 1812 года – Андреем Сергеевичем Кайсаровым. 27 ноября 2017 года можно было бы отметить 235-летие со дня его рождения.

Почти не отметили. Если не считать публикации Дмитрия Шеварова «Бородинское поле Андрея Кайсарова» в спецвыпуске научно-популярного журнала «Родина», который редакция посвятила военным корреспондентам XX-XXI веков².

Этот человек много сделал для победы русского оружия над Наполеоном. Он стал ополченцем, когда ему не исполнилось и тридцати. А меньше чем через год погиб во время одной из операций российских партизан.

² Шеваров Д. Бородинское поле Андрея Кайсарова: редактор первой русской фронтовой газеты погиб в бою // Родина: Исторический научно-популярный журнал. 2017. № 5. С. 41-45.

Спустя годы его друг Александр Иванович Тургенев, вспоминая Кайсарова, напишет в «Хронике русского в Германии»: «Жизнь его прошла в сильных впечатлениях...»³.

С Тургеневым трудно не согласиться. Даже в тот период, когда Андрей Сергеевич занимался наукой, он мало походил на кабинетного учёного. Ну а уж когда грянула «гроза двенадцатого года», Кайсаров оказался на самом переднем крае. Его называют «забытым героем» (именно так назвала книгу о нём Александра Боженова⁴. Нельзя сказать, чтоб об Андрее Сергеевиче совсем не писали, но имя его знают только специалисты – филологи и историки журналистики. Кайсаров заслуживает большей известности.

Однако, прежде чем мы перелистаем страницы его биографии, обратимся к истокам – к родословной героя.

Как полагает А. И. Баженова, предок Кайсарова по отцовской линии – выходец из Золотой Орды – не позднее XV века перешёл на службу России, принял христианство, и известен под именем Григорий.

Вот и фамилия вышла «говорящая» – Кайсаров, то есть – кесарев, царёв, служащий правителю⁵. Большинство мужчин из рода Кайсаровых были военными. Дед Андрея – его тёзка Андрей Михайлович – гвардии капитан. Отец – Сергей Андреевич – секунд-майор.

Военная служба свела его с полковником Василием Волконским. Кайсаров произвёл впечатление на родовитого князя. И он выдал свою юную дочь Наталью за Сергея Андреевича, снабдив её щедрым приданым.

Сергей Кайсаров ушёл из жизни очень рано – Андрею было тогда чуть больше года. Мать осталась одна с четырьмя сыновьями на руках. Старшему – Петру – шесть лет, Михаилу – два года, об Андрее я уже сказал, а младший – Паисий – только что появился на свет.

БРАТЬЯ

Редкий случай: трое из четырёх братьев Кайсаровых «сошлись» на страницах одной книги – биографического словаря «Русские писатели 1800-1917».

Пётр Сергеевич в 1792-1797 годах учился в Московском университетском благородном пансионе. Потом вступил прапорщиком в Нотебургский мушкетёрский полк. В 1801 году перешёл в статскую службу. Несколько лет был чиновником канцелярии министра внутренних дел. В

³ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825-1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М. ; Л: Наука, 1964.

⁴ Баженова А. И. А. С. Кайсаров – забытый герой раннепушкинской эпохи. Саратов: Сателлит, 2004.

⁵ Там же.

1805 году при Аустерлице находился в свите императора Александра I. Ездил с особым поручением царя в Константинополь.

В литературе известен как поэт и переводчик. Особое предпочтение отдавал элегиям и одам. Но не чурался басен, надписей и других малых поэтических форм.

Николай Михайлович Карамзин поместил стихи Петра («Цветы», «Ожидание друга», «К луне») в двух книжках своего альманаха «Аониды». А это – знак признания! Ведь поэтических альманахов «Аониды» представил всё лучшее в русской поэзии рубежа XVIII-XIX веков.

К концу первого десятилетия XIX столетия Пётр Сергеевич прекратил литературные опыты. Зато сделал блестящую чиновничью карьеру. В 1811-1828 годах исполнял обязанности обер-прокурора 5-го департамента Сената; в 1829-1839 годах – директор Департамента разных податей и сборов. С 1839 года – сенатор и действительный статский советник. Скончался Пётр Сергеевич Кайсаров в 1854 году⁶.

Второй из братьев, Михаил Сергеевич, ещё мальчиком был зачислен сначала в лейб-гвардии Преображенский полк сержантом, а затем – в Ярославский мушкетёрский полк прапорщиком. Как и старший брат, учился в Московском университетском благородном пансионе. Его с отличием закончил в 1801 году. В пансионе попробовал себя как поэт и переводчик. Уже после окончания университета Михаил сделал первый полный русский перевод романа Лоуренса Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди».

Александр Бестужев в декабристском альманахе «Полярная звезда» за 1823 год напишет: «М. Кайсаров сделал себе имя переводом Стерна». За этот перевод Михаила Сергеевича избрали почётным членом Вольного общества любителей российской словесности.

Как и Пётр, Михаил Кайсаров практически прекратил литературные занятия, когда посвятил себя служебной деятельности. С февраля 1802 года он – в Коллегии иностранных дел. В 1805-1808 годах сопровождает английского путешественника А. Юнга в поездке по центральным губерниям России. Зарубежный гость изучал их экономику. В 1808 году М. Кайсаров перешёл в канцелярию министерства внутренних дел. С 1810-го по 1818-й год служит в министерстве полиции. Затем – в министерстве финансов. Там в последние месяцы жизни Михаил Сергеевич исполнял обязанности директора Департамента мануфактур и внутренней торговли. Статский советник М. С. Кайсаров ушёл из жизни в марте 1825 года⁷.

Есть любопытные «книжные» пересечения Андрея Сергеевича с его младшим братом – Паисием. Во-первых, на страницах романа Л. Н. Толстого «Война и мир». А во-вторых, в знаменитой «Военной

⁶ Панов С. И. Кайсаров Пётр Сергеевич // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая советская энциклопедия, 1987.

⁷ Панов С. И. Кайсаров Пётр Сергеевич // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая советская энциклопедия, 1987.

энциклопедии» И. Д. Сытина 1911-1914 годов – в ней есть персональные статьи, посвящённые Андрею и Паисию Кайсаровым.

В отличие от старших братьев, которые преуспели на статской службе, Паисий Сергеевич предпочёл карьере военного. Он продолжил дело деда и отца, начав службу в 1797 году. В Русско-турецкой войне 1806-1812 годов сражался в Молдавии и Валахии. В 1811-1812 годах Паисий – правитель канцелярии М. И. Кутузова. 18 июля 1811 года награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Неоднократно выполнял дипломатические поручения. Во время Отечественной войны 1812 года служил дежурным генерал-адъютантом при штабе М. И. Кутузова. С осени того же, 1812-го – начальник авангарда казачьего корпуса генерала М. И. Платова. 25 марта 1813 года награждён орденом Святого Георгия 3-й степени. Командовал летучим партизанским отрядом.

Военная служба Паисия продолжилась и дальше, после Отечественной войны. Он командовал пехотными корпусами. Получил ещё несколько орденов. В том числе: Александра Невского, Святого Владимира 1-й степени, Святой Анны (с алмазами). Умер на 61-м году жизни 27 февраля 1844 года. Похоронен в Киево-Печерской лавре.

...Так сложились судьбы троих братьев Кайсаровых.

Теперь самое время вернуться к нашему главному герою и перелистать страницы его биографии.

ФИЛОСОФ И ПОЭТ

Можно сказать, по стопам старших братьев Андрей Кайсаров поступил в Благородный пансион Московского университета. Произошло это в 1795 году.

Но вскоре учёбу пришлось оставить. Почему? Дело в том, что Павел I, который взошёл на российский престол в конце 1796 года, приказал всем дворянским детям, записанным на военную службу, явиться в свои части. В армию Андрей Кайсаров был записан ещё в 1786 году – четырёх лет от роду. Вот и пришлось ему (вместе с младшим братом Паисием) отправляться в Петербург.

Начали службу братья в гвардии. Андрей – в Семёновском, Паисий – в Преображенском полку. В армии Андрей Сергеевич находился с 1796 по 1799 год. Сначала – на берегах Невы, потом – в Москве. Военная карьера складывалась в общем-то неплохо: к концу службы Кайсаров стал штаб-ротмистром.

В Москве он сошёлся с Андреем Ивановичем Тургеневым. Под его влиянием и бросил армию. Всё-таки филология была Андрею милее военной муштры. Круг Андрея Ивановича Тургенева той поры – это известные литераторы: Жуковский, Мерзляков, Воейков...

Но особо отмечу Александра Ивановича Тургенева, с которым Кайсаров в 1802 году отправился учиться в Геттинген. Там в 1804 году Андрей Сергеевич издал книгу «Мифология славянская и российская» (на немецком языке). А ещё через два года – в 1806-м – защитил диссертацию (на латыни). В ней Кайсаров говорит о необходимости уничтожения крепостного права в России, объясняет, что крестьянство – это самое духовно здоровое сословие страны, оно – основа будущей национальной культуры.

Во время учёбы вместе с Александром Тургеневым Андрей Кайсаров совершил научное путешествие по маршруту: Прага – Вена – Будапешт – Загреб. Потом побывал в Сербии, посетил Белград. И везде, в «славянских землях» записывал фольклор, собирал рукописи о русской старине. Над русскими рукописями работал Кайсаров и в Лондоне. Вернувшись в Россию, в 1807-1810 годах он живёт в Саратове. Создает «Словарь древнерусского языка».

Осенью 1811 года происходят важные перемены. Кайсарова избирают профессором русского языка и словесности одного из старейших университетов Европы – Дерптского (ныне Дерпт – это город Тарту в Эстонии). Научная карьера, пожалуй, блестящая – 29 лет и уже профессор.

К слову сказать, во второй половине XX века в том же Дерпте (Тарту) будет работать замечательный отечественный филолог – Юрий Михайлович Лотман. Он посвятит своему предшественнику несколько работ, напишет о нём статью для «Биографического словаря русских писателей. 1800-1917»⁸.

...Эту главку своей работы о Кайсарове я назвал «Филолог и поэт». Научные достижения Андрея Сергеевича мы рассмотрели. Но была в его жизни и поэзия. Живя, например, в Саратове, он писал стихи. Но при жизни никогда не печатал. При этом нельзя сказать, что относился к ним как к чему-то несерьёзному: ведь для чего-то собирал свои поэтические творения в отдельной тетради! Просто науку ставил выше всего остального.

Рукопись та сохранилась в архивах братьев Тургеневых. Некоторые стихи из неё опубликовал А. Фомин в журнале «Русский библиофил» (1912, № 4).

Вот одно из посланий Андрея Кайсарова тёзке – Андрею Ивановичу Тургеневу. Последний в ноябре 1801 года уезжал из Москвы. Кайсаров откликнулся на это таким посланием:

⁸ Лотман Ю. М. Кайсаров Андрей Сергеевич // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 2. М: Большая советская энциклопедия, 1987.

*О ты, которого так много я любил,
Кого любезнее всего милее чтил,
Чья дружба кроткая мне счастье доставляла
И в одиноку грудь отраду мне вливала,
Кем бывши я любим, о счастье не мечтал,*

*Всё счастье моё в тебе одном вмещал,
С тобою должен я, мой милый друг, расстаться!
Счастливым можно ли звек смертному остаться?!
И мне назначено суровою судьбой
Далёко от тебя вести в тоске век свой!*

Печатали стихи А. С. Кайсарова и в советское время. Например, в антологии «Поэты 1790-1810-х годов» из Большой серии популярной тогда «Библиотеки поэта»⁹.

ДОБРОВОЛЕЦ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Наполеоновское вторжение Кайсаров предчувствовал. Даже говорил об этом в университете. По крайней мере, был готов к войне. Хотя можно ли быть готовым к *этому?*

В первой части третьего тома «Войны и мира» читаем у Льва Николаевича Толстого: «...12 июня силы Западной Европы перешли границу России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»¹⁰.

Александр Тургенев позже вспоминал: «...Неодолимое влечение в самом пылу народной войны умчало его от тихих муз в стан воинский...»¹¹.

В первые дни войны А. Кайсаров вместе с профессором Ромбахом обратились к Александру I с предложением – организовать при Главной квартире (штабе) русской армии Походную типографию.

Решение царя не заставило себя долго ждать. Император назначил Кайсарова директором типографии и приказал ему быстро и секретно собрать необходимое хозяйство. В классическом университетском учебнике Б. И. Есина «История русской журналистики XIX века» об этом всего несколько слов: «При штабе главнокомандующего русской армией Баркляя-де-Толли, а затем при штабе Кутузова были созданы походные типографии, которые обслуживали нужды армии»¹². А о Кайсарове вообще – ни слова...

⁹ Поэты 1790-1810-х годов. Л: Сов. писатель, 1971. (Библиотека поэта: Большая серия)

¹⁰ Толстой Л. Н. Война и мир: В 4-х т. М: Правда, 1984.

¹¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825-1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М. ; Л: Наука, 1964.

¹² Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. М: Изд-во МГУ, 2006.

Между тем его типография – явление уникальное для того времени. По сути, это самый свободный информационный центр. Ведь цензуры над ним практически не было: только главнокомандующие – сначала Барклай, а потом Кутузов.

Походная типография работала очень эффективно и оперативно. Вклад Кайсарова и его сотрудников в победу над Наполеоном неоспорим. И неспроста эта типография стала одним из заметных центров российской публицистики 1812 года. Конечно, там набирали и печатали приказы, необходимые армии. Но не они были, так сказать, «основной продукцией».

Главным делом Кайсарова стали летучие листки. Они выпускались тиражом до 10 000 экземпляров. Это были воззвания к местному населению, обращения к солдатам наполеоновской армии (на французском, немецком, итальянском языках – ведь против России стояла практически вся Европа!). Листовки отправляли в тыл противника с «партизанскими партиями» – отрядами Дениса Давыдова, Ожаровского, Сеславина.

Кроме летучих листов, Кайсаров выпускал газету «Россиянин» – на русском и немецком языках. Это первая российская фронтовая газета. Таким образом, Андрей Сергеевич – не только замечательный учёный, поэт, но и один из основоположников отечественной военной журналистики.

Приходилось ему заниматься и контрпропагандой. Типография выпускала агитационные брошюры, а также «Известия из армии» (или иначе – «Антинаполеоновские ведомости») – в противовес «Бюллетеню Великой армии» Наполеона. Образцы работы «команды Кайсарова» представлены в фундаментальном издании «Листовки Отечественной войны 1812 года».

Андрей Кайсаров собрал вокруг себя замечательный коллектив авторов. Когда армия стояла под Тарутиным, при типографии возник литературный кружок, участники которого сочиняли листовки, памфлеты, стихи.

Кто среди них? – Это друзья Кайсарова: В. А. Жуковский (его Андрей Сергеевич встретил среди ополченцев на Бородинском поле и привлёк к работе типографии); А. Ф. Воейков (партизан); Д. И. Ахшарумов (впоследствии – автор первой книги о войне 1812 года); А. И. Михайловский-Данилевский (будущий историк войны 1812 года). Это генерал и писатель И. Н. Скобелев (дед впоследствии знаменитого белого генерала Михаила Скобелева). Это И. А. Крылов, басни которого регулярно печатал Андрей Кайсаров. При желании список этот можно легко продолжить...

Андрей Сергеевич умел не только собирать вокруг себя интересных людей и налаживать работу с ними. Он был неплохим организатором.

Один только пример. Кайсаров наладил взаимодействие с журналом «Сын Отечества», который осенью 1812 года стал выходить в Петербурге. Снабжал журнал самой свежей информацией. Публикуя её, «Сын Отечества» иногда опережал официальные источники. И это в то время, когда не было ни телеграфа, ни телефона, ни, тем более, Интернета и электронной почты!

Так что в том, что «Сын Отечества» образца 1812 года признан и современниками и историками лучшим изданием той поры, есть заслуга и Андрея Сергеевича Кайсарова.

(Когда Кайсаров погиб, «Сын Отечества» опубликовал (1813, № 25) некролог о нём. Это, по сути, был первый биографический очерк, посвящённый Кайсарову.)

Лев Николаевич Толстой вывел Андрея Кайсарова на страницах «Войны и мира». В третьем томе эпопеи, в 22-й главе второй части читаем: «Кутузов стал рассеянно оглядываться... очевидно, вспомнив то, что он искал, он подманил к себе Андрея Сергеевича Кайсарова, брата своего любимого адъютанта.

– Как, как, как стихи-то Марина, как?.. «Будешь в корпусе учитель». Скажи, скажи, – заговорил Кутузов, очевидно собираясь посмеяться. Кайсаров прочёл... Кутузов, улыбаясь, кивал головой в такт стихов».

В этом фрагменте наш герой читает стихи какого-то Марина. Сейчас нам этот человек известен ещё меньше, чем Андрей Кайсаров. А тогда, в 1812-м, его стихи знали, пожалуй, все офицеры армии – от корнета до главнокомандующего. Сергей Никифорович Марин – поэт-любитель. Но самое главное – воин. Он получил ранение при Аустерлице, участвовал в Бородинском сражении...

Ну, а любимый адъютант Кутузова – это Паисий Кайсаров.

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

После смерти Кутузова Паисий Сергеевич не захотел оставаться дежурным генералом при штабе. Это решение младшего брата стало роковым для Андрея Сергеевича. Паисий возглавил один из партизанских отрядов. Андрей присоединился к нему. Он, как тогда говорили, перешёл в строй. Получил чин майора. Во время одного из боёв в тылу врага Андрей Сергеевич погиб.

Описания его смерти разнятся. По одной версии, Кайсаров был смертельно ранен при взрыве порохового ящика. По другой, более героической, он сам взорвал себя с артиллерийским обозом, чтобы тот не достался врагу.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли доносил Александру I 15 мая 1813 года (на следующий день после гибели Андрея): «Генерал-майор

Кайсаров, коему предписано действовать в тылу неприятеля, напал вчерашнего числа между Герлицем и Рейхенбахом на неприятельский парк, взял два орудия, взорвал патронные и пороховые ящики, взял в плен 80 чел. К сожалению, убит в сем деле Дерптского университета профессор и московского ополчения майор <Андрей> Кайсаров»¹³.

Александр Иванович Тургенев, спустя годы, вспоминая друга, напишет в «Хронике русского в Германии» такую «эпитафию»: «...в Андрее Кайсарове снова загорелся дух воинский, и в отряде брата взлетел он на воздух с пороховым ящиком! Мир рассеянному праху твоему, мой милый, ранний, незабвенный друг!»¹⁴.

Что остаётся от человека?

Несколько строк в старой военной и краткой литературной энциклопедиях. Развёрнутая статья в биографическом словаре писателей. Наконец – подробная книга.

Андрей Сергеевич Кайсаров всё это заслужил. Жизнью своей, делами своими.

И так хочется, чтобы о нём знали не только так называемые узкие специалисты.

2012-2017 гг.

¹³ Шеваров Д. Брат Андрей // Российская газета – Неделя. 2012. 7 июня. № 129 (5802).

¹⁴ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825-1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л: Наука, 1964.

Александр Гордин

ВЫСШАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА – ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ

Автор данной статьи придерживается мнения З. Баумана, согласно которому «то, что мы на самом деле знаем, – это не мир сам по себе, а то, что мы с ним *делаем*». Таким образом социолог и философ определяет индивидуальную свободу как способность выбирать для себя линию поведения из возможных альтернатив: «...свобода означает способность решать и выбирать»¹⁵.

Территория свободы как социальная категория – это «концепция пространственно-деятельной идентификации, в соответствии с которой (а) когнитивный и поведенческий компоненты идентичности человека увязываются в диалектике их взаимообусловленного становления в ходе межиндивидуальных взаимодействий в рамках ситуативно значимых отношений с ситуативно значимыми людьми; (б) представления о

¹⁵ Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. С. П. Баньковской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 11

внешнем мире формируются, изменяются, корректируются и объективируются в процессе социальных взаимодействий параллельно с формированием (изменением и т. д.) представлений людей о себе и о своём месте в социальном мире (социальной структуре); вместе с формированием представлений о внешнем мире конституируется среда социального взаимодействия»¹⁶: «Человеческие существа живут в мире значимых объектов, а не в среде, состоящей из стимулов и самоконституирующихся сущностей. Этот мир имеет социальное происхождение, ибо значения возникают в процессе социального взаимодействия»¹⁷.

Пространственно-деятельностная самоидентификация предполагает, что с помощью и в процессе (т. е. процесс и результат одновременно, как в образовании) осуществления какого-то вида деятельности человек создаёт пространство, в котором чувствует себя свободным. Поэтому такое пространство и именуется «территорией свободы» (З. Бауманом, П. Бергером, Т. Лукманом, О. Оберемко и др.).

Понятие «свободный человек» в логике данных рассуждений – это человек, имеющий возможность свободно выражать себя через определённый вид деятельности, который ему интересен, потому что через него он актуализирует свои способности и интеллектуально-духовный потенциал. Или просто: потому что он через неё может интересно для себя и других самореализоваться.

«Одно дело, – пишет З. Бауман, – самостоятельно выбрать себе цель и иметь искреннее намерение её достичь, и совсем другое дело – суметь воплотить задуманное и достичь поставленной цели»¹⁸. Если в оппозиции «самостоятельно выбрать – воплотить задуманное» противопоставляются слово и дело¹⁹, то человек по-настоящему свободен там, где его дело со словом не расходятся.

Таким образом, территория свободы – это вид пространства (как материального, так и духовно-нравственного или информационно ценностного), в котором человек может выбирать сообразно своим интересам и способностям необходимый вид деятельности, который, как правило, персонализируется в конкретной социальной роли (учитель, модератор, предприниматель и др.), а через неё открывать для себя

¹⁶ Оберемко О.А. Деятельная идентификация как фактор стратификации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mognovse.ru/gzo-deyatelenaya-identifikaciya-kak-faktor-stratifikacii-o-a-o.html>. – Загл. с экрана.

¹⁷ Blumer H. Sociological Implications of the Thought of G.H. Mead // Amer. J. of Sociology. 1966. Vol. 71. № 5. P. 535 (цит. по: Ионин Л. Г. Понимающая социология. С. 74).

¹⁸ Bauman Z. Thinking Sociologically. P. 21.

¹⁹ В русском переводе иначе: *самостоятельное решение и стремление* противопоставляется *возможности* действовать и достигать, ср.: «одно дело – выбирать, что решать самому, какой цели следовать, и стремиться всеми силами добиться её; и совсем другое дело – иметь возможность действовать в соответствии с намеченной целью и достичь её». (с. 27); “to decide on my own what goal to pursue, and to have an intention to pursue it with all my heart, is one thing; it is entirely different thing, however, to be able to act on my words and reach the purpose I sought” (p. 21).

ценностные смыслы в своей жизнедеятельности, преобразуя их постепенно в акт житнетворчества.

Территория свободы как пространственно-деятельностная категория базируется на содержании понятия «свобода», которое при многообразных подходах его определения в контексте данной категории должно обязательно обозначать «социально ответственный независимый выбор человека» (Декарт и др.). Продолжением такой интерпретации свободы является, как известно, так называемая осознанная необходимость. Другими словами - сознательное самоограничение. Ибо свобода немыслима без диалектического единства противоположностей – таких понятий, как «независимый выбор» и «социальная ответственность», потому что последнее предполагает неизбежное самоограничение, т. е. сознательное создание зон «необходимых несвобод» для поддержания границ территории личной свободы. Такое понимание необходимости решения проблемы социальной ответственности в период создания и функционирования территории свободы выражается у теоретиков в девяти принципах-тезисах:

Тезис 1 – о причинах несвободы: несвобода происходит из противоречия между частной постановкой целей и общественным характером их достижения.

Тезис 2 – о территории свободы: моя группа фиксирует территорию, в пределах которой я могу пользоваться свободой действий.

Тезис 3 – о происхождении свободы из социализации: ощущение свободы происходит из повседневного, деятельного усвоения знаний о принятых в своей группе карте мира, целях, ценностях, способах действия, жизненных планах.

Тезис 4 – об ограничении свободы конкуренцией: для реализации свободно принятых решений в своём пространстве приходится конкурировать за необходимые для избранного действия ресурсы.

Тезис 5 – об ограничении свободы правилами: для реализации свободно принятых решений в своём пространстве приходится учитывать авторитетно устанавливаемые правила.

Тезис 6 – об ограничении свободы признанием членства: в пространстве группы уютно тем, чьё членство признано.

Тезис 7 – об относительной самостоятельности индивида от социального окружения: без относительной автономии индивида производство личности и общества было бы невозможно.

Тезис 8 – о границе: наличие границ обеспечивает ощущение свободы: свобода действовать на своей территории происходит из несвободы за её пределами.

Тезис 9 – об эффектах несвободы: препятствия для позитивной, деятельной идентификации со своей группой приводят:

- либо к сжиманию территории свободы,
- либо к поиску новых, превращённых выходов для активности в прежних границах,
- либо к поиску новых территорий и пересмотру границ между своим и чужим пространствами²⁰.

Важным моментом для понимания того, что территория свободы как пространственно-деятельностная идентификация взрослого человека является неотъемлемым условием его успешной социализации, является в высшей степени разумная мысль З. Баумана: «Полагаю, наше обсуждение до сих пор создавало верное впечатление о том, что процесс социализации не ограничивается детским опытом. Фактически он никогда не прекращается, длится всю жизнь, постоянно приводя в сложное взаимодействие свободу и зависимость»²¹.

Из вышесказанного следует, что свободная пространственно-деятельностная идентификация в формальном образовании объективно невозможна, потому что такой вид образовательного пространства формируется извне помимо желания и воли его действующих лиц: они не в состоянии заниматься необходимыми самоограничениями деятельности, из чего следует, что она несвободна. То есть образовательная деятельность в такого рода образовательном пространстве не саморегулируется, а регламентируется обязательными для всех исполнителей государственными стандартами, которые жёстко структурируют сознание и поведение человека, парализуют его волю, лишают творческой инициативы, превращая его в «слепого исполнителя», который постепенно превращается в бездушного актёра, готового за денежное или прочее вознаграждение (например, чтобы просто не выгнали на пенсию) к осуществлению духовно-нравственного суицида. Такого рода «суицид» неизбежно приведёт человека к деперсонализации и распаду личности. Другими словами, существующая в формальном образовании командно-административная система власти, доминирующий «субъектно-объектный» тип взаимодействия делают драматургию социальных взаимоотношений между действующими лицами этого общественного спектакля линейной, негибкой, лишая исполнителей инициативы, заставляя втискивать свои роли в существующие шаблоны, руководствоваться часто неразумными, но необходимыми, навязанными извне моделями поведения. Эти и другие разнообразные формы социального насилия над главными

²⁰ Оберемко О. А. Деятельная идентификация как фактор стратификации на основе книги Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. С.П. Баньковской. М.: Аспект Пресс, 1996.

²¹ Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. С. П. Баньковской. М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 40.

участниками образовательного процесса (учениками, студентами, учителями, профессорско-преподавательским составом и т. п.) делают пародийными широко применяемые в формальном образовании понятия «гуманизм», «демократия», «саморазвитие», «самоконтроль», «социальная ответственность» и др., которые воспринимаются как насмешка над беспомощностью людей, ощущающих себя не субъектами, а объектами осуществляемой деятельности.

Неформальное образование взрослых строится совершенно по иным принципам. К неформальному образованию относится любая организованная и продолжающаяся какое-то время учебная деятельность, которая не попадает под определение формального образования. Она может реализовываться как внутри учебного заведения, так и вне его стен и быть адресована представителям различных возрастных категорий. Неформальное образование не ставит перед собой цели аттестации участников образовательного процесса, понимая, что любые количественные критерии и показатели – это насилие над личностью, инструмент унификации сознания человека со всеми вытекающими отсюда последствиями (пассивность, «духовная импотенция» и т. п.). Данные количественные критерии – лекало для оправдания существования бюрократического аппарата, который создаёт удобную для себя среду обитания, и, самое страшное, его стремительного паразитирующего размножения. Неформальное образование может иметь как профессиональную направленность, так и общекультурное значение. Содержание и методы занятий и контроля в неформальном образовании чётко не фиксируются, не потому, что создаются безответственными людьми, как считают некоторые, а потому, что организаторы стремятся максимально использовать ресурс гибкого образования для создания благоприятной интеллектуально-духовной среды, которая будет позволять оптимально самореализовываться всем участникам образовательного процесса от учащихся и студентов до преподавателей и членов административного аппарата. Да, это сложнее, чем выстраивать бесконечно «новые», но, в принципе, однообразные и поэтому примитивные критериальные алгоритмы. Но насколько в этом случае процесс становится более творческим и продуктивным!

Неформальное образование базируется на информальном, то есть находящемся вне определённой формы обучения, «встроенном» в течение жизни, потому что оно осуществляется в ходе образовательного общения с самыми различными субъектами образования, которые подчас и не подозревают, что являются таковыми. Это могут быть просто люди, обладающие богатым жизненным опытом, или, например, средства массовой информации, просветительской акции, книги и т. п. Информальное образование включает все виды учебной деятельности, не попадающие под определения формального и неформального

образования. Данная форма отличается, как правило, невысоким уровнем организации и может реализовываться как на индивидуальном уровне (например, самообразование), так и на групповом (например, на рабочем месте или в семье)²².

Одной из форм неформального и информального образования взрослых является Высшая народная школа (ВНШ) города Иркутска. Для её деятельности характерны такие социально-психологические феномены, как саморазвитие, самоконтроль и, следовательно, высокий уровень социальной ответственности преподавателей и слушателей за осуществляемую ими образовательную деятельность.

Например, образовательную программу на учебный год формируют преподаватели ВНШ на основе пожеланий слушателей (гибкое обучение), управляется школа советом самоуправления (старостатом), который возглавляет староста ВНШ. Совет директоров ВНШ, выполняющий функции администрации, координирует сложившийся образовательный процесс, решает вопросы с помещениями и техническим оснащением для проведения занятий. Вся остальная учебная и внеучебная деятельность – дело совместного образовательного творчества слушателей и преподавателей ВНШ. Все в школе преподают и учатся на добровольческой основе, то есть преподаватели не получают за свою работу денежного вознаграждения, а слушатели не только не платят за обучение, но и самостоятельно определяют приоритеты своей образовательной деятельности. Таким образом, ВНШ – это своеобразный гражданский вызов рыночным отношениям, которые стремительно проникают в систему российского формального образования в виде платных образовательных услуг и экономической составляющей в определении эффективности и качества образовательной деятельности.

Основные признаки, характеризующие территорию свободы профессорско-преподавательской деятельности ВНШ:

- свободный выбор педагогических технологий (преподают в той форме, которую считаю наиболее приемлемой для меня лично и для организации образовательного диалога со слушателями);
- свободный выбор содержания учебного дидактического материала (преподают то, что считаю интересным, своевременным и полезным);
- свобода определения графика, темпа и ритма занятий (преподают в удобное для себя и слушателей время, в том темпоритме, которого требуют образовательные обстоятельства);
- свобода в выборе форм и методов самоконтроля (качество и эффективность организованного мною образовательного диалога

²² Вершловский С. Г. Непрерывное образование: Историко-теоретический анализ феномена: монография. – СПб.: СПб АППО, 2008. – 155 с.

оцениваю выбранными мною средствами: наблюдение, анкетирование, глубинное интервью, фокус-группа и др.).

Преподаватели ВНШ – настоящие народные просветители. В их числе доценты и профессора высших учебных заведений Иркутска (О.Ю. Юрьева, А.Г. Бондарев, С.А. Захарян, Л.А. Бабицкая, С.Ф. Шмидт, С.А. Язев, Р.М. Лобацкая, А.А. Плисенко, Т.П. Блудова, В.И. Зоркин, О.Л. Подлиняев, А.Е. Мусихин, Ю.В. Елохина, Ю.П. Сапожникова и мн. др.), писатели, художники, журналисты (В. Скиф, А. Байбородин, В. Максимов, В. Забелло, И. Ширококов, В. Скороход, артисты Иркутского театра кукол, театра-студии «Белая ворона» и мн. др.), представители общественных организаций и движений (В.Я. Кузеванов, Л.В. Щеглачёва, Т.В. Нарулина, О.В. Тихомирова, М.В. Рихванова, Л.Г. Кошкарёва и др.), студенты высших учебных заведений Иркутска (С. Рычкова, Н. Кирилова, Л. Плумер, М. Бехтерева, М. Маслий и мн. др.), слушатели ВНШ с богатым творческим и жизненным опытом (Д. Шматков, М. Попова, Т. Комарова, Е. Смирнова, Н. Увакина, Л. Шаманская и др.). Каждый из них делится своими знаниями, умениями и навыками со слушателями ВНШ не из корыстных побуждений, а по «воле сердца».

Основные признаки, характеризующие территорию свободы слушателей ВНШ:

– свободное посещение лекций, семинаров, специальных курсов, клубных занятий и т. п. (выбираю только интересующие меня темы занятий);

– самоактуализация на основе осознанного выбора (самостоятельно определяю, что и почему наиболее актуально реализовывать с помощью образовательной деятельности в своей жизни);

– независимая самоидентификация (самостоятельно вырабатываю знание о своей принадлежности к определённым социальным группам, эмоциональную и ценностную значимость этой принадлежности)²³);

– свобода выбора развития психофизических и интеллектуально-духовных личностных качеств (развиваю необходимые или интересные для меня на данном этапе жизни коммуникативные, интеллектуальные, художественно-творческие и др. способности);

– свобода выбора форм, методов и субъектов образовательного взаимодействия (вступаю в образовательный диалог со слушателями и преподавателями, которые мне интересны по тем или иным причинам, и в той форме, которая приемлема лично для меня).

Слушатели Высшей народной школы Иркутска – это люди, не растратившие свою духовную силу, которым небезразлично, что происходит вокруг них и что происходит с ними. Поэтому они активно

²³ Tajfel H. La categorisation sociale // Introduction a la psychologie sociale / Dir. par S. Moscovici. P. : Larousse, 1972. Vol. 1. P. 292.

участвуют во многих общественных делах как в рамках деятельности школы, так и за её пределами. Слушатели ВНШ являются неизменными участниками многих мероприятий, которые проходят в формате Недели неформального образования Иркутска (начало марта каждого года), ежегодно участвуют в экологических десантах по очистке города и Байкала, шефствуют над детскими домами, выпускают альманахи, школа завсегда «Площади талантов» (проект администрации г. Иркутска), её слушатели постоянно посещают культурно-массовые мероприятия, которые проводятся в библиотеках города (особенно любимой для слушателей стала областная библиотека им. Молчанова-Сибирского), проводят персональные творческие выставки и вечера, активно участвуют в деятельности Советов ветеранов Иркутска. Ежегодно проводят школьные праздники Нового года, первого и последнего звонка, творческие отчёты студии «Живого слова», литературного клуба «Родные берега», клубов по интересам «Самовар», «Бабушкин сундучок», студий танцев, вязания, бисероплетения и мн. др. Активом ВНШ постоянно организовываются коллективные походы в лес, экскурсии в музеи, посещение театров Иркутска. Всего не перечислить. Это свидетельствует об их высокой гражданской активности и, главное, жажде к интересной, полезной как для себя, так и для общества жизни.

Таким образом, ВНШ – территория свободы, потому что это социальная среда, в которой осуществляется пространственно-деятельная идентификация человека, основанная на свободе выбора содержания и форм образования как слушателей, так и преподавателей.

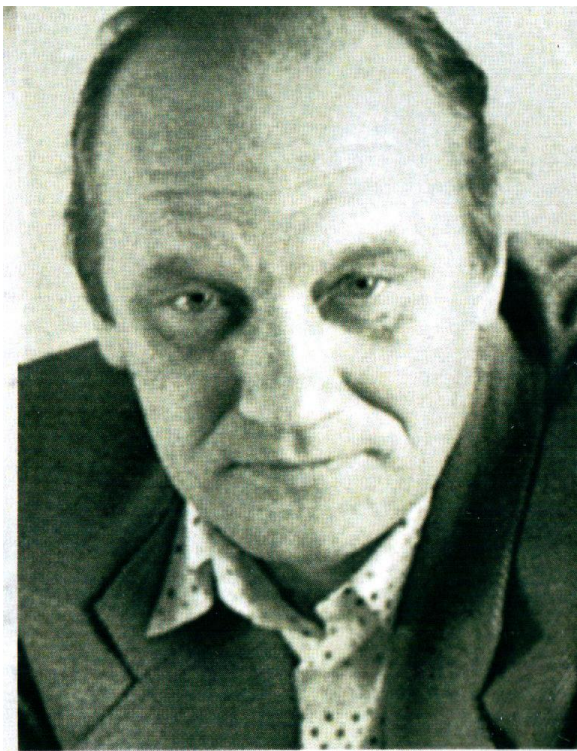
Сведя воедино вышеназванные признаки, характеристики и указанные примеры, мы обнаруживаем, что территория свободы данного дискурсивного сообщества²⁴ (ВНШ) – это форма неформального и информального саморазвития и самоактуализации совокупного образовательного субъекта²⁵, способствующая самоидентичности взрослого человека на основе высокой социальной ответственности профессорско-преподавательского коллектива и слушателей.

²⁴ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. — СПб. : Алетейя, 2009. – 352 с.

²⁵ Колесникова И.А. Основы андрагогики. – М.: Академия. – 2003. – С.37-38

Яна Бобкова

НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ «СИБИРЯК» В ТВОРЧЕСТВЕ Р. В. ФИЛИППОВА

Иркутск – необыкновенный в плане литературной деятельности город: здесь и могучие источники вдохновения (Байкал и знаменитая сибирская природа, деревянная старинная архитектура, могучие реки, помнящие комсомольские стройки), и целая россыпь литературных журналов и альманахов, три писательских организации, которые когда-то были единым целым, и множество талантливых писателей, поэтов, публицистов, драгоценных литераторов-самородков. К числу таковых относился поэт и журналист Ростислав Владимирович Филиппов, проживший насыщенную событиями жизнь (1937- 2006 гг.) .

Значительная часть творческого наследия Р. В. Филиппова – поэзия. С 1964 по 2005 год в издательствах Иркутска, Читы и Москвы вышло в свет девять поэтических сборников автора: «Завязь», «Стихи», «Сосновая провинция», «Солнечная пурга», «Я к вам с друзьями», «Выбор», «Сибирские ямбы», «Круг повседневный», «Красная сотня». К стихотворениям именно из этих сборников мы в первую очередь обратимся, анализируя представления Р. В. Филиппова о понятии наднациональной идентичности «сибиряк».

Существуют две распространённые трактовки данного термина. В узком смысле под наднациональной региональной идентичностью «сибиряк» понимается чувство принадлежности индивида к определённой территории (к Сибири в целом или к какому-либо сибирскому городу). В широком смысле наднациональная региональная идентичность «сибиряк» – это комплекс физических характеристик (выносливость, крепость, здоровье, мощное телосложение) и нравственных добродетелей, позитивных и социально ценных личностных качеств (отзывчивость, гостеприимство, доброжелательность, искренность, духовная

независимость и т. д.), которые свойственны населению Сибири в виду исторических и культурных особенностей развития региона. Опираясь на содержание данных определений, мы рассмотрим отражение этого феномена в творчестве Р. В. Филиппова.

В 1966 году в сборнике «Сибирь поэтическая», изданном по итогам зонального семинара молодых литераторов Западной Сибири и Урала в Кемерово, были напечатаны три стихотворения Ростислава Филиппова: «Позиции», «Офицерские жёны» и «Тайга – корява, нелюдима...» В контексте данного исследования нам будут интересны лишь два из них: хотя в стихотворениях нет конкретного упоминания Сибири или сибиряков, «я» лирических героев можно рассматривать как именно сибирское, им свойственны черты, относящиеся к сибирскому характеру.

Так, стихотворение «Позиции» начинается с указания на живую, метущуюся, беспокойную душу главного героя: «Ни снисхожденья, ни затишья... // Встревоженность в любой глуши. // О, если б бог послал мне свыше // уравновешенность души!»²⁶ Эти черты отсылают читателей в первую очередь к прошлому региона, о котором с огорчением писали областники, – к тем временам, когда Сибирь была «штрафной» колонией России, краем ссыльных и беглых, обиталищем мятежных, бесприютных, заблудших душ, – и сформированы явно под воздействием этого исторического фактора. В то же время, несмотря на смятение чувств, внутреннюю тревогу, лирический герой упрям и твёрд в своих убеждениях – это дают о себе знать свойственные сибирякам упорство, целеустремлённость, настойчивое желание преодолеть несовершенство: «Да, я уже на тех позициях, // с которых отступать нельзя»²⁷. Лирический герой Ростислава Филиппова не собирается мириться с неопределённостью и сомнениями, «всё увлекательней, всё злее» ведёт бой с самим собой, с этой робкой и неустойчивой половиной своей души, и ареной для этого боя избирает лоно сочувствующей природы: «Благословляя и жалея, // тайга шумит над головой»²⁸. В этих строках отражается характерное для сибиряков представление о единении человеческой души с природой, дикая, глухая тайга здесь равнозначна образу матери, к которой сын приходит с жалобой и повинностью, а она с лаской и состраданием встречает его, осеняет крестным знаменем и напутствует добрыми, ободряющими словами.

В стихотворении «Тайга – корява, нелюдима...» образ тайги обретает новое звучание: поэт сравнивает поиски дикого, безлюдного,

²⁶ Сибирская идентичность в зеркале литературного текста : тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия «Универсалии культуры». Вып. VI : монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. (Здесь и далее – прим. Я. Б)

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

«своего» места среди охотничьих заимок и обжитых падей с внутренними поисками, блужданиями в своей тёмной, загадочной душе. Он находит искомое прекрасное в своей первозданности: «Но вот – // раскинулась наклонно // поляна... // Там багульник в рост. // Гадают кедры удивлённо – // и кто меня сюда занёс? // ... Внизу, // как новая вселенная, // тайга...»²⁹ Но это прекрасное, ясное, природное и первородное, внезапно открывшееся перед героем, пугает его неизведанностью, и этот страх наводит путника на мысль о сходстве его души с дикой природой: «Душа моя – она вот тоже // у всех как будто на виду. // Да сам я зорко и тревожно // по ней таёжником иду... »³⁰ Читатель снова чувствует настороженность, напряжение, сомнения лирического героя, его внутреннюю запутанность, вызванную незнанием и непониманием, кто он, какой он, к какому миру принадлежит – к внешнему, который по-хозяйски обустроился в нём, оставил свои следы («Охотничья заимка, // В ней нары, спички и свеча, // Вдруг – гильза, // лёгкий след вчерашний...»³¹ или к внутреннему, где царят чистота, свет, нетронутость, невинность, самозабвение Вселенной. Чувство глубокого родства с природой, тоска по этой внутренней простоте, красоте, строгой определённости, уважение и любовь к древнему природному естеству, желание природосообразности – жизни в гармонии с окружающим миром – определяющие черты сибирского характера в этом стихотворении Ростислава Филиппова.

В 1987 году в сборник «Московский тракт», заявленный в предисловии как «первое собрание сибирских поэм за семьдесят лет советской власти», вошла поэма Р. В. Филиппова «Москва – Чита», название которой отражает сюжет: авиаперелёт автора – лирического героя (в данном произведении они совпадают) «домой, встречу солнца» из столицы через всю Сибирь. Ростислав Филиппов очень полно и подробно разворачивает картину сибирской уникальности, два главных фактора, определивших развитие Сибири и формирование сибирского характера, – природа и история – чётко обозначены в поэме³².

В сибирской природе автор, прежде всего, отмечает широту, размах, обильное величие: «Пусть будет рек разлив безмерный // иль снегом полные хребты – // ведь я давно поклонник верный // её прохладной красоты»; «Байкал и Лена, степь и горы, // плотины, судьбы, города // с размахом сделаны бесспорным. // Несуетливо. Навсегда»³³. С удовольствием живописует поэт сибирский рассвет, величавей которого

²⁹ Сибирская идентичность в зеркале литературного текста : тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия «Универсалии культуры». Вып. VI : монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: ФЛИНТА Наука, 2015.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Филиппов Р. Москва – Чита / Р. Филиппов // Московский тракт. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – С. 255–289.

³³ Там же

нет на земле, росинку на лепестке цветка на берегу Байкала, чарующую глубину байкальских вод, «тайги зелёный стан»; обращается к явлениям природы с приветом и сердечностью: «... Горный кряж широкоплечий, // через который я лечу, // как друга доброго при встрече, // хочу похлопать по плечу»; сравнивает Сибирь со щедрым и гостеприимным домом, в котором всего в достатке, а «Байкал – подковка голубая – // на счастье в доме дорогом»³⁴.

Одним из ключевых исторических событий, которые упоминает поэт, является освоение региона в XVI–XVII веках («Землепроходцы! Честь и слава // ещё не вся им воздана», «Поклон вам, русские герои! // Ваш подвиг – наше торжество»). Ростислав Филиппов признаёт насильственность освоения Сибири, но оправдывает её природно-социальной необходимостью («Сибирь не роца, // чтоб прогуляться налегке») и итоговым благом от объединения местных племён, которые «... сумел ... сберечь // от разных недугов, от мора // землепроходский тот меч».³⁵ В исторической части поэт упоминает и «учителя первого – декабриста», политические ссылки и крестьянские побегы, давление Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и казачий дозор на границах России, и Русско-японскую войну. Сибиряк – прямой наследник обозначенных исторических личностей и событий, его основная черта – «крепость духа», воспитанная в суровых климатических условиях, «в хребте, в Амур-реке, в пурге, // в даурских землях, в тундре лютой, // в Охотском море и в тайге».

Новое время Сибири начинается с Октябрьской революции 1917 года – это поворотный момент, им «перечеркнулось» всё, что было «до», всё сибирское ханское и царское прошлое Сибири. Приход к власти большевиков, создание Советского Союза трансформировал природную сибирскую идентичность: «И жизнь, и цель теперь иная. // Сибирский знает человек: // одна на всех страна родная. // И знамя. И судьба. И век». В контексте этого знания действовали, по мнению автора, сибиряки в годы Великой Отечественной войны; с гордостью настоящего патриота поэт подчёркивает вклад сибиряков в победу: «Сибирь Москве и Сталинграду // надёжной силой помогла», «... сибиряки опорой были. // Почище гвардии любой», «...и в книге памяти народной ... побатальонно и поротно // – мои сибирские полки».³⁶ С почтением вспоминает Р. В. Филиппов погибших и пропавших без вести воинов, их матерей, вдов, сыновей и завещает молодому поколению «жить в цвету», но помнить об этой Великой Победе всегда, а не только в праздник или в школьных сочинениях.

Картины сибирской современности представлены ударными стройками, над стереотипным воплощением которых в литературе

³⁴ Филиппов Р. Москва – Чита / Р. Филиппов // Московский тракт. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – С. 255–289.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Ростислав Филиппов даже вскользь иронизирует: «В чести стандартная картина: // пурга, палатка, ЛЭП-500, // метель, романтика, турбина, // гитара, соболь, вертолёт»³⁷. Строительству каскада ГЭС на Ангаре поэт уделяет особое внимание, отмечает, какую важную роль это строительство сыграло в жизни страны. Во-первых, после казачьих походов XVI-XVII веков «вторично и уже навечно в Сибирь Россия подалась». Во-вторых, приезжие строители испытали сильное нравственное влияние сибирских деревенок, тайги, буйных рек, привязались сначала трудом, а потом и душой к Сибири («сначала руки прикипели, // потом сердца подались к ней»), получили мощный толчок к духовному росту, внутренне изменились: «...возле электрогромад // уже настраивались души // на добрый, на сибирский лад».

Сибирская современность в поэме – это также города, промышленные и научные гиганты – не по количеству жителей, а по значению для всей страны: Тюмень («Нет нынче речи о Тюмени // без нефти. Слитные слова!»); «всех наук кандидат» Новосибирск; ленинский Красноярск и образцовое Шушенское («По всей Сибири, верно, станет, // как стало в Шушенском уже, // где ванной тешится крестьянин, // живя на пятом этаже»). В этих городах, утверждает поэт, воплощается старый ломоносовский завет: ««Я горд, что мощь моей России // Сибирью стала прирастать». Иркутск, по мнению Ростислава Филиппова, и вовсе заслуживает звания сибирской столицы... Вот только «надёжный ум и сила» Москвы поэту всё же милее, хотя, опять-таки, в связи с Сибирью: «До смерти буду я любить // Столицу славную России. // И всей Сибири, стало быть!»³⁸.

Органично вплетается в историю Сибири и собственная история Ростислава Филиппова: «Живу в лесах, живу в пустынях, // а всё ж горжусь немало я, // что в сих сибирских палестинах // вся родословная моя». Из стихотворных строк поднимаются перед читателем прадеды поэта, занимавшиеся промыслом пушнины и рубившие крепкие избы; дед, «который стал учить латыни, // бойцов, побивших Колчака»: отец – строитель дорог, выбравший профессию из романтических мечтаний; Омск и Иркутск, в которых прошли детство и юность; милая сердцу простушка-Чита, сестра всех сибирских городов, и собственный «взрослый» дом: «Он здесь! Он хорошо устроен. // Он не какой-нибудь ничей. // Он из сосновых срублен брёвен, // из белых сложен кирпичей. // Он огорожен сопкой прочной, // рекой украшен, как резьбой, // он степью выстелен песочной // и в цвет покрашен голубой»³⁹.

Сибирь для Ростислава Филиппова – великий двигатель России как в отношении прогресса («от Енисея на Восток // взамен промышленной

³⁷ Филиппов Р. Москва – Чита / Р. Филиппов // Московский тракт. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – С. 255–289.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

пустыни – // течёт промышленный поток»), так и в плане простого человеческого счастья. Сибирь – это огромный свободный край, предоставляющий людям множество возможностей: здесь «шире выбор судеб и время их осуществить», здесь можно «ладить с природой вечные века», здесь дети, «когда наступит смены час», будут говорить о взрослых без осуждения и снисходительности. По мнению Ростислава Филиппова, благодаря не только промышленным и природным ресурсам, но и «запасам нравственного здоровья» Сибирь занимает настолько важное место в России, что вопрос «Как там, в Сибири?» уже означает то же, что и «Как дела в стране?», и сибирская история с почётом входит уже в историю планеты.

Какие же люди живут в такой чудесной стороне? Ростислав Филиппов уделяет много вниманию перечислению добрых качеств сибиряка:

Есть основательность в поступках.

Уменье прочно дом вести.

В таёжных промыслах-науках

Им даже равных не найти.

Неторопливы, скажем прямо.

Но дело делают сполна.

И терпеливы. И упрямы.

Неприхотливы, как сосна.

Другие качества – уже отмеченная выше крепость духа, унаследованная от предков; мужество и отвага, укрепленные традицией; сострадание, родившееся из печальных песен старины. Отмечает Ростислав Филиппов и близость сибиряков к историческому прошлому: «Да, сибиряк – душа живая – // хранит с суровым прошлым связь...».

Суровая природа, вызовы истории сформировали у сибиряков силу воли, стойкость, настойчивость:

А первым – трудно приходилось.

Им трудно в поиске любом.

И здесь их воля утвердилась

Напором, нервом и горбом.

Любовь к природе и природосообразность, жизнь в гармонии, в единстве с окружающим миром, с каждой малой травинкой и зверушкой являются значимыми чертами сибирского характера. Очень важны они для Ростислава Филиппова – поэт прямо заявляет:

*Я – сибиряк. До сих времён
Ещё с тайгой и рекою
Не до конца разъединён.*

Автор поэмы «Москва – Чита» также подчёркивает, что в Сибири узы товарищества особенно крепки, именно здесь они приобрели сильное духовное и нравственное значение:

*Товарищ – дело дорогое,
Тот смысл привычен, но высок.
Горжусь, что в это слово вложен
Сибирский опыт вековой.
Товарищ, – стало быть, надёжен.
Ручаться можно – головой.*

Поэзии Ростислава Филиппова свойственны открытость, искренность, исповедальность, но в разные периоды творчества они носили разный характер – светлого откровения, раскрывающего простые и прекрасные истины; угрюмого, мрачного высказывания о неутешительном положении вещей. В сборнике «Красная сотня» (2005), разделённом на две половины – «Пятьдесят превосходных стихотворений» и «Пятьдесят отвратительных стихотворений», нашли отражение оба этих противоречивых настроения поэта. В этом же ключе настроений двузначно название сборника: «Красная сотня», с одной стороны, – это «красивая», «прекрасная» сотня, одна из лучших, подводящая итоги книга. В. Семёнова в воспоминаниях о поэте расшифровывала название по-другому: «Скорее здесь протест, а он традиционно красного цвета. Протест против воцарившегося торгашества, разрухи в мире и человека – этим дышит вторая половина “Сотни”»⁴⁰.

⁴⁰ Душа улыбается...: Ростислав Филиппов: поэт и время. Книга воспоминаний / Сост. В. С. Филиппова. Иркутск, 2011. 246 с.

Духовное состояние российского человека конца восьмидесятых-девяностых годов XX века, по Ростиславу Филиппову, – бескультурье и нравственный упадок («Бог наш, жених, насовсем // Бросил Россию – невесту»⁴¹, «Матерятся женщины в трамвае. // Каждая погуще норовит»), потеря общности и единства («Какой ни есть, мы всё-таки народ. // Ну, не народ. Но всё-таки не сброд. // Ну ладно, сброд...»), утрата чувства Родины, отчуждение от Отечества («В эти страны иностранные // мы желаем уезжать. // А Россия – бесталанная. // Даже нечего сказать»). Последнее очень сильно бьёт и по Сибири. Всё противно, всё видится чужим: равно скучны и сибирские вокзалы, и сибирские базары, на первых царит цыганьё, на вторых – «тёмные кавказские люди». О Сибири и не думают ничего хорошего, жить там вовсе невозможно: «А живут в Сибири только дуры. И, конечно, только дураки. // Ведь везде – низки температуры. // Ведь повсюду – цены высоки». Лирический герой, несомненно, близкий или равнозначный самому поэту, простодушно соглашается – и он «сибирский валенок, дурак», но разрывать связь с Родиной, отторгать её в угоду общественному мнению недостойно сибиряка: «Но Сибирь – страна моя родная. // И уж не расстаться нам никак».

Кроме этого стихотворения, в сборнике нет других, в которых бы Сибирь упоминалась прямо. Но лирические герои стихотворений Ростислава Филиппова всегда остаются сибиряками по духу. Их отличают:

Щедрость и заботливость. Лирический герой отдаёт из своего запаса тридцать огней «от всех невзгод по одному огню на год» другому герою или героине, один оставляет «для сердца своего», ещё один – для друга, последний – до слепого, возможно, Судного дня, когда его снова навестит первый гость – «и снова без огня» («До чёрного слепого дня...»).

Близость к истории. Посещая музеи, поэт чувствует обитающую в них, «точно в храмах», суровую душу времён, ощущает огонь сердец, сгустки раздумий, переживает связь овеществлённую связь поколений: граммофон – магнитофон, сверхзвуковые самолёты – первый аэроплан и т. д. («В музеи прихожу утрами...»).

Духовное умиление, почитание святынь («Крестовоздвиженская, белая!... // Да будет вечен твой узор...»; «Открывается Байкал из окна вагона. // Синий, красный, золотой – древняя икона»).

Природосообразность, чувство гармонии с природой в хозяйственном и духовном отношении. Лирический герой стихотворения «Как-то раз весенним добрым часом...» и его возлюбленная удачно

⁴¹ Филиппов Р. В. Красная сотня: 100 стихотворений. Иркутск: Издание ОАО «Иркутская областная типография №1 им. В. М. Посохина», 2005. 132 с.

обустроиваются в степи, разводят овец и возвращают рожь: «И пахал, и пас я на века. // Так мы жили. Мирно и неспешно. // Хлеб был тёпл. Баранина сладка». Когда возлюбленная уходит к другому, душевное состояние героя находит отражение вовне – гром перебивает рожь, волки вырезают овец. Потерявший всё, герой уходит скитаться, и природа опять-таки отзывается на его настроение – «поднялась тайга зелёной шерстью, // дрогнули колосья облаков».

Прочность семейных уз. «Что же, доченька, с тобою будет? // Кто тебя укроет и спасёт?» – восклицает герой одного из стихотворений, опасаясь людей своего времени – «свалки жадных глаз и нечистот», и в то же время тайно веря: «...что с румяной девочкой моею // новая Россия подрастёт». Матери, упокоившейся в узбекской земле, в другом стихотворении он обещает: «Подожди меня, мама. Я покину свой дом.... // И пойдём мы с тобою в простор бесконечный, // в свет, где Шёлковый путь переходит во Млечный».

Простота и открытость («Такое дело жить... В него впрягли // Меня давно. Люблю я это дело. // И ни к кому из всех людей земли // Не знаю зависти – ни чёрной и ни белой»; «Вот я, Господи! Прости меня, я грешен...»).

Независимость, преобладание духовных ценностей над материальными. Герой стихотворения «Всюду – во саду ли, в огороде...» душой уходит и от города, и от села, от людей, которые в них живут: «Ведь из тех же были человеков, // Что всегда являли чудеса // И любых вождей, и стройки века // Сразу поднимать на голоса». Новое поколение, в том числе и новые журналисты, «сбились в стаю, // строго ненавидящую нас»; старое, отстаивающее Родину, историю, нравственность, встаёт против них – тех, для кого «Отечество – карман».

Что касается публицистики Р. В. Филиппова, то материалы, написанные им для газеты «Забайкальский рабочий» как во время работы в редакции, так и после ухода из неё, до Иркутска не дошли. Лишь в сборнике «Октябрьский марш. Забайкалье 1917–1977» (1977), посвящённом трудовым заслугам читинцев, можно прочитать очерк «Основа» (1973) – Ростислав Филиппов как редактор-составитель включил в сборник один-единственный текст собственного авторства о Читинском камвольно-суконном комбинате. Журналист сравнивает работников комбината с древнегреческими парками: девушки и женщины уверенно «держат в своих проворных руках важную судьбу – судьбу экономики Читы, значит, и области», а также отмечает: «Традиционно в нашем представлении забайкалец – это горняк, овцевод, геолог, лесоруб, ну и конечно же, – машиностроитель. Теперь же тоненькая фигурка девчонки, которой ещё и двадцати лет не стукнуло, девчонки в синей косыночке,

грозит заслонить их всех»⁴². Новый день – за молодыми, старательными, внимательными, трудолюбивыми, собранными и преданными делу. И камвольно-суконный комбинат, и город, и вся новая Сибирь в годы коммунистических строек держится на честных и точных, «надёжных, знающих дело досконально, могущих учиться и учить неопытных..., понимающих цену своему труду и меру своей ответственности перед товарищами по труду» молодых сибирячках.

В 1993 году Ростислав Филиппов выступил с инициативой создания газеты «Иркутская культура». Газета выходила при поддержке комитета культуры администрации Иркутской области и печаталась в Доме литераторов. Содержание газеты составляли исторические и краеведческие материалы, проблемные корреспонденции, новостные заметки, интервью, рецензии, письма и обращения читателей, литературные произведения, юмористические новости, анекдоты, кроссворды. Иногда в газете появлялись полуофициальные материалы, связанные с комитетом культуры; перепечатки из районной прессы; тематические вкладыши и специальные выпуски – в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, окончания Второй мировой войны, 60-летнего юбилея Иркутской писательской организации, в память об А. Вампилове (совместно с районной газетой «Аларь»).

Относительно постоянными были рубрики «Чиновничьи вести» (выступления по поводу актуальных социально-политических событий), «По городам и весям» (собственные новости из Ангарска, Братска, Черемхово, Усть-Илимска, Тулуна и других городов и районов области), «Чердаки Иркутска» (преимущественно исторические материалы о столице Восточной Сибири), «Родная душа» (трогательные материалы о родственниках), «Провинциальные анекдоты» (бытовые зарисовки), «Коридоры “четвёртой” власти» (проблемные материалы о профессии журналиста). В разделе «Авторское право» публиковались рассказы и стихотворения профессиональных литераторов, в каждом номере можно было найти детскую («На лугу пасутся ко») и юмористическую («“ИК” заИКается») страницы.

Газета «Иркутская культура», несомненно, была популярна. В числе её авторов – сотрудники Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского областного художественного музея, Музея декабристов, библиотекари, искусствоведы, критики, заслуженные работники культуры, актёры и артисты, ветераны войны, учителя, журналисты, писатели и поэты Г. Машкин, В. Хайрюзов, В. Козлов, С. Китайский, А. Наумов, А. Латкин и другие. Писатель М. Сергеев был ведущим и создателем

⁴² Филиппов Р. Основа // Октябрьский марш : Забайкалье 1917–1977 / ред.-сост. Р. В. Филиппов. Иркутск, 1977 (Восточно-Сибирское книжное изд-во). С. 213–216.

рубрики «Пушкинские чтения», музейный работник Ю. Лыхин выступал с серией статей «Из художественной жизни Иркутска», актёр В. Сидорченко публиковал в газете материалы из истории иркутского театра под общим заголовком «Город, где есть библиотека для чтения, должен иметь свой театр». Часто появлялись в газете и материалы, подписанные студентами иркутских университетов, институтов и училищ, причём не только на студенческой странице «Татьянин день».

Ростислав Филиппов занимал в редакции должность заместителя главного редактора Александра Исакова, но также активно проявлял себя как журналист. За его подписью в газете появлялись новостные заметки, интервью, зарисовки, очерки, статьи в специальной рубрике «Передовая писателя». Обратимся к конкретным примерам его материалов для выяснения, что представляет собой наднациональная идентичность «сибиряк» в творчестве Филиппова-публициста.

Большинство публикаций Р. В. Филиппова в «Иркутской культуре» портретны, их герои – яркие, интересные личности. Таков, например, поэт Булат Буртунаев. Предваряя подборку его притч короткой зарисовкой, Ростислав Филиппов вспоминает свою первую встречу с поэтом в Восточно-Сибирском книжном издательстве: «Оказалось, что он, высокий и очень крепкий человек, работает шахтёром в одной из донецких шахт. Теперь уж шахтёрской профессией среди бурят не удивишь, но именно Булат стал первым бурятом, спустившимся под землю. Он говорил, что хотел доказать себе и своим односельчанам, что не побоится никакой глубины – и добился своего, стал не просто шахтёром, а шахтёром классным»⁴³. С теплотой журналист вспоминает дружескую поездку в родовое село Булата Ульзоны, об отце своего знакомого, «одном из устроителей округа и выдающемся борце, силаче-борце, который в своё время победил заехавшего на гастроли по улусам чемпиона-иностранца», о полученных из путешествия знаниях о быте и духовных устремлениях бурят. Ещё до знакомства с притчами и авторским предисловием читатель получает представление о бурятах как о самобытном, духовном, творческом народе.

Другой пример – небольшая зарисовка-заметка «Поможем Вишневскому», которую можно причислить к рекламным материалам: Р. В. Филиппов рассказывает о замечательном терапевте Анатолии Вишневском, который убедил его «на веки вечные, что можно лечить быстро и надёжно... и даже как-то по-особому красиво», и обращается к читателям с просьбой помочь врачу деньгами. Однако герой материала совершенно не видится читателю очередным уже и так обеспеченным врачом, которого нарочно расхваливает пресса. С помощью Р. В. Филиппова Анатолий Вишневский становится близким, своим читателю.

⁴³ Бутунаев Б. Притчи. [вступит. слово Р. Филиппова] // Иркутская культура. 1995. № 10. С. 5.

«Анатолий – наш земляк, из Тайшета. <...> Его всегда тянуло к тайге – он работал охотником, парашютистом на иркутской авиабазе, он начал собирать травы, изучать и использовать их целебную силу»⁴⁴. Анатолий Вишневский – это добрый народный целитель, любящий природу и бережно относящийся к ней, который с помощью инструментов своего учителя и ловкости мощных рук совершает добрые дела – ставит на ноги больных, считавшихся безнадежными. Не может он только одного, «этот умница и бесребреник, – отказывать от лечения людям, которым нечем за него платить»⁴⁵. Сибирякам душевно близка такая история: земляк, да ещё с печальной семейной историей (родителей-поляков сослали в Тайшетский лагерь, где они и умерли; сам герой публикации потом попал в детский дом), но души не чаёт в природе, зачарован её целительной силой, которой задаром, по душевной доброте делится со страдающими.

Ещё один материал из этой серии – «Бельск, хозяйка духовного добра» – посвящён Нелли Задориной, которая отдала более 35 лет жизни библиотеке села Бельск Черемховского района. Р. В. Филиппов пишет о ней: «Нелли Васильевна – рачительная собирательница и хранительница духовного добра. У неё в аккуратном комплекте немало местных и центральных газет за многие годы»⁴⁶. Библиотекарь взяла на себя непростую и недешёвую обязанность обеспечивать небольшое старинное село подписной периодикой и в благодарность от жителей получила небывалый интерес как к выписанным газетам и журналам – и к библиотеке, так и к чтению в целом: «Получается, ...каждый второй бельчанин – в круге профессиональных забот Нелли Васильевны». Старания опытной, внимательной и отзывчивой хозяйки книжного добра превратили библиотеку в духовный центр старинного Бельска. Духовность, почитание книжного слова, глубокая привязанность к своему делу и к тем, с кем оно связано, – вот по-настоящему сибирские черты героини небольшой зарисовки Р. В. Филиппова.

Сибирь, по Ростиславу Филиппову, – регион исключительной духовной мощи. В заметке в честь 60-летнего юбилея Иркутской писательской организации журналист пишет: «... Если одна из организаций становится известной в стране, то не из-за количества сочинителей, а благодаря одному-двум именам, именно Писателям, чьё творчество входит в духовный мир русских читателей, хотя бы одним произведением, хотя бы на десяток лет». Р. В. Филиппов вспоминает величайших сибирских писателей – В. Зазубрина, П. Петрова, Г. Маркова, К. Седых, А. Вампилова, Г. Машкина, В. Распутина – и восхищённо вопрошает: «Как так случилось, что именно Иркутск из всех сибирских, да и не только, городов поднял планку своей литературы до мирового

⁴⁴ Филиппов Р. Поможем Вишневскому // Иркутская культура. 1997. № 4. С. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Филиппов Р. Бельск, хозяйка духовного добра // Иркутская культура. 1996. № 4. С. 9.

уровня? Может быть, потому, что уже с Шелихова он стал мировым городом...»⁴⁷. Сибирская наднациональная литература – опора национальной российской литературы и ориентир для мирового искусства.

Товарищи Р. В. Филиппова по перу часто вспоминают о его исключительном чувстве юмора. Оно нашло себе место не только в жизни поэта, но и на страницах «Иркутской культуры». Так, в нескольких номерах газеты за 1995–1996 годы были опубликованы путевые заметки смешанного юмористически-проблемного характера под общим названием «Сентиментальное путешествие», написанные Р. В. Филипповым в разное время и на различных дорогах Иркутской области: в Ангарске, Иркутске, Слюдянке, Бельске, Кутулике и т. д. В них также отображены особенные черты сибирского характера.

После прочтения заметки о бывшем секретаре обкома партии, который теперь без проблем занимается предпринимательством из-за давних дружеских связей с бандитами, Ростислав Филиппов вспоминает своих товарищей детства. Главное, что их характеризует, – честность: «... Те, с кем я рос с детства, стали не бандитами, а овладели другими профессиями. Один – строитель на железной дороге, другой – милиционер, третий – геолог..., четвёртый – слесарь высокой квалификации на станкозаводе, ... пятый – врач... Хорошие ребята. Пусть не новое, но честное сословие»⁴⁸.

В том же путешествии журналист отмечает духовную независимость сибиряков на примере одного из своих приятелей: «Как настоящий преподаватель литературы, он принципиально не имеет ничего общего с телевизионным аппаратом. Про составителей телепрограмм говорит резко: “Они меня оскорбляют, думая, что я совсем уж ручной”»⁴⁹. Говоря о герое дальше, он описывает его образованность, начитанность, умение вести беседу, отстаивать своё мнение: «О многом поговорили, о многом согласились, о многом рассорились, о многом поняли друг друга...», – а в конце заметки, спросив друга о слове из кроссворда, которое сам никак не мог вспомнить, с гордостью и уважением восклицает: «Всё-то они знают, эти провинциальные учителя!»

Вопросы культурной жизни Иркутской области и Сибири очень волнуют Филиппова-публициста. Он отмечает тесную связь природы и духовности человека: «От некоторых нынешних газет так же пахнет, как от Байкальска – наша духовная жизнь так же подтачивается, как и жизнь природы...»⁵⁰. С горечью отмечает культурное, просветительское,

⁴⁷ Филиппов Р. 100 строк юбилейного // Иркутская культура. 1995. № 9. С. 1.

⁴⁸ Филиппов Р. Сентиментальное путешествие // Иркутская культура. 1996. № 2. С. 9.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

реформаторское затишье 1990-х годов: «Тихо в столице округа, даже дым из труб идёт неспешно и умиротворённо. А чего суетиться? Во-первых, суета – не в характере бурят, а, во-вторых, всё начальство в отъезде, в командировке – и административное, и депутатское, и по нашей линии – начальство окружной культуры. И школа ремёсел на покое... Но всё это, конечно, временное явление»⁵¹.

Р. В. Филиппов сетует и на то, что «столичные» иркутские сибиряки забывают о своих товарищах из сибирских деревень и посёлков. Жители посёлка Качуг в ответ на вопрос журналиста о досуге отвечают, что к ним уже давно не приезжают концертные бригады и театральные труппы – поэтому своё свободное время они проводят дома, обывательски: «Возле телевизора сидим!»⁵². В Жигалово есть два местных творческих коллектива, в районном Доме культуры и при больнице, а вот иркутских деятелей культуры и искусства здесь также давно не видели. Благодаря администрации сохранены все библиотеки района, но централизованно присылают только справочники и детскую литературу. Работают киноустановки, но в некоторые сёла фильмокопии приходят крайне редко. Газетные предпочтения жигаловцев неоднородны и вызывают недоумение: здесь выписывают только три газеты – «Известия», «Советская Россия» и «СПИД-Инфо», причём особенно велик интерес к последней: на первое полугодие следующего года жители посёлка заказали 350 номеров. Всё это свидетельствует о культурном расслоении сибиряков по месту проживания в регионе: по принципу «город – посёлок».

Не обходит вниманием журналист и негативные черты сибирского характера. С юмором он описывает, например, склонность сибиряков к спиртному, перечисляя несколько иркутских кафе, в которых находят общий язык «в одном порыве, в одной страсти к одному предмету» и горячие патриоты из приверженцев «Русского Востока», и рьяные либералы, «большинству из которых, естественно, ... дым сигарет “Кэмэл” в сто раз и слаже, и приятней, чем дым Отечества, гори оно и дальше синим пламенем!»⁵³. Объединяет их всех «квасной патриотизм» – непоколебимое пристрастие к товарам, которые производит местное акционерное общество «Кедр».

На страницах «Иркутской культуры» существовало и юмористическое литературное альтер эго Ростислава Филиппова – «известный во многих административных кругах и округах» акционерный писатель закрытого типа Иван Кузьмич Давалло, заседатель палаты лордов, расположенной по адресу бульвар Гагарина, дом 6 (Областной психоневрологический диспансер), палата № 6. В газете Иван Давалло в

⁵¹ Филиппов Р. Сентиментальное путешествие // Иркутская культура. 1995. № 12. С. 14.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 3.

основном появлялся на последней странице номера «“ИК” заИКается» как с собственными произведениями (шутливыми стихами, частушками, литературными пародиями и т. д.), так и с «категорическими заявлениями» о необходимости напечатать того или иного автора-юмориста. Характеристики этих «молодых дарований» – также своеобразный портрет современного Ивану Давалло и Ростиславу Филиппова сибиряка:

«Забежал ко мне на баночку пива и пенсионер Виктор Адамович Нилов. Чалдон, бородач, бывший егерь из пади Кадильной, что на Байкале. Любит Адамыч, слушая рёв изюбрей на заре, писать стихи. Сам он человек не хитрый, и стихи у него тоже – бесхитростные»⁵⁴.

«Главное в его позиции – он всегда бескомпромиссен к начальству, то есть всегда начальство поддерживает, всегда улавливает, что, как и сколько следует сочинить» (о политическом обозревателе под псевдонимом Юрии Про Ниндзя)⁵⁵.

«... Его нежно-серебряная борода на протяжении последних десятилетий смущает всех свободных женщин Иркутска. Запоминающиеся афиши Иркутского музыкального театра воспроизводят его ум, пронизательность, многоцветность, живость, масштабность, демократичность» (о художнике и поэте Иннокентии Чулкине)⁵⁶.

«Даже не читая их опусы, я уже знал, что они – ребята талантливые, поскольку неталантливые ко мне подойти опасаются, вдруг похвалю!»⁵⁷.

«Пользуюсь случаем объявить общественности, что я добровольно ухожу из палаты лордов... и вступаю в местное отделение хрустианско-дымократического союза, потому что много там нашего брата-писателя. У одного даже фамилия как на “х” начинается, так на “х” и заканчивается. Я думаю, что всё-таки от слова “хороший”»⁵⁸.

Вполне вероятно, что Иван Давалло – не единственная литературная маска Р. В. Филиппова в «Иркутской культуре». Черты Давалло угадываются в таких авторах газеты, как Софрон Перовский, Захар Неумытов-Папов, Захар Янус, в корреспондентах агентства «Сибмонтажинформ» Р. Безноггере и В. Рубеле.

Также важно отметить, что, будучи заместителем главного редактора газеты, Р. В. Филиппов имел влияние на формирование номеров и возможность публикации определённых материалов. Возможно, что при его участии в «Иркутской культуре» были опубликованы очерки из «Командировок в глубинку» Т. Хомутовой

⁵⁴ Давалло И. Ко мне не зарастёшь, народная тропа! // Иркутская культура. 1995. № 10. С. 16.

⁵⁵ Про Ниндзя Ю. «Мы стали центровыми» [вступит. слово И. Давалло] // Иркутская культура. 1995. № 3. С. 16.

⁵⁶ Давалло И. Переуспевший мастер // Иркутская культура. 1995. № 2. С. 32.

⁵⁷ Давалло И. Категорический призыв // Иркутская культура. 1995. № 6. С. 16.

⁵⁸ Давалло И. Предваряя опусы А. Наумова // Иркутская культура. 1996. № 3. С. 16.

(«История Кати Карповой»⁵⁹ и В. Рекуновой («Голуметские оптимистки»⁶⁰, «Один день из жизни Нижнеудинска, проведённый в музее и библиотеке»⁶¹), проблемный материал «Сибирский каравай или бублик от Канады?» Г. Абашеева⁶² о состоянии сибирских колхозов, народная заметка из Киренска «Сохраним ли живую песнь топора?» о деревянном зодчестве⁶³, корреспонденция «Берег бурых медведей» научного сотрудника Байкало-Ленского государственного заповедника М. Степанцова⁶⁴, письмо «Отвали, поэт Ольхон!» от читателей, возмущённых обращением будущего владельца аптеки в их доме с мемориальной доской Анатолия Ольхона⁶⁵. Важная публикация в этом ряду – воспоминание Г. Машкина о друге-художнике Льве Гимове, в котором писатель приводит отрывок из монолога приятеля: «Мы – от Рублёва, друзья-писатели – от Аввакума. Для нас, сибиряков, важно то, что судьба Аввакума связана с Сибирью. С самых начал русская литература была беременна Сибирью, живопись тоже. <...> Сибирская земля, на мой взгляд, самая здоровая и перспективная “окраина” России. Следственно, мы, сибиряки, не последние люди в нашем Отечестве, сибирские художники тем более. Следует добавить, что наше искусство поработало изрядно на братание народов, сибирский период выделяется наособицу в этом деле – словом, кистью, резцом»⁶⁶.

Несмотря на свою малую известность среди более именитых собратьев по перу, Ростислав Филиппов остаётся значимым человеком в истории сибирской и иркутской литературы и журналистики. В его поэтических и публицистических произведениях читатель может познакомиться с тем сибиряком, каким его видел автор – добрым, честным, простодушным, открытым, внутренне свободным и независимым, обладающим живой душой и сильной волей, крепко связанным с историей родного края и родной природой. Правда, неоднозначен этот сибиряк в культурном отношении – с одной стороны, он имеет сильную связь с традициями, с прошлым («Позиции», «Москва – Чита»), но подвержен разрушительным воздействиям современности, иностранным веяниям («В эти страны иностранные мы желаем уезжать...»⁶⁷); обладает исторически мощным духовным и культурным внутренним зарядом, потенциалом для творчества, созидания (наследие

⁵⁹Хомутова Т. История Кати Карповой // Иркутская культура. 1996. № 8. С. 16-21.

⁶⁰ Рекунова В. Голуметские оптимистки // Иркутская культура. 1996. № 2. С. 8–9.

⁶¹ Рекунова В. Один день из жизни Нижнеудинска, проведённый в музее и библиотеке // Иркутская культура. 1996. № 4. С. 8.

⁶² Абашеев Г. Сибирский каравай или бублик от Канады? // Иркутская культура. 1995. № 11. С. 8.

⁶³ Сохраним ли живую песнь топора? // Иркутская культура. 1995. № 7–8. С. 2.

⁶⁴ Степанцов М. Берег бурых медведей // Иркутская культура. 1995. № 1. С. 12.

⁶⁵ Отвали, поэт Ольхон! // Иркутская культура. 1995. № 11. С. 4.

⁶⁶ Машкин Г. Мы не последние люди в нашем отечестве // Иркутская культура. 1995. № 7–8. С. 21.

⁶⁷ Филиппов Р. В. Красная сотня: 100 стихотворений. Иркутск: Издание ОАО «Иркутская областная типография №1 им. В. М. Посохина», 2005. С. 37

великих сибирских писателей, примеры «хозяек и хозяев духовного добра»), но в то же время культурно заторможен, ослаблен без поддержки (расслоение «город – деревня»), чувствует утрату общности, отчуждение от Родины («Скучные сибирские вокзалы...»⁶⁸). Однако надежда на лучшее будущее, на духовный рост сибиряков и культурное обогащение России через Сибирь никогда не оставляет Ростислава Филиппова: «Но всё-таки живёт // Среди нас хотя б один такой калека, // Который хочет возвести в себе // высокий храм, достойный человека. // Поэтому-то верю я судьбе. // Пусть против нас и двинется в поход // Все черти и все ведьмы века!»⁶⁹.

⁶⁸ Филиппов Р. В. Красная сотня: 100 стихотворений. Иркутск: Издание ОАО «Иркутская областная типография №1 им. В. М. Посохина», 2005. С. 7

⁶⁹ Там же. С. 42

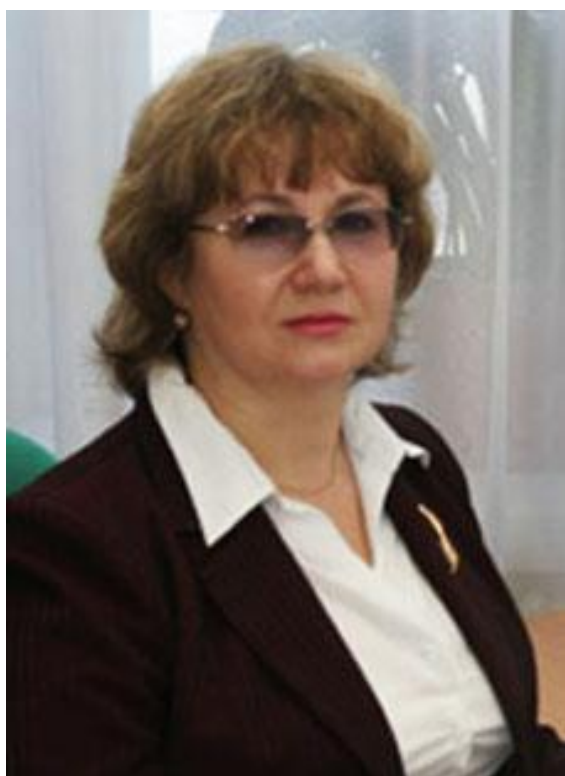
ПУБЛИЦИСТИКА

• Фестиваль ВНШ Иркутской области: г. Иркутск

Александр Гордин

«ЖИВОЕ СЛОВО» ЛЮДМИЛЫ БАБИЦКОЙ

Моё знакомство с Людмилой Адамовной Бабицкой, кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры социальной педагогики и психологии должно было произойти в далёком 1975 году, когда я, семнадцатилетним пареньком, неожиданно для самого себя поступил в Иркутское культпросветучилище (в простонародье – «Кулёк») на отделение режиссёра народных театров. В это время руководитель художественно-литературной студии «Живое слово» ВНШ училась там же.

Но убей меня гром – не помню, как это могло произойти... Или помню?! Когда же мы с Людмилой Адамовной реально познакомились в 2006 году, она была деканом факультета музыкального и художественного образования Иркутского педагогического университета, а я, «прикомандированный» от нашей кафедры, преподавал у них на факультете социальную психологию. С первой же минуты у меня возникло ощущение, что я откуда-то знаю гостеприимную и хлебосольную хозяйку декановского кабинета, в котором мы на переменах за дружеской беседой распивали чай. Да и она разговаривала со мной так запросто, что это ощущение усиливалось. Спросить постеснялся...

И вот, спустя год, случайно узнал, что мы когда-то учились в одном и том же учебном заведении! Однако на мой прямой вопрос на эту тему последовал уклончивый ответ, смысл которого можно было истолковать как «нет!» Но как же «нет»!? – Когда мы все жили в одном общежитии в Лисихе на улице Трудовой, 134, а «кулёк» не бог весть какое громадное образовательное учреждение. Кто не понаслышке знаком с бурной студенческой жизнью, полной анекдотических ситуаций, то и дело возникающих дружеских пирушек и прочего, должен понять мои

сомнения... Может быть, и не были лично знакомы, но «пересекались» точно!

К чему я это всё рассказываю? – Ощущение недосказанности, какой-то загадки всегда окружает Людмилу Адамовну. Хотя это человек, по крайней мере внешне, достаточно открытый, приветливый и явно из «нашего круга». Лично я отношусь к ней с большим уважением, как и ко всем преподавателям ВНШ, которые не корысти ради «идут в народ», делаясь с людьми, говоря казённым языком, своими знаниями и умениями, а на самом деле – частицей своих души и сердца.

Такой её знают и чувствуют наши слушатели. «Верю в то, что ЧУДО открывается ищущим, – делится своим впечатлением о занятиях в «Живом слове» Наталья Ростошинская. – Переступив порог Школы, освоившись и отдышавшись, я встретила долгожданное ЧУДО в виде занятий в студии «Живого слова» у Людмилы Адамовны. Прежде всего пленяет её личность – профессионализм, эрудиция, интеллигентность ПЕДАГОГА в сочетании с разумной требовательностью, мягким юмором, душевной внимательностью к каждому... А как Людмила Адамовна умеет слушать, как щедро делится приёмами достижения «полётности звука», преодоления возрастных «затыков»! Впрочем, это особая тема...

Главное – ободрённые её мудрым наставничеством, мы активно начали ТВОРИТЬ: сочинять литературные опусы, декламировать стихи, разыгрывать сказки и передавать эту творческую радость в другие коллективы! Не так давно мы маршировали по сцене и «брали Зимний»⁷⁰, испытав ни с чем не сравнимые эмоции, а на горизонте маячат уже другие задачи.

Пусть наша безмерная благодарность оберегает Вас, дорогая Людмила Адамовна! А слова «Школа» и «Педагог» я пишу с большой буквы, вопреки правилам орфографии...»

В феврале, перед выходом в свет этого номера альманаха, у Людмилы Адамовны был день рождения. Разумеется, студийцы, как всегда, оригинально поздравили своего руководителя, подготовив для неё в качестве подарка небольшое театрализованное представление. И конечно, среди прочих творческих подарков нашлось место стихам собственного сочинения, посвящённым Людмиле Адамовне. В одном из них Людмила Капустина желает ей от имени всех студийцев:

*Здоровья, радости, удачи
И долгих-долгих зим и лет,
Пусть будет так и не иначе,
Пусть будет мил Вам белый свет.
Пусть Ангел жизнь Вашу избавит
От нездоровья, нелюбви,*

⁷⁰ «Брали Зимний» – речь идёт об одной из последних работ студии, литературно-художественной композиции, поставленной по стихам В. Маяковского.

*Пусть годы будущие славят
Успехи Ваши во все дни.
Живите впредь, судьбой хранимы,
Хранимы Богом и людьми,
Детьми и внуками родными...
Да пусть продлятся Ваши дни!*

Мои попытки отгадать «загадку» Людмилы Адамовны начались год назад, когда ей было присуждено звание общественного признания «Народный просветитель»⁷¹. Появился, как говорят журналисты, «информационный повод», и я «заслал» к ней студентку, чтобы она взяла у педагога интервью. Попытка оказалась не очень удачной. Кое-какая информация была добыта, но студентка смущённо призналась, что не смогла разговаривать Людмилу Адамовну. Тогда я предпринял, как наивно полагал, «хитрый ход»: попросил её помочь мне смоделировать

учебное интервью в контексте предмета «Информационная культура» и выступить в качестве интервьюируемого. И ... получил категорический отказ. Ну что мне оставалось делать? – Диктофон всегда со мной, а стулья наши за общим столом на кафедре стоят рядом... Простите, Людмила Адамовна! Но... даже этот пиратский репортёрский приём сработал только наполовину.

Когда молчит человек, то о нём всего красочнее говорят его дела. Их не утаить, особенно если они творческие. Студия

родилась в ВНШ в 2013 году и сразу стала пользоваться огромной популярностью. За это время Людмилой Адамовной проведены сотни специальных групповых и индивидуальных занятий по овладению

⁷¹ *Народный просветитель* – звание общественного признания за плодотворную и творческую деятельность в области образования взрослых России, учреждённое РОО «Дом Европы в Санкт-Петербурге».

техникой сценической речи. Её студийцы написали сотни учебных рассказов, миниатюр, стихов. Ею были поставлены и инсценированы басни, отрывки из пьес, рассказы, стихи различных авторов, таких как А. Чехов, С. Михалков, И. Крылов, С. Есенин, В. Маяковский, Е. Евтушенко и др.

Наблюдая за Людмилой Адамовной и другими добровольцами-педагогами Высшей народной школы, я всегда стремился понять: почему они занимаются этой общественной работой? Какова их мотивация? Да, разумеется, есть в ней нечто общее, объединяющее всех... Но, кроме этого, и своё собственное понимание образовательной миссии, а также особенный личный мотив. Например, я точно знаю, почему и зачем иду в литературный клуб... Поэтому ключевой вопрос, сформулированный нами для исследовательского интервью с Людмилой Адамовной, был как раз об этом. На него она ответила достаточно односложно, даже стандартно: «Я люблю работать со словом и люблю работать с людьми ...»

Это чистая правда. Как и то, что ещё в школе учителя Люды Бабицкой⁷², обратив внимание на лидерские и организаторские способности молоденькой девочки, предсказали ей, что она станет учителем. Тогда Людмила этому не поверила.

Сегодня, когда я гляжу на то, как Людмила Адамовна управляется с достаточно многочисленной группой слушателей ВНШ (более 50 человек!), неизменно удивляюсь её работоспособности и умению найти индивидуальный подход к каждому слушателю. Работа режиссёра-педагога, благодаря моему мимолётному, но всё-таки режиссёрскому образованию⁷³, а также солидному «стажу» самодеятельного актёра⁷⁴, мне известна не понаслышке. Этот труд несовместим с «поточными занятиями». И действительно, на творческих отчётах мы видим актёрскую работу слушателей в разных жанрах театрального искусства: от инсценировок басен до мини-спектаклей и художественно-литературных композиций. Кроме того, наш литературный клуб постоянно «подпитывается» произведениями, которые создаются в качестве творческих домашних заданий в студии художественного слова. По словам Людмилы Адамовны, у неё скопилось уже четыре пакета подобных произведений. Некоторые из них вместе с авторами уже «перекочевали» в наш литературный клуб. Другие – на подходе. Думаю, что подобное будет происходить и дальше. Так мы и работаем с Людмилой Адамовной на «параллельных курсах».

⁷² Прошу прощения, что не знаю девичьей фамилии Людмилы Адамовны (прим.- автора).

⁷³ Один курс Иркутского культпросветучилища по специальности «Режиссёр народного театра», актёрские работы в трёх дипломных спектаклях и поступление после службы в армии по этой же специальности в Улан-Удэнский институт культуры. Прекратил обучение по семейным обстоятельствам (прим. – автора).

⁷⁴ *Солидному стажу самодеятельного актёра* – на протяжении 80-90-х годов автор этих строк исполнял различные роли в литературно-художественных композициях, спектаклях театральных студий и народных театров Байкальска и Усолья-Сибирского (прим. – автора).

Её любовь к художественному слову (в широком смысле!) всегда мне казалась неслучайной. Разумеется, без анализа художественного произведения невозможно его интересное публичное прочтение. Он подразумевает не только создание индивидуального интонационного рисунка на основе определения логических и психологических пауз, звуковой транскрипции. Анализ и тем более написание художественного произведения требуют от человека определённых знаний о жанрах, драматургии, композиции и т. п. Но каждый режиссёр передаёт эти знания своим ученикам по-разному. Мне, например, мне никогда режиссёр не давал задания сочинить что-нибудь «собственное». Это – изюминка творческой лаборатории Людмилы Адамовны! И конечно, изюминка не случайная. Как-то я прямо спросил педагога о том, не занимается ли она сама «случайно» сочинительством. Последовал утвердительный ответ. Но следом на мою просьбу показать что-нибудь из написанного ею прозвучал не менее категоричный отказ: «Это – личное... Всё! – Я закрываю эту тему...». Произнесла она это таким тоном, что больше задавать вопросы у меня желания не возникало. Но обижаться на Людмилу Адамовну невозможно...

Зная о серьёзной «общественной нагрузке», которая идёт большим довеском к её основной профессиональной деятельности, мы неоднократно, заботясь о её здоровье, предлагали прекратить набор в студию, взять паузу... Но Людмила Адамовна не бросила своих подопечных даже в разгар аккредитации вуза, отмахнувшись от нас: «Знали бы Вы, какая у меня была нагрузка, когда я работала деканом факультета!»

Догадываемся... А точно знаем другое: ею лично и её сподвижниками было сделано немало, чтобы при помощи Дениса Мацуева⁷⁵ на базе тогда ещё Восточно-Сибирской академии образования была открыта первая в регионе консерватория. Это мечта, которой не суждено было сбыться из-за неповоротливости чиновнического аппарата. А позже, как будто в наказание, – оптимизация и сокращение её должности. И вот в жизни такого деятельного человека образовался вакуум... Студия художественного слова, похоже, стала местом приложения неостребованного организаторского потенциала и, конечно, творческой самореализации в качестве режиссёра-педагога.

Много узнать о творческой биографии Людмилы Адамовны мне не удалось, точно известно только то, что она в своё время отработала два года по специальности в Баяндае, где вела три театральные студии, и её театру было присвоено звание народного. А также то, что она закончила

⁷⁵ Д. Мацуев – Денис Леонидович Мацуев (р. 11 июня 1975, Иркутск, РСФСР, СССР) – российский пианист-виртуоз и общественный деятель. Народный артист РФ (2011). Лауреат Государственной премии РФ (2009).

Московский институт культуры по специальности «Режиссёр» и защитила диссертацию по технике речи⁷⁶.

В нашем исследовательском интервью Людмила Адамовна рассказывала о том, что мечтает о небольшом помещении для студии, где можно было бы хранить реквизит, костюмы, которое имело бы необходимое техническое оснащение и малую сцену для репетиций и выступлений. Она говорит, что в те моменты, когда студийцам удавалось выступить на сцене вуза, «они становились выше, плечи распрямлялись, глаза блестели – и у них появлялось особое желание донести до других то, что они умеют делать». Не скрывает Людмила Адамовна, что при таком «наплыве» слушателей ВНШ в её студию ей «нужен помощник, а лучше два, которые бы горячо любили своё дело». Также желательно, чтобы слушатели больше показывали свои работы перед жителями города.

Надо сказать, что при малейшей возможности выйти в город с показом своих творческих работ студийцы это делают с очень большим желанием. Мы уже об этом говорили выше. Но, разумеется, это не предел...

И ко всему прочему, Людмила Адамовна – любящая бабушка. Мне, как «неоднократному дедушке», это очень даже понятно и ... приятно. Уважаемый читатель может сказать: «Ну, что здесь такого необычного?» – Не скажите! При такой профессиональной и общественной «загрузке» не каждый находит время для детей и внуков. А кто-то из наших сверстников просто предпочитает наконец-то пожить для себя: путешествовать, усиленно заниматься сохранением молодости своего тела и души, поиском новых друзей, «спутников по жизни» и т. д. До внуков ли тут!

Когда Людмила Адамовна рассказывает о своём трёхгодовалом внуке Юрочке, мне кажется, что лицо её начинает светиться каким-то особенным светом. От этого «света» оно преображается и становится способным по-детски открыто и незащищённо выражать свои эмоции. Юра, как она говорит, это её отдушина. И признаётся: «Если бы Вы видели, как мы с ним можем играть, когда никого нет! Что мы с ним творим...»

Эту детскую непосредственность и юношескую лёгкость её души давно заметили студийцы. В одном из стихотворений, посвящённых народному просветителю, они пишут: «Ваш голос – как ручей, журчащий среди камней, / Впадающий в Байкал...», хотя он: «волнами может заштормить». «Цвет глаз у вас байкальский – голубой, / А руки, словно крылья чаек...» (Т. Стародубцева). Согласитесь, так пишут о тех, кого не просто уважают, но и обожают, кем любят и кому стараются

⁷⁶ «... по технике речи» – диссертация на соискание научной степени кандидата педагогических наук была защищена в 2005 году в диссертационном совете ИПГУ и называлась «Педагогические условия становления техники речи будущего учителя в образовательном пространстве вуза» (прим. – автора).

подражать. Этого удаётся достичь далёко не каждому педагогу и тем более андрагогу⁷⁷, который работает со взрослыми, умудрёнными жизненным опытом людьми. В человеке любого возраста всегда есть место «для себя маленького». Может жить ребёнок и в душе человека, уже изрядно пожившего. От того, насколько он способен играть с мячиком сердца, воздушным шариком по имени «душа» и расшалившимся котёнком – воображением, зависит его способность «не стать пожилым» – биологическим видом, доживающим свою жизнь, а остаться человеком – мудрым творцом её до самой последней минуты. Возможно, Людмила Адамовна таких слов и не говорит своим студийцам: уж больно они похожи на нудное нравоучение. Но точно, призывая их любить «искусство в себе, а не себя в искусстве»⁷⁸, условно говоря, «учит» этому, потому что она настоящий народный просветитель.

⁷⁷ Андрагог – специалист, занимающийся образованием взрослых.

⁷⁸ *«Надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве»* – известное высказывание театрального режиссёра К. Станиславского, которое в контексте очерка является скорее творческим кредо героини (прим. – автора).

**Тамара Стародубцева: «Ценю я дружбу верную –
сама друзьям верна...»**

В Высшей народной школе много талантливых людей, которые не сразу могут определить, какие дремлют в них способности. Они посещают лекции и «путешествуют» по кружкам, пока не останавливаются на каком-нибудь одном или нескольких. Так было и с Тамарой Валентиновной Стародубцевой, которая сравнительно недавно «вернулась» в литературный клуб «Родные берега» и параллельно уже продолжительное время занимается в студии «Живое слово». Беседа с Тамарой Валентиновной состоялась на практическом занятии предмета «Информационная культура социального педагога» в апреле 2017 года в присутствии студентов группы ЗПС Педагогического института ИГУ.

– Есть ли любимые дни в апреле?

– Любимые дни – это дни рождения моих родственников и друзей. Апрель мне нравится тем, что постепенно солнышко начинает становиться по-настоящему весенним, оно днём может так уже греть, что слегка припекает, пробрызгивает капель, а это значит, надо ехать на дачу и что-то посадить... Хотя сейчас наши рынки заполнены всем чем угодно круглый год: пошёл и купил. Это так рассуждают наши дети и наши внуки. Но, наверное, человек едет на дачу и вообще содержит садовый участок не столько для того, чтобы на нём что-то вырастить, а более для того, чтобы иметь возможность общаться с природой. Для человека всегда это важно.

В апреле у моей внучки Софьи Авдеенко день рождения. Она закончила железнодорожный институт. Специальность связана с мировой экономикой. Но она вдруг «ударилась» в модельный бизнес. В своё время, когда я была моложе, занималась моделированием одежды.

Может быть, это повлияло как-то на её выбор. Когда она закончила школу, у нас ещё не было институтов, подготавливающих специалистов, работающих в модельном бизнесе. И вот сейчас она находится в Риме (Италия) с показом мод – своих моделей. Я могу похвастаться. Она сейчас приедет, и это будет наш праздник...

– В 2017 году на фестивале Высших народных школ я услышал стихотворение в Вашем исполнении. Это стихотворение Вашего сочинения?

– Да. Это получилось как-то спонтанно. Я, как только пришла в школу, начала ходить в литературный клуб. На первом же занятии мне стало немного страшновато... Только поэтому я не стала продолжать. И вот как-то, сидя на лекции, услышала, что литклубовцам дали задание написать к очередному разговорному литературному кафе стихотворение на тему «Души прекрасные порывы». Я подумала: «Боже! – Это действительно моё!». Конечно, я не поэт, просто сочиняю «в рифму», например, дружеские поздравления по случаю каких-то праздников, дней рождения моих близких и друзей...

Души прекрасные порывы
Вдруг не возникнут – нет!
Они рождаются, растут, мужают
И вырываются на свет...
Порыв – любви, порыв – заботы,
Порыв идейный может быть:
Он проявляется в работе
В любой, любимой может быть!
В стихах, в поэме иль в рассказе:
А иногда, как музыка, звучащая в экстазе,
Ты вырываешь из себя – порыв,
Любуясь, восторгаясь тем, что любишь делать,
И даже время позабыв,
Ты совершенствуешься в жизненном пространстве,
Стараешься своё искусство людям подарить,
А иногда в порыве нежной, бурной страсти
Безумный подвиг можешь совершить
И в этом наслаждение большое получить⁷⁹.

Я сама не была на литературном кафе, но стихотворение передала Людмиле Арсентьевой, и она его там прочитала.

⁷⁹ В тексте сохранена авторская стилистика.

– *Образование в третьем возрасте... В 2014 году Вы пришли в школу. Конечно, Вы и до этого были образованным человеком... Зачем же Вы ходите в школу?*

– Да, вот не знаю зачем... Видимо, в таком возрасте нужно общение. Когда ты привык жить среди людей жизнью, которая бурлит событиями, одиночество – тяготит. Я когда пришла в школу, окунулась в атмосферу школьных и городских общественных дел, нашла единомышленников, которые, образно говоря, не сидят на месте. При городской администрации есть хоровое объединение «Любимовка» – двадцать девять коллективов! Это ансамбли. В каждом районе свой, а администрация их объединяет. Или, например, при каждом пенсионном фонде есть какие-то кланчики, какие-то сборища, в которых тоже жизнь бьёт ключом... Ещё, например, библиотека имени Молчанова-Сибирского... Там есть такая форма общения – «Свободный микрофон». На этой тусовочке собираются в основном люди пожилые. И все куда-то идут, куда-то стремятся, хотят что-то делать, хотят общаться! Вот это самое главное! И в нашу школу тянет, по моему ощущению, людей, которые, даже несмотря на то, что у них есть семья, по-своему одиноки.

Зачем я пришла? – Случайно. У меня соседка Светлана Михалёва ходила в школу с самого начала ... Она говорит: «Давай к нам». И вот как-то после общения со своими друзьями ночью махом написала стихотворение, посвящённое им. Утром звоню и говорю: «У меня, наверное, «крыша поехала», потому что написала какое-то философское размышление». Они мне говорят: «Иди в школу, там есть студия «Живое слово» и литературный кружок!» Вот я и пошла.

Кстати, задание, которое Вы дали на одном из первых занятий литературного кружка, я выполнила. Оно звучало так: «Что такое я?»

– *И что такое Вы?*

– На этот вопрос я попробовала для себя ответить в сборнике стихов, который так и называется «Что такое я?». Его профинансировал мой сын – Аркадий. Сделал мне такой подарок. Этот сборник я подарила всем родным, однокурсникам и друзьям. Сейчас прочитаю Вам одно из стихотворений, вошедших в него, которое поможет познакомиться со мной...

Я не философ, не социолог,
Не литератор и не психолог...
Я инженер-экономист –
Разносторонний специалист.
Я позитивная,
Считаю, что активная,
Я оптимист и атеист.

Я музыку и пение люблю.
А также шить, вязать и многое другое.
Я могу стихами поздравлять друзей,
Романс им спеть и песенку в очередной их юбилей.
Могу всех однокурсников за круглый стол собрать,
Чтоб вспомнить, как учились мы,
Попеть, потанцевать...
А кто не сможет к нам прийти,
Я всех их обзвоню,
О жизни их узнаю.
Я скажу, что всех люблю.
Я материально не зациклена,
Но чтоб достойно жить,
Я там всегда работала,
Где можно было премию к зарплате получить.
В семье, наверное, главной была всегда,
Но без поддержки мужа не состоялось моё «Я»!
Без дачи было нам нельзя:
Природа для детей важна,
К труду чтоб привыкали,
Сажали, собирали
И дружно отдыхали...
О птичках разных, ласточках,
Что посещают нас на берегах Байкала,
Пойдёт другой рассказ...
Я с флорой и фауной всегда была дружна!
Сейчас с собачкой вместе в лесу гуляю я!
Ценю я дружбу верную:
Сама друзьям верна.
Но если обижают!
О-о-о...То не прощаю я⁸⁰.

– Конечно, Тамара Валентиновна, Вы не производите впечатление человека, у которого существует «дефицит друзей», хотя Вы сами сказали, что пришли в школу за общением... Даже из этого стихотворного опыта следует, что Вы постоянно находитесь в центре каких-то событий, то есть в окружении людей, которые вокруг Вас, очевидно, объединяются... Кто же они такие? С кем Вы по жизни дружите?

– Во-первых, я дружу с коллегами по работе. Многие из них гораздо младше меня. Придя в школу, я смогла подучиться компьютерной грамотности. До этого я была равнодушна к техническим возможностям

⁸⁰ В тексте сохранена авторская стилистика.

компьютера, хотя освоить его у меня и раньше была возможность – к нам в областную администрацию приходил специалист, помогавший понять его премудрости... Но я не хотела... Дело было перед пенсией, и мне думалось: «Зачем мне это?». У нас в отделе был оператор, который выполнял необходимую техническую работу

И только выйдя на пенсию, я поняла, что мне это необходимо. Дети мне дали компьютер, научили выходить на сайт «Одноклассники», и я начала работать на компьютере... А потом надо было печатать стихи, теперь мне это удаётся делать самостоятельно. Представляете? – Бабушка в возрасте семидесяти трёх лет ... (обращается к группе студентов) Я ваша бабушка! Может быть, сейчас, общаясь мной, некоторые из вас поймают себя на мысли, что не так-то много знают о своей бабушке... Вам же всегда некогда, вы спешите... Круг моего общения значительно расширился, когда я стала входить на сайт «Одноклассники»... Его посещают мои друзья и однокурсники, с которыми не всегда удаётся встретиться лично.

Мои друзья – однокурсники. Мы закончили Институт народного хозяйства пятьдесят лет назад. На нашем курсе было сорок девять человек. И мы, иркутяне, начиная с двадцатилетнего юбилея, всегда вместе собираемся. Когда было двадцать пять лет со дня окончания института (ещё был Советский Союз), мы съехались со всего Союза, так как каждый из нас после окончания института должен был обязательно отработать несколько лет по направлению вуза на каком-то предприятия СССР... Отправляли нас и на Север, и на Запад, и на Дальний Восток – разъехались по всей стране. И вот через двадцать пять лет нас собралось тридцать человек! Потом мы отмечали и тридцать, и тридцать пять, и сорок пять лет! А когда мы отмечали сорок пять лет, мои однокурсники сказали: «Ну, давайте ещё пятьдесят лет отметим!» Я говорю: «Нет, всё, ребята, хватит – тяжело вас собирать...» Но собралась с силами и накануне юбилея отправила двадцать семь писем всем своим однокурсникам с анкетой, чтобы они о себе написали, как прошла их жизнь после окончания института, куда их направили, на каких должностях работали, кем они были, кем они стали... Это очень интересно...

– Эти люди – представители большого и сильного государства СССР, которого теперь юридически не существует, но остались люди, которые идентифицируют себя как неформальное сообщество советских людей... Конечно, это осколки, небольшие островки СССР, которые ещё долго будут существовать в сознании нескольких поколений людей, большинство из которых, несмотря на насильственное уничтожение их Родины, их идеалов – будет всегда жить в памяти людей. У нас есть такая пословица: «Пока человека кто-то помнит – он жив». По аналогии можно сказать то же самое и

про Союз Советских Социалистических Республик: пока люди будут помнить об этом государстве – оно не перестанет существовать, как бы этого кому-то ни хотелось... Как же ваши однокашники прижились этом мире, в котором царит рыночная логика бытия?

– Вы знаете, у всех, с кем я общаюсь, судьба сложилась достаточно благополучно. Очевидно, это произошло потому, что по основной специальности мы строители. А они в далёком 1966 году были очень востребованы в стране. Эта очень важная для человека профессия оставалась актуальной в Советском Союзе, актуальна она и в современной России... Например, у нас в Иркутске работал домостроительный комбинат, трест «Иркутскжилстрой», «Иркутскпромстрой» «Иркутсктрестстрой», в котором я проработала много лет. Начинала свою трудовую биографию с рядового экономиста в плановом отделе, потом перешла в производственный отдел... По жизни получалось так, что у нас всегда были какие-то эксперименты... В институте я попала в экспериментальную группу: мы учились и одновременно работали полтора года. То есть учились вечером, а днём работали на стройке штукатурками, малярами, каменщиками... Очень тяжело было... Когда я начала работать в плановом отделе, вдруг было внедрено сетевое планирование... Потом был создан планово-производственный отдел... Потом началась централизация – объединение различных строительных организаций в более крупные тресты... Моя специальность «Инженер-экономист по строительству» очень обширна... Наши выпускники работали в отделах труда и зарплаты, некоторые попали в какие-то геологические предприятия. Другими словами, трудились в самых разных сферах, где велось строительство... А строительство в те годы велось везде! Сейчас наши выпускники живут в Ярославле, Перми, Улан-Удэ, в Украине, Иркутске... Это те двадцать три человека, от которых я получила ответы и сделала о них буклет. Его изготовлением занимались три человека – все иркутяне... В нём рассказано о каждом, он проиллюстрирован их фотографиями.

Мы – трое в единый буклет вас собрали,
За стол посадили, всё рассказали,
Вспомнили всех, никого не забыли –
Кого нет в живых и кого не нашли мы.
Желаем на связи всем оставаться,
В надежде ещё не раз повстречаться...

Сейчас у нас такая ностальгия по студенческим годам... Так же будет и у вас, ребята. Пока, может быть, это для вас непонятно: по привычке друг к другу, всё кажется неинтересным, обыденным, иногда,

возможно, ссоритесь (это бывает в студенческие годы)... Потом вы, может быть, будет вспоминать, что когда-то перед вами выступала бабушка, которая сумела спустя пятьдесят лет собрать двадцати трёх человек из своего курса ... Мы эти буклеты отправили каждому... Когда они их получили, какая была радость! Сколько было звонков с благодарностями! И конечно, у меня была такая эйфория... А мы, иркутяне, собрались в нашей институтской столовой. Походили по институту, который теперь, конечно, не узнать... В нём уже нет нашего факультета – инженерно-экономического, который выпускал когда-то таких прекрасных специалистов... Среди нас есть доктора наук, главные инженеры, главные экономисты....

– Да, это было особое поколение. Но вернёмся к нашей школе. Какие общешкольные события, может быть, какая-то лекция, какое-то отдельное занятие особенно Вам запомнились за прошедшие годы?

– Знаете, мне всегда интересны все лекции. Это очень познавательно, это встречи с интересными людьми, с которыми я бы по жизни никогда не встретила. Например, последняя встреча с Владимиром Скифом. Когда он вышел читать свои стихи, седой, в моём примерно возрасте, мне показалось, что у него все морщинки расправились и лицо засветилось каким-то удивительным светом... И так нам всем понравилось, что он читал не только свои стихи, но и произведения других талантливых авторов наизусть...

– Я когда слушал эти стихи, пожалел, что мы не всегда приглашаем на наши лекции студентов, ведь они могли бы познакомиться на этой встрече с творчеством не только удивительного иркутского поэта Владимира Скифа, но и своих ровесников....

– Когда я его слушала мне подумалось, что человек учился, потом выпускал сборники своих стихов, государство, когда был Советский Союз, ему в этом помогало... Потом вдруг всё это прекратилось. Как жить поэту!? Идти на рынок? Вы представляете, поэт стоит на рынке и торгует своими стихами, как колбасой, – это же ужасно! Если бы это было, например, в период Гражданской войны, это ещё можно было бы как-то оправдать. Например, Марина Цветаева переписывала от руки свои стихи и ими торговала на улице... Но сейчас ведь не Гражданская война!

– Что бы Вы из нашего времени – из Советского Союза – взяли и передали последующим поколениям

– Во-первых, конечно, бесплатное образование. Возродить техникумы и профтехучилища. Чтобы молодёжь могла приобретать самые разные необходимые им и обществу специальности. Чтобы они сохранили такое личностное качество, как доброта, активно участвовали во всех общественных делах... Как нас когда-то учили ... Мы и на субботники ходили... В этом смысле важную социальную функцию выполнял комсомол. У меня, например, дочь возглавляла штаб студенческих строительных отрядов... А сейчас я не знаю, как живёт в этом смысле молодёжь, вокруг каких идей объединяется? Недавно некоторые из них вышли на акцию протеста против государственной коррупции. Организаторы её им, голодным, холодным, пообещали через компьютерные сети заплатить за это. Но ведь эти молодые люди даже ничего не знают о том, что такое коррупция...

Хорошо, что сейчас возрождается волонёрское движение, которое нам ещё со школы было известно под именем тимуровского движения. Я представляю себе, как ребята закончат университет и придут в школы, и не знаю, как они будут, вокруг чего объединять учеников, а это ведь будет их работа... В каждой школе, наверное, есть своя воспитательная система, а в целом в стране не существует единой концепции...

Что ещё? Хотелось бы, чтобы выпускникам вузов была гарантирована работа... Сегодня это, к сожалению, не так. У моей знакомой внук хорошо учился и получил специальность машиниста электропоезда, а его никуда не берут на работу... Такого у нас не было.

– *Расскажите немного о своей семье?*

– У меня дочь, сын, был муж – сорок лет вместе прожили... Сын закончил музыкальный факультет пединститута. Играет на фортепиано. После окончания вуза стал преподавать в педагогическом училище. Ему там очень нравилось работать. Его обожают в коллективе, который в основном, конечно, состоит из женщин, многие старше его, некоторые из них немного моложе меня... И они тоже до сих пор встречаются – вот опять же Советский Союз...

– *Вот я про это и говорю. Мы, поколения, родившиеся и возмужавшие в СССР, всё стремимся к интеграции. Это у нас подсознательно. Может быть, в силу того, что нас, к сожалению, всё меньше и меньше остаётся... Но группируясь, мы пытаемся тем или иным образом донести свои мысли, чувства, переживания того времени в наше время. И не только потому, что они, конечно, значимы лично для нас... У меня такое ощущение (я тоже смотрю на своих детей), что современному поколению молодых людей этого хронически не хватает ... Всё-таки прослеживается в их поведении линия, когда каждый из них переживает больше лично за себя. Не то*

чтобы, как говорится, «Моя хата с краю», – у нас эта присказка была вообще ругательной. На смену ей пришло иностранное шаблонное высказывание, которое меня почему-то удручает: «Это мои проблемы». Не знаю почему, но меня оно обижает. Я постоянно спрашиваю своего сына: «Я чем-то могу помочь? – Обращайся ко мне, пожалуйста...» Мне больно смотреть со стороны на то, что у моих детей в жизни происходят какие-то трудности... Мне кажется, что я должен быть рядом, чтобы помочь, чем уж могу: словом, если есть какая-то копейка, ею поделись... Но тут какая-то принципиальная позиция...

– Мне кажется, что они не хотят свои какие-то проблемы перекидывать на наши плечи... Они, должно быть, щадят нас... Раньше, ещё в Советском Союзе мы могли помочь устроиться на работу своим знакомым, например, так делали я и мой муж... А сейчас бизнес... В бизнесе друзей нет....

– Я не люблю слово «бизнес». Оно действительно какое-то бездушное. В русском обществе ещё до Советского Союза были деловые отношения между людьми, которые во многом держались на крепости межличностных отношений. Из истории известно такое понятие, как «честное купеческое слово». Под это слово деловые люди в России давали в долг друг другу очень большие суммы денег без расписки. И не было большего позора в деловой среде, чем не вернуть деньги, взятые под честное слово. Человек, который не мог исполнить свои долговые обязательства, становился изгоем в своей среде и предпочитал долговой яме пулю в лоб. Такова была сила общественного мнения....

Но давайте уйдём от экономики, от каких-то современных финансовых проблем и вернёмся к нашим школьным делам...

– Мне кажется, что в нашу школу некоторые слушатели приходят «зажатыми», придавленными грузом личных проблем. Но со временем они «оттаивают» и начинают проявлять свои лучшие человеческие качества.

Например, как великолепно во время устного журнала⁸¹ раскрылся наш Олег Емельянов. Школа ему точно дала очень многое. Во-первых, он ходит во многие кружки, организовывает походы, активно участвует в волонтерских делах, читает стихи, у него проявились незаурядные актёрские способности, и, как оказывается, он начал сам писать прозу. Это же здорово!

⁸¹ Устный журнал – одна из форм презентации литературного творчества писателей в виде встречи с читателями, которая проходит при поддержке ведущих, слайд-фильма и музыкального сопровождения.

И ещё я «подсекла». На занятиях студии «Живого слова» преподаватель даёт задание всем – и все их выполняют. А когда слушатель читает свою работу, Людмила Адамовна никогда никого не нахваливает и не упрекает в неудаче. Это очень корректно. Сочиняй, но если у тебя получится действительно что-то значимое, то ты сам себя рано или поздно проявишь...

– Я как преподаватель хочу сказать о том, что для меня Высшая народная школа – это дополнительный ресурс для реализации не только профессиональных, но и творческих способностей. Может показаться странным, но это ещё вопрос, кто больше получает, условно говоря, пользы во время занятий – я или слушатели.

Во-первых, мы в литературном клубе, по сути, обмениваемся опытом переживания прочтённой литературы. Причём у слушателей больше возможности посвятить время чтению, например, художественной литературы. Так что они меня «подталкивают» что-то прочесть новенькое или перечитать давно уже прочитанное и позабытое. А так как большинство занятий проводят сами слушатели, я благодаря им узнаю много новой информации.

В профессиональном плане они дают мне возможность совсем по иным принципам, нежели в вузе, строить образовательный процесс, опираясь на их читательский опыт и образовательные потребности. Они дают мне возможность вспомнить, что педагогика – это искусство, а не бюрократическая деятельность, девяносто процентов которой посвящено не общению с учениками, а написанию программ, отчётов, фондов оценочных средств и другой бумажной мертвятины, которая абсолютно не нужна педагогу в его реальной практической деятельности. Литературный клуб – это наш островок свободы, это то пространство, на котором я в реальной педагогической деятельности себя ощущаю творческой личностью, а не механическим бездушным актором, заряженным на удовлетворение только материальных потребностей.

– Я тоже в этом году попробовала себя в роли педагога! Провела два мастер-класса для слушателей по изготовлению кукол. Моими ученицами стали 14 человек, все женщины третьего возраста. Как было интересно наблюдать за тем, как они занимаются. Они в процессе наших занятий буквально «ушли все в голову»! Ах! И делали, и делали, и делали... И для меня это была настоящая радость. Мне так было хорошо от того, что передала свою энергию, свои знания и умения другим людям... А получила я их, в свою очередь, во время Недели неформального образования в 2015 году на одном из мастер-классов. Причём к полученному опыту мне удалось присовокупить собственный опыт моделирования и составления костюмов, чем я занимаюсь уже

давно. Я даже слушателям сделала небольшие макетики, наподобие форум-эскизов, к их будущим куклам. Такая красота получилась!

Также в этом году я сочинила три сказки в стихах. Ну, может быть, это не стихи, а просто зарифмованная проза. Но мне было очень интересно.

Ещё в вокальной студии, когда узнали, что мы пробуем сочинять в ВНШ, попросили сочинить какую-нибудь музыкально-литературную композицию. Я пришла домой и, воодушевлённая этой идеей, написала свой «Севастопольский вальс». Создавался он для студии, а для вас... это история нашей жизни.

В нашу молодость были парки, и в них играл духовой оркестр. Мы ходили в субботу и воскресенье в этот парк и танцевали. На меня почему-то всё это нахлынуло, и родилось вот такое стихотворение, которым мне и хотелось бы закончить нашу беседу.

На танцплощадке духовой оркестр играл –
Вальс сева­сто­поль­ский призывно зазвучал!
Под звуки сева­сто­поль­ского вальса
Меня на танец ты любезно приглашал.
Под звуки сева­сто­поль­ского вальса
Какие-то слова на ушко мне шептал.
Под звуки сева­сто­поль­ского вальса
Ты руку мне и сердце предлагал.
Под звуки сева­сто­поль­ского вальса
Ты о любви мне говорил прекрасные слова.
Под звуки сева­сто­поль­ского вальса
От счастья у меня кружилась голова.
А ты меня кружил, кружил, и я порхала,
Ты что-то говорил, я что-то отвечала...
Моя ладонь в твоей руке лежала,
И ничего, конечно, я вокруг не замечала...
Меня за талию ты нежно обнимал,
А духовой оркестр вальс сева­сто­поль­ский играл...
Умолкли звуки сева­сто­поль­ского вальса,
Счастливые по парку пошли гулять
Мы, о любви друг другу говорили
И прерывались, чтобы мог меня ты целовать...
Пройдут года счастливой нашей жизни,
Другие будут вальсы и мелодии звучать,
Но та мелодия прекраснейшего вальса
Всегда нам будет о любви напоминать...

Беседу записал А. Гордин

Нина Увакина

БАБУЛЕЧКИ ПРИШЛИ

В последние майские дни 2017 года, перед летними каникулами мы пошли в Центр помощи детям пообщаться с подопечными ребятами. Как только мы вошли во двор, играющие на площадке дети, заметив нас, с радостным визгом, перегоняя друг друга, бросились к нам навстречу со словами: «Бабулечки пришли!»

Началась наша дружба с Детским домом № 2, который находится в Иркутске на улице Баррикад, в 2013 году. Именно это время мы – добровольцы из числа слушателей Высшей народной школы, организовали «Дедушкину и бабушкину школу». Идея эта возникла, когда мы пришли на первую встречу с детьми. Как потом оказалось, не случайно... Увидев, какие надежда и радость светились в глазах ребят, в наших сердцах мгновенно вспыхнуло осознание того, что это «наши дети». Мы сразу поняли, что чужих детей не бывает, а у нас есть желание поделиться с ними

своим жизненным опытом, мудростью, нежностью, теплом души своей, как с родными внуками!

Вот с той поры дедушки и бабушки вместе с ребятами стали отмечать дни рождения «своих детей». Готовились тщательно и с любовью: стряпали домашние пироги, по заказу стряпали вареники (кому с картошкой, кому с капустой), водили именная хоровод, пели песни, дарили подарки. Всем подопечным детям купили фотоальбомы,

делали личные и групповые фотографии на память. Каждый из ребят хотел иметь своих бабушку и дедушку. Шептали нам на ушко с нежностью: «Ты же моя бабушка, да?» – «Конечно, да», – думали мы про себя... Такое тесное общение ещё больше роднило и объединяло нас. Одна из бабушек до сих пор постоянно навещает «внучку», хотя девочку перевели в другое место. Всю информацию об успехах девочки она сообщает нам.

У нас появилось желание научить ребят вязать, как делали наши бабушки в детстве. Слушатели ВНШ собрали для нас спицы, пряжу, крючки. Началась для ребят трудная, но интересная работа. Вначале было пролито много горьких слёз: не всё и не всегда получалось у всех детей. Но в итоге всё получилось, хорошо стали вязать и девочки, и мальчики, появились желающие из других групп, которые тоже присоединились к нам. Так мы все вместе постепенно одели кукол, и даже дети связали себе некоторые вещи. К Празднику советской армии и Международному женскому дню всей группой делали подарки. Из ленточек – красивые броши, шили игрушки и дарили своим друзьям, воспитателям, родственникам. Такие встречи всегда проходили очень интересно и эмоционально.

Много было проведено бесед с воспитанниками. По просьбе детей мы посещали с ними библиотеки, музеи, концерты в филармонии, а также ходили на массовые городские мероприятия. В группах устраивали праздничные дискотеки, читали стихи, пили чай с домашними постряпушками, угощали детей мороженым. Каждая встреча заканчивалась беседой по душам, дети делились своими секретами, желаниями: они все ждут свою маму...

Диана как-то сказала:

– Я вас люблю, приезжайте к нам побольше, и особенно на праздники, и просто так!

На своих творческих встречах в ВНШ члены клуба «Живое слово» подготовили театральные инсценировки сказок, басен, стихов, и это тоже очень пригодилось для выступлений в детском доме. Мы несколько раз приходили к ребятам с концертной программой, давали разучивать наши песни и пели их всем залом. Специально для «наших детей» поставили сказки «Колобок», «Лиса и заяц», «Разноцветная семейка». Трудно передать словами, какую это радость доставляло им. Например, когда они смотрели сказку «Муха-Цокотуха», малыши бросились спасать маху от паука, так дети поверили в реальность всего происходящего на сцене!

И дети тоже не оставались перед нами в долгу. Когда в нашей школе случались праздники (День рождения ВНШ, Восьмое Марта и др.), они приходили к нам со своим концертом. Особенно запомнились младшие ребята с морским танцем и шумовым оркестром. Наши зрители

встречали каждый номер детей со слезами на глазах и провожали их бурными аплодисментами. После очередной встречи Никита К. поделился своим впечатлением:

– Мне нравится, что я приходил к вам в школу, мне было очень хорошо с вами. Спасибо за подарки!

Ребятам запомнились тёплые встречи с нашими писателями-сказочниками, которые занимаются в литературном клубе «Родные берега» и студии «Живое слово». Дети сначала слушали сказки в их авторском исполнении, а потом рисовали любимых героев. Это так вдохновило и впечатлило ребят, что они попросили повторить встречу.

Перед Новым годом в ВНС была объявлена акция «Подарок от Деда Мороза» для воспитанников детского дома, который теперь называется Центром помощи детям. Все слушатели ВНС исправно «исполняли» роль Деда Мороза. Мы приготовили подарки по письмам ребят, которые они писали Дедушке Морозу. Накупили дополнительно к прозвучавшим в письмах просьбам сладостей, игрушек, украшений для девочек, книжек, альбомов. Сколько было восторга, когда мы всё это принесли ребятам! Они радостно восклицали:

– А мне-то Дед Мороз подарил ещё носочки!

– А мне-то красивую пушистую шапочку!

Дети окружили Деда Мороза со всех сторон, пели песни, читали стихи, плясали, веселились. Один мальчик спросил у Деда Мороза:

– Почему ты, дедушка, тёплый?

– Потому что я вас люблю, – отвечал Дед Мороз.

И это правда. Нерастроченное тепло наших душ так кстати для детей, которым судьба не подарила материнской ласки, душевной заботы дедушек и бабушек.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

*Посвящается сотрудникам,
воспитанникам и родителям
центра «Прибайкальский Талисман»⁸²*

Солнечные дети

В Иркутске много лет тому назад попала не случайно я
в детсадовскую группу особенных ребят.
Впервые встретила детей с миндалевидными глазами,
На мир смотрящих из-под шалашиков бровей.
Вдруг в сердце вспышка яркая, как молния в ночи!
Мгновение – и меня накрыло с головой
волной любви вселенской, благодатной,
по телу разливая тепло, и нежность, и покой...
В тот миг и поняла: отныне буду рядом с ними.
Нет для меня детишек солнечных и ближе, и родней...
Случилось это всё под Новый год,
Когда вселенная мальчонку пяти лет
подарком мне доверчиво вручила –
и в школу «Прибайкальский Талисман» –

⁸² Автономная некоммерческая организация адаптационно-педагогический центр «Прибайкальский Талисман».

в другую жизнь на много лет вперёд
все двери перед нами настезь отворила.
Захарик – в первый класс, я – в «кузницу талантов»
(так в шутку называют кухню у нас),
И – жизнь другая началась!

Единенье душ

Прошло немало лет...
И вот – из поваров я «в прозу устремилась»,
чтоб до народа донести особый мир «моих детей»
Увидьте солнечных детей! – Душа и сердце их с особым складом!
Не опускайте ваших глаз, когда по городу иду с Захаром рядом!
Французов, немцев, англичан, не зная языка,
Мы тоже ведь не понимаем, но – принимаем!

Перешагнув порог волшебной школы «Талисман»,
я вскоре с болью в сердце осознала:
ребят совсем-совсем не понимаю.
Как было стыдно мне! А всё как просто! –
Внимательнее надо быть к себе и к ним,
чтоб единенье душ у нас случилось.
О мамочках отдельный разговор пойдёт,
ведь каждая из них себя всецело отдаёт ребёнку своему,
даря ему свою любовь, терпение и труд...
А цель у нас одна – помочь ребятам
развить способности, открыть врата талантам.

Главное

Для человека главное – общение с людьми.
Иметь друзей, подруг мечтают так же дети наши.
Мы рисовали «рука в руку», шили, ткали «душа в душу»,
из дерева и глины такое вытворяли,
что поражённые родители и гости удивлялись (и не раз!):
«А как ребята умудрились такое чудо сотворить?»
Весной и осенью ходили на прогулки,
гоняли мяч футбольный по траве,
В корзинку собирали листики и шишки в сентябре,
потом сушили их, чтобы к зиме гербарий сделать на окне.
Зимой с горки весело мы мчались. А ребятня хохочет!..
Девчущечка ручкою ударилась и горько плачет.
Я пальчики её целую и заговор шепчу:
«У кошки боли, у собаки ... », – помочь хочу бедняжке.

Смотрю, и снова девочка моя на горку козочкою скачет.
Не нужно много слов, чтоб описать, тем более понять,
как много для неё вниманье взрослых значит...

Волшебница

Мы ходим и в театры, и в музеи, на выставки, в кино.
А польский наш костёл ребятам полюбился как родной!
Захарик восхищается органом! –
Ему давно уже не нужен и билет входной:
желанный гость он в этом храме.
Дечебалу Григоруце, Майе Крутиковой, Яне Юденковой
за Генделя и Баха, Моцарта, Вивальди
от благодарных зрителей поклон.
Спасибо Тихомировых усадьбе за лошадей,
где дети могут чувствовать любовь «со всех сторон».
А на Байкале мы живую нерпой любовались...
Как много было прожито совместных дней счастливых!
И это помогло особенность понять мне солнечных ребят.
А также, что порою не они, а я у них училась
глядеть на мир глазами сердца и души
И узнавать, и открывать вновь-сызнова себя...
На кухне, кашу черпаком мешая,
молитву «Отче наш» прочту.
Детей по именам всех назову
и обязательно у Бога попрошу,
чтобы Захарик начал говорить,
чтоб Даша крепче на ногах стояла,
чтобы Серёжа видел, Игорь мог читать,
а Коля смог метлу в руках держать, осенние листочки заметая.
За вкусный завтрак, за тихий шёпот над кастрюлей,
за доброту, внимание и тепло души –
волшебницей меня ребята окрестили,
Как лучшему на свете повару медаль вручили.
Так рядом с ними и живу, седин своих не замечая.
И каждого ребёнка я люблю,
неповторимую страницей называю!
Я не работаю – творю!
Моя работа – озарение и вспышка:
в ребятах вдохновение нахожу.
Как дороги вы мне, девчонки и мальчишки!

• Фестиваль ВНС Иркутской области: г. Усолье-Сибирское

Сегодня у нас в гостях Высшая народная школа города Усолья-Сибирского. Это общественно-образовательное учреждение первым в области продолжило опыт ВНС Иркутска, приняв эстафету милосердия, добросердечности, неудержимой тяги к творчеству и активной жизненной позиции людей третьего возраста. Открывает нашу новую рубрику гимн ВНС г. Усолья-Сибирского.

Людмила Мядзюта

КОМАНДА ШКОЛЫ ВЫСШЕЙ НАШЕЙ

Нам дома не сидится, и, как раньше,
Нас также манят дали и дела.
Учиться любим и не любим фальши.
Хотим, чтоб жизнь наполненной была

Припев:
*Судьба свела нас, так и быть.
Мы будем много лет дружить,
Команда Школы высшей нашей,
Команда, без которой нам не жить*

Мы вместе обойдём ещё полсвета,
Байкальских гор измерим высоту,
Пусть знают все, что чудаки есть где-то,
Что друг за другом, словно в бой, идут.

Припев: *тот же*

Мы жизнь большую трудную прожили,
Растя своих детей и города,
Но к знаниям стремлений не забыли –
И потому пришли мы все сюда.

Припев : *тот же*

Людмила Рябцовская

НАШ ОБЩИЙ ДОМ – ШКОЛА

*Стремясь постичь, что не успели,
Мы ускоряем жизни бег...*

Да, чем старше становится человек, тем быстрее, кажется, бегут года. И приобретённая за жизнь мудрость подсказывает нам, что нужно успеть узнать, увидеть, научиться, прочувствовать или выполнить все желания и незавершённые планы. И это торопит нас жить, задаёт высокий темп ритма нашей жизни.

Не все, кому сегодня за 60, согласятся со мною. Для многих эти годы становятся серым, однотонным, обременённым болезнями и одиночеством существованием. Но я не обо всех. Я хочу рассказать о тех, кому посчастливилось когда-то прийти и закрепиться в Высшей народной школе Усолья-Сибирского (далее ВНС), которая уже восьмой год работает в общеобразовательной школе № 16 под руководством директора этой школы Паньковой Людмилы Николаевны⁸³. О том, как пожилые люди, те, кому за 50 и более, нашли себя здесь, много раз рассказывалось на страницах городской прессы, а также в сборнике «Высшая народная школа для пенсионеров Иркутской области» в 2014 году. Поэтому, не желая повторяться, раскрывая содержание работы школы, я хотела бы остановиться на том, как Высшая народная школа и средняя общеобразовательная школа № 16 за эти годы слились в единый организм, в одно целое.

⁸³ Одним из инициаторов создания Высшей народной школы в г. Усолье-Сибирском была также педагог высшей категории Н. Е. Колпакова, которая в первые годы была её куратором (прим. – ред.).

В первые годы мы, слушатели, чувствовали себя непрошеными гостями среди учащихся школы. И это несмотря на то, что с первых же дней нам было предоставлено всё: классные аудитории, кабинеты для рукоделия, помещения для физического развития и проведения праздников. Работали с нами и педагоги школы, и всё-таки родным домом для нас школа стала не сразу.

Постепенно мы стали вживаться в среду учащихся, а ведь это главная составляющая школьного организма. На уроках рукоделия дети радовались нашим успехам, и наши мастерицы делились с ними своим умением. С трудом постигая азы информатики, мы часто обращались к «продвинутым» в этом деле ученикам. И они были нашими консультантами-инструкторами. Совместно со старшеклассниками мы проводили открытые уроки «Песни военных лет» и «Воспоминания о военном детстве». На этих уроках старшеклассники охотно пели вместе с нами песни нашего поколения, что было особенно приятно нам.

Мы привыкли к многоголосному шуму детворы, комфортно и на равных чувствуем себя на школьных ярмарках, участвуя в них не только как покупатели, но и как продавцы.

А какое незабываемое тёплое чувство остаётся у нас в душе, когда первоклассники приходят поздравлять нас с началом учебного года в ВНШ. Ради этого дня мы готовы приходить сюда до тех пор, пока наши ноги ещё будут слушаться. Замирает сердце, когда они поют песни, читают стихи, специально сочинённые для нас. И так каждый год. Казалось, можно бы и привыкнуть к этому и не вытирать слёзы радости в такие минуты. Но к началу восьмого учебного года учителя и их подопечные превзошли все наши ожидания. У нас, бабушек и дедушек, захватило дух, когда, открыв дверь в просторное фойе школы, мы увидели, как празднично одетые дети (для нас уже правнуки) с шарами, цветами выстроились живым коридором, через который мы должны были пройти к своей аудитории. Радостные улыбки, звонкие голоса с поздравлениями, мелькание шаров – всё это слилось в одну радугу счастья. Скажите, какая бабушка, сидящая весь день на лавочке, может похвастаться такой минутой счастья!

А мы, более 50 пожилых людей, чувствуем себя в этом большом и сложном коллективе как у себя дома. Мы – часть этого дома. Ведь не зря наш руководитель и директор школы – это один и тот же вдумчивый, заботливый и мудрый Учитель с большой буквы. Своими школьными проблемами она делится с нами, и мы принимаем их как свои.

Уже второй год в практику Высшей народной школы вошло проведение слушателями уроков в старших классах. Это классные часы, на которых умудрённые жизненным опытом специалисты в своих профессиях делятся знаниями и опытом.

Постоянная деловая дружба связывает нас с краеведческим музеем. Если в первые годы это были редкие встречи с сотрудниками, то сейчас уже три года в рамках программы лекционного обучения мы с огромным удовольствием посещаем уроки, которые постоянно проводит научный сотрудник музея Ирина Анатольевна Михаханова. Как много нового и интересного узнали мы от неё об истории нашего города, района и сибирского края в целом!

Не меньший интерес вызывают у нас литературные часы, которые на хорошем профессиональном уровне проводят у нас библиотекари филиала № 6 Центральной городской библиотеки. Умело используя компьютерную технику, личное обаяние, талант чтецов и глубокое знание предмета, Наталья Прокопьевна Кузнецова и Татьяна Сергеевна Фомина представляют нам великолепные сценарии по русской и советской литературе. За годы обучения мы помолодели не только «физически», «помолодел» наш образ жизни. Кто-то из нас раньше в свои 60 лет не выходил зимой за пределы города, не бывал в музеях, театрах, не выезжал ни в какие походы или экскурсии, а кое-кто даже на Байкале ни разу не был... Сейчас, когда многим из нас уже 70 лет, с удовольствием в выходные дни идём со своими одноклассниками в лес, обследуем Прибайкальские скальники, участвуем в коллективных праздниках и дальних экскурсионных поездках.

Встречаясь со своими коллегами из других Высших народных школ, мы видим, что задачи у наших школ одинаковы: это повышение уровня образования и информированности, развитие творческих способностей, организация культурного отдыха и физического развития, а также создание среды для общения. Формы работы также похожи. Но есть и существенные различия. Карымская школа имеет опытных специалистов по развитию художественных творческих способностей. Это баянист и хормейстер. И благодаря им среди слушателей Высшей народной школы сложился хороший коллектив художественной самодеятельности, который известен и любим населением всего района. Интересна и богата по содержанию работа в Иркутской школе. Родившаяся под «крышей» Иркутского государственного педагогического университета, она имеет неограниченные возможности в привлечении как профессорско-преподавательского состава вузов Иркутска, так и специалистов высочайшего уровня из областных учреждений этого города. И это даёт возможность школе создавать среди своих слушателей различные секции и клубы по интересам.

Глядя на опыт работы своих соседей, мы видим перспективу развития своей школы. В будущем нам необходимо сделать богаче содержание работы школы. И пусть количество слушателей не превышает 50-60 человек и каждый год до 10% меняется состав, качественно школа год от года растёт, развивается и перспективы этого развития бесконечны. А это значит, что у школы есть будущее.

Мария Иванова

ШАМАНКА

Самая большая роскошь жизни – общение родственных душ...
Антуан де Сент-Экзюпери

Эта истина, сказанная Антуаном де Сент-Экзюпери, как нельзя точно и полно выражает наш внутренний комфорт, который мы испытываем в кругу своих одноклассников, единомышленников в Высшей народной школе. Какое счастье, что мы сюда попали! Здесь сложилась команда туристов-любителей – путешественников по родному краю. И мне хочется рассказать об одном нашем путешествии на Шаманку.

Инициатором всех наших путешествий является неутомимая Людмила Кирюшкина, а подхватывают её идеи Галина Михайлова, Людмила Мядзюта, Альбина Жежерун, Надежда Скляренко и автор этих строк.

Итак, 12 октября 2016 года. День холодный, слякотный. Оделись все тепло. Октябрьский ранний снег местами растаял, скользко. Ехать мы собирались на Бархатовские пещеры. Уже на вокзале узнали, что наш гид-проводник не пришёл и вести нас в пещеры некому. Но запал наш не прошёл, и сообща мы решили ехать. Это далеко, но ведь не пешком же.

Компания подобралась весёлая: кроме нас, слушателей ВНШ, здесь была ещё группа туристов. В дороге поём, читаем стихи, делимся рецептами и знакомимся с историей Шаманки. И что же мы узнаём от нашего руководителя?

Название села произошло от гидронима – названия реки Шаманки (приток Иркуты). «Шаман» у эвенков значит «колдун, знахарь, идолопоклонник».

Раньше в окрестностях села жили буряты-шаманисты. Из-за этого русские поселенцы стали называть эти места шаманскими.

Основанное лесозаготовителями в 1927 году, село расположено на берегу Иркуты в семи километрах от Московского тракта и в 30 километрах от города Шелехова. В истории этого села, как в зеркале, отражаются страницы истории нашей советской страны. Это и предвоенное развитие, и лагерь военнопленных японцев после войны, и работа депортированных литовцев на лесозаготовках, и дальнейшее развитие села в 60-70-е годы.

Интересно было узнать, что красивейший пешеходный мост через Иркут, которым мы любовались, был уже вторым, а первый снесён наводнением, когда вода поднималась на 7 метров.

После осмотра моста мы двинулись к цели нашего похода – к живописному утёсу «33 богатыря». Дорога – чудо! Снег как лебяжий пух под ногами и сверху сыплет крупными, мягкими пушинками. А воздух пьешь и не напьёшься. Мы, как дети, валяемся в снегу, от восторга кричим и смеёмся. Но вот снежная дымка немного рассеялась – и перед нами открылся длинный срез горы, из которого выступают совершенно одинаковые, как близнецы, 33 скалы. Каждый из нас пересчитал эти чудные изваяния по нескольку раз – да, действительно тридцать три.

Впервые увидев это чудо природы, замираешь в немом восторге и думаешь: «Боже, как же ты велик в своих творениях!» И невольно приходят на ум слова А. С. Пушкина: «...море вдруг // Всколыхалось вокруг, // Расплескалось в шумном беге // И оставило на бреге // Тридцать три богатыря». Только здесь богатыри выходят не из моря, а из скал. Любуясь этим чудом, мы снова веселились, плясали и валялись в снегу. В этот момент мы стали детьми. Что ещё нужно человеку для счастья!?

Путешествие это, конечно, не последнее. Ведь так много ещё удивительных по красоте и своеобразию мест есть в наших краях. И они легкодоступны. Мы ещё не все скальниции обошли. И много ещё открытий предстоит сделать туристам из Высшей народной школы города Усолья-Сибирского.

Закончить своё повествование мне хочется словами Евгения Евтушенко: «Смысл дороги не просто в дороге, а в том, куда она приведёт».

В этот день дорога привела нас в Шаманку и подарила нам один день детства. Мы были счастливы. Спасибо Вселенная!

Любовь Башкирцева

РАССКАЗ О ХОРОШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

На своём опыте знаю, как некомфортно чувствуешь себя перед выходом на пенсию. Это и тревога: что там впереди? Это и мысли о своей ненужности людям, и тоска по коллегам, работе...

Морально я стала готовить себя заранее. Но чем ближе подходил этот день (день выхода на пенсию), тем сильнее щемило сердце, ночи стали беспокойнее.

И вот настала другая жизнь – жизнь пенсионера. Мне очень повезло, случайно я встретила директора школы № 16 – руководителя Высшей народной школы Панькову Людмилу Николаевну, и она пригласила меня просто посмотреть. Школа эта уже существовала 3 года. И так я стала слушателем ВНШ, чему несказанно рада.

Любая позитивная информация действует благотворно на человека: поднимает настроение, вселяет надежды, отвлекает от мрачных мыслей, улучшает самочувствие. Донести

положительную информацию рассказом о хорошем человеке захотелось и мне. Расскажу о Жежерун Альбине Петровне, которая, являясь сама слушателем ВНШ, организовала группу «Здоровье» и восемь лет каждую неделю проводит с нами занятия.

Программа, разработанная Альбиной Петровной, включает гимнастические и танцевальные движения, которые развивают нас и создают хорошее настроение. Мы с удовольствием и радостью посещаем эти занятия.

Возраст у нас разный: от 60 и до 82 лет. Особенно хочется отметить «Лебёдушку» – 82-летнюю Веру Ивановну Дружинину, которая постоянно посещает эти уроки и многие элементы выполняет лучше своих более молодых коллег.

Неизвестно, были бы эти занятия так любимы нами, если бы не чуткое руководство нашей наставницы. Альбина Петровна продумывает каждый этап урока, и всё проходит «на Ура!» Все занятия идут под музыку и состоят из трёх частей: подготовительной, основной и заключительной с учётом нашего возраста и способностей. Альбина Петровна отлично владеет методикой преподавания, так как всю жизнь сама занималась танцами.

После занятий с этим чудесным человеком мы не стали «дюймовочками», но лёгкость, гибкость, свободу движений приобрели, чему очень рады и благодарны за это своему руководителю.

И ещё она весёлый, энергичный человек с юмором и богатой фантазией. На всех наших праздничных вечерах зажигает всех своими выдумками. Вместе с нашими любителями путешествий она постоянно ходит в турпоходы. Пожалуй, нет в Прибайкалье уголка, где ещё не ступала бы её нога. В походах она также помогает всем поддерживать хорошее настроение.

Если человек талантлив – он талантлив во многом. Эта истина подходит к характеристике Альбины Петровны. Ведь кроме группы «Здоровье» она ещё создала и ведёт танцевальный кружок. Ею поставлены и лирический, и характерный восточный танцы. Костюмы к танцам готовятся также под её руководством.

Думаю, что к ней очень подходят такие слова:

*Если сердце радостью богато,
А душа по-прежнему поёт,
Думать о покое рановато,
Значит, надо двигаться вперёд.*

И пусть она ещё многие годы живёт по этому правилу вместе с нами.

Людмила Рябцовская

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРЕКРАСНОМУ

Трудно понять или объяснить, почему, родившись в далёкой от цивилизованного мира деревне, девчонка или мальчишка, вырастая, вдруг становится художником, артистом или поэтом, словом, яркой творческой личностью. Ведь не учились же они, как в столице, в художественной или музыкальной школе. Да и в родительском доме не видели известных произведений искусства.

Но неправда, что деревенские дети не видят вокруг себя красоты, которая воспитывает в них чувство прекрасного. А резные наличники и карнизы на каждом деревенском доме, а расшитые праздничные полотенца и кружева

подзоров и скатертей, а причудливо тканые узоры половиков?! Вот Александра Семенова, можно сказать, всю жизнь хранит чудесные скатерти, связанные ещё мастерицами из поколения её прабабушки. И воспринимаются эти скатерти всеми, кто их видит, как настоящее произведение искусства. Да и сама она всю жизнь любила шить, вязать, конструировать модели одежды для себя и своей дочери.

Хотя выросла Саша в глухом уголке Забайкалья, окружала её исконно русская красота деревенского быта. Бойкая, смелая девочка училась в школе хорошо. Но материальные трудности семьи не позволили ей учиться все 10 классов. Нужно было как можно скорее

выходить на самостоятельный жизненный путь. И после восьмого класса она поступила в горный техникум. Проучившись один год, из-за болезни родителей была вынуждена уйти из техникума. Позже всё-таки поступила в строительный техникум и успешно окончила его.

В 60-70-е годы вся молодёжь была увлечена Всесоюзными комсомольскими стройками. И наша героиня Александра по комсомольской путёвке поехала строить КАМАЗ. Совсем юная, азартная, она быстро продвинулась по служебной лестнице. Её назначили на должность начальника участка. Работа захватила её, но выполнение конкретных производственных задач не давало выхода творческим порывам души. И только вернувшись в Усолье, работая в усольском филиале иркутского «Гражданпроекта», она почувствовала, что именно здесь сможет воплотить своё представление о прекрасном в конкретные образы. С теплотой вспоминая свою работу в этом отделе, Саша рассказывает, как дружно и увлечённо они работали над проектом Усолья, как им казалось, города недалёкого будущего.

Полностью подготовили проект прекрасного Привокзального микрорайона, где должны быть досуговый центр, больничный комплекс, рынок, Дом малютки, школы и многие другие объекты. Микрорайон должен был стать украшением города...

Но специалисты *полагали*, а «высшее правительство», развалившее всю страну в 90-е годы – *располагало*. И не дано теперь уже воплотиться в жизнь готовым планам и проектам... Дружба коллег проектной организации сохранилась до сих пор, а вот результата своего труда, своей мечты они не увидели.

Дальнейшая работа уже не давала Александре Васильевне творческого удовлетворения. Но талант в землю не зароешь. Если человек родился с творческим потенциалом, то в нём божья искра всё равно воспламенится, пройдя через годы и все повороты судьбы. Выйдя на пенсию, Александра Васильевна обратила всю свою «пенсионную свободу» в творчество. Для начала со вкусом и фантазией украсила свою дачу цветами. Но этого было мало. Она искала занятие для души. И вот оно нашлось! Де-купаж! Ознакомившись по Интернету с основами техники всех видов де-купажа, взялась за дело...

На начальном этапе старалась добиваться чистоты исполнения всех приёмов. Важно, чтобы наклеенные детали безукоризненно сливались с

поверхностью изделия. Чтобы «набить руку», пришлось разукрасить в доме всё: часы, шкатулки, вазы, тарелки, кувшины, разделочные доски, бутылки. В ход пошла всё, даже дачная посуда, вплоть до цветочных вёдер и горшков. И расцвела квартира, расцвёл дачный домик, вся родня и друзья уже получали чудесные расписные подарки!

Любое творчество – вещь заразительная. Оно непреодолимо тянет в свои объятия, занимает все мысли, жизнь наполняется мечтами и планами. Многим творческим людям знакомо ощущение душевного спокойствия и отрешённости от дневной суеты, когда сидишь за любимым занятием уже за полночь и не замечаешь быстро летящего времени.

Своему увлечению Александра посвятила уже не один год. На мой вопрос: «Повлияло ли такое занятие на Вашу жизнь или на характер?» – она отвечает:

– Да, я стала заметно спокойнее, вдумчивее, чаще стала посещать музеи, интересоваться работами мастеров прикладного творчества и художников. И уже хочется освоить другие виды мастерства. Изучаю технологию холодного фарфора.

И показала первые образцы, сделанные своими руками. На мой взгляд, успешные для начинающего мастера.

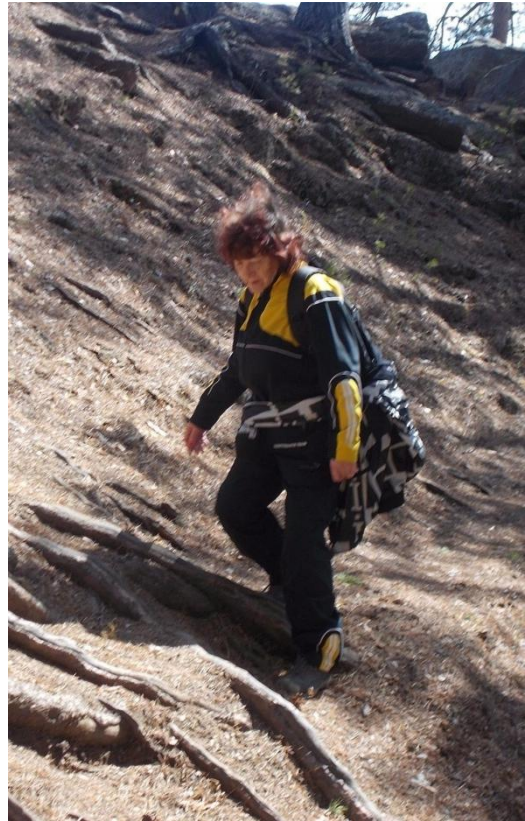
Когда по просьбе слушателей ВНШ, которую она тоже посещает, мастерица решила показать свои изделия де-купажа, то получилась прекрасная выставка, где было представлено более полусотни работ. Удивлению и восхищённым возгласам не было конца. И многим захотелось заняться таким творчеством.

Проводить мастер-классы, поделиться своим опытом Александра Васильевна готова в новом учебном году. Многим ли хватит терпения, чтобы освоить это непростое дело, покажет время. Любительниц рукоделия и декоративно-прикладного творчества в Высшей народной школе Усолья немало. Думается, что освоим и эту премудрость.

О ТЕХ, КТО РЯДОМ

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты. Наверное, многим из усольской Высшей народной школы хотелось бы назвать своим лучшим другом её – скромную, тихую, большей частью молчаливую, но всегда внутренне собранную и аккуратную женщину – Галину Сергеевну Лохову. Всем она кажется загадочной и недоступной...

Так кто же ты, Галина Сергеевна? Почему именно ты сейчас первая во всех видах спорта: в плавании, на лыжах, в стрельбе, в турпоходах; и на танцплощадке тебе равных нет? Все мы родом из детства. А детство Галины прошло в посёлке Тайтурка, который находится в 30 километрах от Усоляя. Главным «градообразующим» предприятием этого населённого пункта был деревоперерабатывающий комбинат, где и работали родители Галины – Валентина Гавриловна и Сергей Иванович.

Галина вспоминает:

– Вначале мы жили в бараке, потом отец, он был очень мастеровой, построил дом. Отсюда я и пошла в школу. Школа находилась далеко. Особенно тяжело было ходить пешком три километра зимой. Зимы стояли суровые, морозы доходили до 46 градусов. Школа была деревянной, обогревалась печным отоплением. От этого и сгорела, когда я училась в четвёртом классе. Восьмой класс я закончила уже в новой современной школе.

В пятнадцать лет поступила в Усольский химико-технологический техникум, жила в общежитии. Так и началась самостоятельная жизнь. Усолье в 60-70 годы стремительно развивалось. У нас в группе было 24 девочки и три мальчика, и все получили направление на производство по окончании техникума. Меня направили на «Химпром» в цех «Найрит». После его взрыва – в цех «ПТ», а затем я работала в течение 20 лет в отделе главного механика. И при этом, всегда немного занималась спортом. Принимала активное участие во всех спортивных мероприятиях, соревнованиях, спартакиадах, турслётах.

Была замужем. С мужем прожили 40 лет, вырастили сына и дочь. Сейчас растут две внучки и внук. Пока дети были маленькими, было не до спорта, а когда подросли, снова стала заниматься, конечно, не профессионально, а так, для себя. Пошла в группу «Здоровье», занятия которой проходили на стадионе «Химик». Занималась моржеванием, часто ходила на лыжную базу, где меня и заметили усольские ветераны спорта. Стала выступать за команду «Химпрома» по плаванию и стрельбе, а в соревнованиях по лыжам выступала даже за город. Неоднократно награждалась ценными подарками, дипломами, грамотами и медалями за призовые места.

Люблю турпоходы. Дважды ходила на Шумак, Хамар-Дабан, Большое Голоустное, на самую высокую вершину Восточного Саяна – Мунку-Сардык. Высота её 3500 метров. И есть ещё желание «Байкальских гор измерить высоту», как поётся в нашем гимне.

В заключение нашей беседы Галина Сергеевна ответила на мой блиц-опрос:

– Сколько тебе было лет, когда ты совершила своё самое высокое восхождение и на какую вершину?

– *В пятьдесят лет я поднялась впервые на Мунку-Сардык.*

– Что даёт тебе Высшая народная школа?

– *В школе я осваиваю компьютер, научилась вязать крючком, разучила три танца, а также расширился мой кругозор, больше стала читать.*

– А могла бы создать свои маршруты и водить туристов, знакомить их с красотами Сибири?

– *Своих маршрутов не имею, но где была – провести экскурсию могу. И надеюсь этим летом освоить ещё два новых маршрута.*

– Заветное желание?

– *Моё самое заветное желание – прыгнуть с парашютом.*

– Мы верим, что всё у тебя получится!

И уже не в первый раз хочется ещё и ещё раз повторять: «Какие чудесные женщины, какие интересные люди слушатели нашей Высшей народной школы. Мы гордимся ими!»

- **Фестиваль ВНС Иркутской области: с. Карымск**

Нина Ващенко

ТРИ КИТА КАРЫМСКОЙ ВЫСШЕЙ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ

*Если ты планируешь будущее на год, то сей зерно.
Если ты рассчитываешь на 10 лет, сажай дерево,
Если ты рассчитываешь на 100 лет, обучай народ.
(Китайская мудрость)*

Накануне проведения фестиваля ВНС-2018 Иркутской области редакция нашего альманаха связалась по Интернету с Ниной Феогеновной Ващенко, руководителем Высшей народной школы в селе Карымске, и попросила рассказать об особенностях претворения в жизнь этого социального проекта в условиях сельской местности.

– *Какую социально-культурную роль выполняет Карымская общеобразовательная школа в селе? Почему именно в ней была организована ВНС?*

– *Распавшаяся система коллективного хозяйствования развела селян по разным социальным нишам – от безработного до успешного*

предпринимателя. Развитие многоукладных экономических отношений в деревне вызывает острую необходимость повышения общей и профессиональной образованности взрослого населения. Усложнение общественной жизни обуславливают необходимость гражданского образования. Проблема культурного «дефицита», нарушение традиционных межличностных отношений, которые существовали у этого поколения на основе советского образа жизни, требуют новых форм культурно-образовательной деятельности. Резкое ухудшение здоровья жителей села, связанное с понижением жизненного уровня, социальной нестабильностью, частыми стрессами, требует особых медико-биологических знаний, возрождения традиций народной медицины, приобщения селян к здоровому образу жизни.

Эти процессы протекают болезненно и отрицательно влияют на поиски объединяющих начал в жизнедеятельности селян. Единственная структура, вокруг которой сегодня в селе возможны пересечения интересов сельских жителей – Высшая народная школа. Кроме того, ни для кого не секрет, что учитель на селе всегда пользовался особым авторитетом. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что только коллектив сельских учителей способен как предъявить социуму проблемы, так и подсказать пути их решения. Средняя общеобразовательная школа на селе способна возглавить работу по оздоровлению сельской среды и созданию целостной системы современного образования сельских жителей, причём как детей, так и взрослых.

Высшая народная школа (далее – ВНШ) села Карымска была открыта в октябре 2008 года на базе Карымской средней общеобразовательной школы. Идея открытия школы возникла, прежде всего, в связи с необходимостью создания благоприятных условий для реализации прав человека на образование, независимо от его возраста, занятости в сфере труда и возможности удовлетворения духовных потребностей. Мы быстро поняли, что ВНШ – это эффективный и мобильный инструмент решения многих сельских социальных проблем. С помощью школы мы включаем в активную социальную деятельность население, имеющее огромный жизненный опыт и нерастраченный духовно-нравственный потенциал. А то, что мы это делаем на базе средней общеобразовательной школы, позволяет нам не только осуществлять такого рода общественно-образовательную деятельность экономно, но ещё и привлекать различные дополнительные ресурсы, и обеспечивать с помощью живой совместной деятельности связь между различными поколениями селян.

Для нашего села ВНШ это:

- Практическая, реальная направленность на создание в школе комфортных условий для детей и взрослых.
- Широкое использование потенциала сельской образовательной среды.

– Нацеленность школы на оказание образовательных услуг различным возрастным и социальным слоям сельского населения, поиск новых подходов к образованию взрослых, перерастание школы в образовательный центр деревни.

– Развитие сельской школы как социально-образовательного учреждения. Не решив социальных проблем, которые выбивают ребёнка из колеи и мешают ему нормально учиться, невозможно решать образовательные задачи. Поэтому школа на селе является центром социально-педагогической помощи семье и детям, взрослым.

– Совершенствование образовательной системы на основе долговременных целевых программ, широкого использования современных информационных средств, межведомственных связей.

– Поиск ресурсов для развития образовательного учреждения на основе кооперации школы, семьи, общественности и власти, использования многоканальных источников финансирования.

Принципы ВНС: добровольности и открытости; активной жизненной позиции участников; личной вовлечённости и мотивации каждого. Особенность Высшей народной школы в том, что это саморазвивающаяся система. Например, слушатели сами становятся преподавателями, регулярно появляются новые клубы по интересам, специальные курсы, новые формы социального участия в жизни села.

– *Чем отличается, на ваш взгляд, сельская ВНС от городского образовательного учреждения такого типа? Если, конечно, такие отличия есть...*

– Конечно, есть. Я бы, образно говоря, назвала «три кита» сельской Высшей народной школы.

Первый кит. Сельского ребёнка надо обучать иначе и иному, чем городского. Сохраняя единое базовое образовательное ядро-стандарт, необходимо создать оптимальные условия для развития и социальной адаптации сельских детей, молодёжи и взрослых.

С одной стороны, мы должны формировать у них навыки и умения взаимодействия с внешней социальной средой, которая для нас ассоциируется, прежде всего, с городом. Наши дети для обучения в вузах едут именно в города. Некоторые взрослые в них работают или часто бывают по производственным делам. Нередки случаи сезонного или

постоянного проживания в городе пожилых людей из сельской местности. То, что в городе для детей и взрослых само собой разумеется, для селян может оказаться проблематичным. И дело даже не в сложной инфраструктуре города... В подобного рода населённых пунктах другой жизненный уклад, стиль общения.

С другой стороны, мы должны сохранять традиции сельской жизни, передавать имеющийся опыт подрастающему поколению. А он гораздо разнообразнее и, самое главное, гораздо более востребован у нашей молодёжи, чем у городских взрослых. Покуда живо село для людей, проживающих в нём, всегда будут необходимы многие вещи, которые неведомы горожанам: заготовка сена, домашнее скотоводство, пчеловодство, сбор ягод и грибов, охота, рыбалка, народное ремесло – всего не перечислить. И всё жизненно необходимо...

И во всём этом самое активное участие в различных формах общественно-образовательной деятельности принимает ВНШ.

Второй кит. В труднейших условиях экономической неразберихи, политической непредсказуемости и социальной неустроенности единственным островком стабильности в деревне является школа, которая не только удовлетворяет образовательные потребности населения, но и является своеобразным социокультурным центром. ВНШ – уникальное образовательное подразделение средней общеобразовательной школы. Там собраны самые социально активные селяне, жизненный и профессиональный опыт которых позволяет на достаточно высоком уровне осмысливать происходящие в селе социально-экономические процессы и прогнозировать их. Они в состоянии не только словом, но и делом поддерживать позитивные и критиковать негативные изменения, а также формировать общественное мнение, потому что каждый из них – лидер в своих возрастных подгруппах. Село есть село, в нём жители привыкли доверять авторитетному мнению...

Третий кит. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что ВНШ стала инициатором оздоровления деревни, генератором идей, способствующих обновлению её социально-культурного облика. Общественно-образовательная деятельность ВНШ, а, самое главное, люди, живущие идеями этой школы, – животворящий пример жизнелюбия, целеустремлённости, бережного отношения к себе, окружающим людям и природе. Причём пример не только, как принято говорить, для подрастающего поколения, но и для своих сверстников, и для более молодых людей разного возраста. Глядя на их неиссякаемое жизнотворчество, как-то стыдно быть менее деятельным, хандрить в тяжёлые минуты, которые случаются в жизни любого человека...

ВНШ – это не просто новый вид образовательного учреждения, а образ жизни, нацеленный на саморазвитие и участие в разнообразных делах, приносящих пользу не только «себе любимому», но и всему обществу...

– Какие общественно-образовательные проекты ВНШ Карымска Вам особенно дороги и почему?

– Каждый проект – это детище нашей школы, и они лично мне дороги каждый по-своему. Основные направления общественно-образовательной деятельности ВНШ: формирование потребности в здоровом образе жизни; работа с семьёй; развитие общей и экономической культуры предприимчивых хозяев; добровольческая социальная помощь другим людям в сохранении природного и культурного наследия региона; эстетическое образование населения; формирование важнейших гражданских качеств (инициативности, ответственности, организаторских способностей и др.); приобщение к современной технике и освоению новых информационных технологий.

В каждом из этих направлений у ВНШ есть своя изюминка. Например, помощь детям и родителям – это, прежде всего, наши «Совет бабушек» и «Совет дедушек», с актива которых и началась наша ВНШ. Сохранение культурного наследия – это вокальный ансамбль «Селяночка», здоровый образ жизни – это клуб по интересам «Азбука

здоровья» и специальный предмет «Физкультура и долголетие» и т.д.

– Без социального сотрудничества с какими государственными и муниципальными учреждениями, организациями, общественными организациями Ваша ВНШ либо вообще не смогла бы осуществлять свою образовательную деятельность, либо эта деятельность была бы мене интересной? И какие люди персонально вносят существенный вклад в развитие ВНШ Карымска?

– Прежде всего, хотелось бы сказать, что ВНШ имеет значительные преимущества перед традиционными видами образовательных учреждений. Почему? Она нацелена на разрешение образовательных проблем всего населения сельской территории и оказание социально-педагогической поддержки нуждающимся жителям деревни в любом возрасте. Она позволяет расширить функциональные возможности общеобразовательной школы и других социокультурных и прочих учреждений, предприятий и организаций, которые становятся в этом случае партнёрами, объединяющимися с ней для совместной работы в сельском социуме. Это даёт общеобразовательной школе более широкие возможности для кооперации ресурсов: улучшения материально-

технической и учебно-методической базы, более полного и оптимального использования зданий, сооружений, имущества и оборудования.

А общественно-образовательная деятельность конкретно нашей Высшей народной школы, которая, как Вы наверно догадались, является неотъемлемой частью средней общеобразовательной школы, активно поддерживается администрацией муниципального образования, различными предприятиями, некоторыми предпринимателями и общественными организациями. Наша школьная жизнь была бы менее интересной и мы бы не смогли решить многие организационные и материальные вопросы, если б не наши надёжные друзья-партнёры: мэр МО «Куйтунский район» А. И. Полонин, начальник Управления образования Н. В. Дыня, директор ОГАУ «Карымский лесхоз» И. С. Джиоев, генеральный директор ООО «Транснефть-Восток» А. Ф. Пузиков, председатель управляющего совета С. И. Максимов, руководитель МКДОУ «Детский сад «Сказка» И. И. Голобокова, директор ОГКУСО «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Куйтунского района» Т. А. Николаенко, руководитель ПОУ «Куйтунский СТК» ДОСААФ С. В. Сапега, и. о. директора МУДО «Дом детского творчества «Город Мастеров» Т. Е. Кулик, МКУК «Карымский социокультурный центр» – О. В. Синицина, «Боевое братство» – О. Н. Данилов.

Особую благодарность хотелось бы высказать добровольцам-преподавателям, которые бескорыстно делятся своими знаниями, умениями и навыками со слушателями школы: А. В. Гордеевой, («Компьютерная грамотность»), Н. Н. Волошенко, Е. В. Труфановой («Физкультура и долголетие»), Н. И. Бродягиной («Азбука здоровья»), Н. И. Шкиреть («Школа садоводства»), Л. И. Янышевой и Г. И. Романовской (ДПИ), В. Ю. Волошенко («История религии»), Т. А. Нестеренко («Психология семьи. Конфликтология»). Т. В. Кудрявцевой («Кулинария»), Л. С. Манухиной («Правовая школа») и Н. Н. Соклакову.

Есть у нас в школе и свой актив, на плечах которого держится вся общественная работа, представители его сами являются инициаторами и генераторами многих идей, без них не обходится ни одно мероприятие школы. Это, прежде всего, заместитель по учебной работе – Л. И. Янышева, а также слушатели: Л. Н. Воронова, Г. И. Алексеев, Т. Н. Сахаровская, Г. И. Романовская, Н. И. Шкиреть, О. С. Загретдинова, З. В. Молокова и Л. И. Горелова. Некоторые из них, как видите, не только активно участвуют в различных общественных делах и занятиях школы, но и сами преподают. Вот что говорят они о том, какую роль сыграла ВНШ в их жизни. Г. И. Романовская, в прошлом профессиональная швея: «Для меня это глоток свежего воздуха: я научилась радоваться, приносить пользу себе и людям!» Н. И. Шкиреть, бывший бухгалтер: «Получаю огромное удовольствие от занятий в нашей школе. Рада коллективному общению. Лечу на занятия как на крыльях. Никогда не пела в жизни, теперь пою первым голосом. Получаю огромный заряд бодрости и энергии!» Л. И.

Янышева, педагог по призванию и образованию: «Как это здорово, что мы ещё кому-то нужны. Мы стали активными, мобильными, любознательными, здоровье улучшилось!»

– Как повлияла ВНШ на культурный облик села? Что привнесла в его жизнь нового?

– На территории Карымского поселения проживает 619 пенсионеров. Многие из них до ВНШ жили по заданному алгоритму: магазин, больница, огород, лавочка. Вступление в ВНШ в корне изменило их жизнь, а значит, и их гражданскую позицию.

Слушатели ВНШ, имея богатый жизненный опыт, приходят в общеобразовательную школу. Соприкасаясь с детьми, они оказывают на них положительное влияние. И это очень важно. Ведь 60 обучающихся нашей школы – воспитанники детского дома. В работе с этими детьми на помощь педагогическому коллективу пришли слушатели народной школы. Из самых активных, заинтересованных в воспитании детей мы создали «Совет бабушек» и «Совет дедушек». Пожилым людям удалось установить с воспитанниками детского дома добрые доверительные отношения. Дети ждут их прихода и радуются совместным делам, которые язык не поворачивается называть мероприятиями, настолько неформально, «потечески» общаются слушатели школы с воспитанниками в процессе совместной деятельности, будь то подготовка к какому-нибудь празднику или «трудовой десант». Вот так мы все вместе работаем, учимся и отдыхаем.

Традиционными для ВНШ и, соответственно, нашей школы стали: посещение выставок декоративно-прикладного характера и открытие своих в городе Саянске; участие в концертах и фестивалях (в посёлке Куйтун и на своей территории); посещение административного часа при администрации поселения; занятия в компьютерных и спортивных классах при Карымской СОШ; встречи с интересными людьми; тематические круглые столы; участие в различных образовательных семинарах, которые проводятся, в том числе, депутатами Законодательного собрания Иркутской области и органами власти Куйтунского района; организация различных творческих, в широком смысле этого слова, конкурсов, в том числе клубов вёсёлых и находчивых; проведение акций «От внучки к бабушке» и «От дедушки к внуку».

Это позволяет развивать так называемую горизонтальную социальную мобильности человека, живущего в сельской местности, а также его личностные качества и творческий потенциал. Это, в свою очередь, позволяет удовлетворять его индивидуальные образовательные потребности, связанные как с расширением профессиональных возможностей, так и с желанием повышения интеллектуального и общекультурного уровня.

Кроме того, общественно-образовательное пространство ВНШ – это благоприятная среда для общения слушателей и возникновения между

ними различных совместных жизненных смыслов. Так в школе проводятся занятия в малых группах. Слушатели сами кооперируются, объединяясь в клубы по интересам, в которых они общаются, спланиваются и занимаются общим делом.

Например, в школе создана программа по самооздоровлению, формированию совместного мировоззрения и культуры здоровья. А это, как Вы понимаете, совершенно новое качество жизни: человек стремится к совершенствованию своего духовного, психического и физического бытия. В контексте этой программы проводятся теоретические занятия, посвящённые основам правильного питания и его связи с физиологическим, психическим и духовным состоянием человека. Составляются индивидуальные меню, учитывающие возрастные особенности, применяются оздоровительные технологии с использованием лекарственных растений.

Так возникает некое пространство общего жизненного смысла. То есть, говоря научным языком, происходит пространственно-деятельностная самоидентификация каждого человека в отдельности и образовательного сообщества в целом, которое теоретики образования взрослых называют «территорией свободы».

Эта «территория свободы» благотворно влияет на создание механизмов муниципальной образовательной системы, позволяющих прогнозировать развитие образования на уровне не только учреждения, но и сельской территории, на которой оно находится.

Словом, сегодня представить Карымск без ВНШ трудно. Органично и стремительно внедрилась она в жизнь пенсионеров и прочно заняла свою социальную нишу. Дела её у всех на виду. Двери её для слушателей открыты.

Людмила Янышева

ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ!!!

Нашему селу Карымск в 2017 году исполнилось 220 лет. Когда-то село славилось на всю область и за её пределами. На базе села существовали нефтеперекачивающая станция, лесхоз, леспромхоз, совхоз-миллионер, было три библиотеки, два Дома культуры, три детских сада, почта, магазины, СПТУ, где дети получали необходимые на селе профессии, амбулатория с прекрасным стационаром, хорошая общеобразовательная средняя школа и т. д. Всем хватало работы, но после 90-х годов, как в страшном сне, всё исчезло. Рабочие руки стали не нужны. Постепенно молодёжь, не имея работы, оставляла свои родные места, уезжая в города. Село стало стареть, т. к. остались одни пенсионеры, которым очень трудно жить в одиночестве. Идею объединения пенсионеров подали супруги Гордины⁸⁴, которые создали ВНС города Иркутска.

Директор Карымской средней общеобразовательной школы Нина Феогеновна Ващенко буквально заразилась этой идеей и на очередных заседаниях «Совета бабушек», «Совета дедушек» предложила при школе открыть свою Высшую народную школу для пожилого населения. Что мы и

⁸⁴ **Гордина Ольга Васильевна** – кандидат педагогических наук, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ; **Гордин Александр Иннокентьевич** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ИГУ, член Союза журналистов России.

сделали. Мы объединили пенсионеров и инвалидов в группы по интересам. Предложили им заниматься, условно говоря, по таким предметам, как: «Правовое воспитание», «Основы компьютерной грамотности», «Школа здоровья», «Садоводы-огородники», «Декоративно-прикладное искусство», «История религии», «Мир увлечений», «Кулинария», «История и культура района», «Психология семьи, конфликтология» и «Русская народная песня». Девизом-лозунгом нашей школы стало крылатое выражение: «Пожилой – значит мудрый».

Таким образом, мы стали получать новые знания, не забывая о старых. На мой взгляд, особенность ВНШ на селе заключается в том, что мы друг друга знаем очень давно и только по стечению жизненных обстоятельств остались одинокими. Первое время наши слушатели стеснялись друг друга, были не уверены в себе, закрыты для общения, но, проводя совместные встречи, беседы, выставки, рыбалки, концерты, стали «оттаивать». Мы все научились быть более уверенными в себе, в своих знаниях, чувствуя поддержку коллектива. Снова, как в молодые годы, почувствовали себя нужными, появилось ощущение, что мы опять в едином строю и рядом с нами друзья, без которых не обойтись.

Хотелось бы очень многое написать о слушателях ВНШ. Но тогда получится большое повествование, которое не сможет вписаться на страницах альманаха... Поэтому расскажу лишь об одном нашем творческом союзе, в котором объединились люди, влюблённые в русскую народную песню. Это вокальная группа «Селяночка».

На репетиции и концертные выступления в ней собираются активные, неугомонные, азартные, трудолюбивые и талантливые люди. Их творческому задору и жизнелюбию у нас в селе завидуют молодые. Этот коллектив знаком и лично общался с такими знаменитыми артистами, как Геннадий Ветров, Елена Воробей, Пётр Дранга, Марина Журавлёва, Екатерина Шаврина, Анна Сизова, а также музыкальными коллективами «Забайкальские казаки», «Алые маки», «Ласковый май», «Бутырка», «Голубые береты», «Новые русские бабки» и др. Кто ещё из сельских пенсионеров может этим похвалиться!

Участники этой группы и сами очень часто по приглашению выезжают с концертами по деревням и сёлам как нашего Куйтунского района, так и соседнего Зиминского, а также города Зимы. Зрители «Селяночку» всегда и везде встречают с большой радостью и теплотой.

Несколько лет подряд по приглашению Ольги Васильевны Гординой коллектив выезжает в Иркутск на встречу с другими ВНШ городов Сибири, где представляет творческий отчёт нашей школы о проделанной работе: выставки, мастер-классы, презентации. И делает это в виде концертной программы, в которой звучат русские народные песни, песни и стихи собственного сочинения. Для школы в целом и для вокальной студии это хороший стимул для дальнейшего развития, сотрудничества с такими же сибиряками-энтузиастами третьего возраста, которые продолжают жить

активной жизнью и после выхода на заслуженный отдых. Кроме того, это заряд энергии на целый год. Слушатели ВНШ – участники вокальной группы «Селяночка» не ждут особого к себе внимания, а сами находят для себя друзей и идут навстречу к ним первыми.

Таким образом мы приняли участие следующих мероприятиях: «Играй гармонь», «Медовый спас», «Проводы зимы», «Праздник русской берёзки», фестивале патриотической песни города Зимы «Колокол памяти» и т. д.

Все мероприятия и концерты мы проводим бесплатно с целью привлечения одиноких пенсионеров и инвалидов к активной общественной жизни.

А друзей у школы и вокальной студии немало. По мере возможности нам оказывает помощь депутат Законодательного собрания Г. Н. Нестерович. Мы тесно сотрудничаем с мэром Куйтунского района А. И. Полониным, начальником Управления образования Н. В. Дыня, пенсионный фондом, ДОСААФ, с краеведческим районным музеем, Домом детского творчества в лице Т. С. Кулик, частным предпринимателем Г. Ф. Чиркуновой, сельской библиотекой в лице Т. А. Столпенко. Но, конечно, самую большую помощь нам оказывает наша родная Карымская средняя общеобразовательная школа и её бессменный директор – неутомимый и творческий человек Нина Феогеновна Ващенко. Мы ощущаем себя с этим образовательным учреждением единым целым, потому что школа предоставляет нам транспорт, помещения для занятий, компьютеры, спортивный зал, музыкальное сопровождение для репетиций и концертов и многое другое. А главное, мы чувствуем в её стенах доброе отношение к людям старшего поколения. И всё это благодаря Нине Феогеновне. Вот таким и должен быть руководитель!

Все, кто занимается в вокальной группе «Селяночка», как было сказано выше, являются активными и жизнерадостными людьми. И всё же хочется особо выделить некоторых из них. Прежде всего, Г. И. Романовскую, это наш портной, которая шьёт для нас костюмы. Н. И. Шкиреть занимается декоративно-прикладной деятельностью. Именно благодаря ей наши костюмы украшают банты, колье и др. Это наш, как говорится, «шик и блеск». Л. Н. Воронова – автор стихов, частушек, без которых не проходит ни один концерт. И конечно, А. В. Гордеева – фотограф, без которой бы и на селе, а главным образом в районе и области, мало что о нас знали.

Всем тем людям, которые поддерживают нас, вкладывают любовь, веру и надежду в слушателей ВНШ, мы признательны от всей души. Благодаря им мы живём полной прекрасной жизнью, и никто из нас не скажет, что «одиночество – сволочь, одиночество – скука». Ищите себя!

Людмила Воронова

НАРОДНОЕ ЗРЕНИЕ ЛЮДМИЛЫ ВОРОНОВОЙ

Обращение к поэзии человека в третьем возрасте всегда трогательно. Значит, душа у него певунья. Значит, не устало сердце любить. Значит, душа равнодушна ко всему, что происходит рядом. Стихотворные строчки пишутся «наперекор»: тому, что нет стихотворного мастерства; тому, что нет необходимой закалки в письменной речи. Рука, а точнее сердце, движется младенческим наитием-желанием – познать мир через слово. И не потому, что за это хочется получить награду и признание, а потому что иначе человек, взявший в руки перо, уже не умеет Быть.

«Поздно! – скажет мэтр поэзии. – Лучше пусть шаль или носки свяжет. Какое-никакое – творчество... И это у неё точно лучше получится...» Конечно, лучше. А ещё лучше – убрать за телятами в стойле, надоить молока, постряпать шаньги... Да мало ли чего не приходится женщине делать по дому в селе! Всё в руках ладится. А вот, поди ж ты, хочется стих сочинить! Надо ж, какая оказия! И кто же может это сердцу запретить?

Не в первый и, думаю, не в последний раз⁸⁵ я смущённо и как-то неловко чувствую себя после прочтения литературных опытов тех людей, которые не умеют сдержать в себе душевный порыв и выплёскивают свои мысли чувства на бумагу в виде неупорядоченного законами русского языка потока слов. Чем же я так смущён? Может быть, своим не бог весть каким, но всё-таки знанием законов стихосложения и тем более этих самых «законов русского языка»? Может быть, тем, что человек пишущий явно не

⁸⁵ Автор этих строк впервые возглавил литературное объединение в 1985 году при газете «Ленинский путь», которая в те годы выходила в свет в городе Усолье-Сибирском.

подозревает, когда, что и где «нарушает», а я должен ему указать на его ошибки? А может быть, это вовсе и не ошибки, а нечто другое, то самое, которое всегда было присуще устному народному творчеству и о чём мы как-то запамятовали? В этом случае и подход для рассмотрения художественной ценности такого «слова» должен быть какой-то другой, неведомый мне...

Так или иначе, когда я читал народные литературные опыты Людмилы Вороновой, во мне боролись два человека: литературовед и публицист. Один недовольно морщил нос, нервно вздыхал... Другой радовался простоте и открытости мысли, любовался душевной чистотой, находил приметы нашего времени, восхищался жизненной позицией человека. В этот раз победил второй, чему я несказанно рад.

О чём же пишет Людмила?

О сибирской земле, которая «добра и богата полями, лесами... родными городами», такими как любимый Саянск, который красив не только домами и скверами, но и «людьми знаменитыми и щедрыми». Она с уверенностью смотрит в будущее своего города, ни на минуту не сомневаясь, что люди, которые его построили, «прожили свою жизнь не напрасно» («Саянск»).

Её героиня гордится тем, что родилась и живёт в Сибири, потому что она – «её жизнь». Но Сибирь для Людмилы, как и для всех настоящих сибиряков, это не только соболя, тайга, «медведи бурые», «клыкастые кабаны», «пушистые белочки», «краснобровые глухари», «Байкал, который «манит нежной синевою», поля с хлебами, равнины с цветами, «реки быстрые» и «каскад турбин ревущих». Главная примечательность нашей малой родины – «Люди добрые, работающие, // По-сибирски здесь говорящие». Это они «Хлеб растят, строят ГЭС, // Продвигают вширь и ввысь, // Наступающий прогресс». Слушая эти строки из её сказания о земле сибирской, невольно вспоминаю поэзию раннего Н. Заболоцкого, который в своём сборнике стихов «Столбцы» применил специальный художественный приём «дадаизм» (детское зрение), чтобы стилизовать свою речь под народную⁸⁶. У Людмилы в этом нет необходимости: она просто так думает и чувствует («Горжусь тобой, Сибирь!»). Её литературные опыты демонстрируют особое российское народное зрение. Разумеется, мы не будем закрывать глаза на то, что оно не идеально: грешит излишней простотой, которая подчас «хуже воровства» и вызывает законное наше возмущение. Печально, но именно она (простота!) – причина того, что современные СМИ с переменным, но всё-таки успехом, формируют необходимое власти общественное мнение и форматируют народное сознание, внедряя в него чуждые ценности и нормы поведения. Но есть у этой «простоты» и обратная сторона. Нет, не медали! – Скорее картинки в виде социально-психологического портрета нашего национального менталитета, который, конечно, пишется «с натуры», но не

⁸⁶ Особенно это ярко проявилось в поэме «Торжество земледелия» (прим. – автора)

отдельно взятых людей и не в отдельно взятое время, а с представителями различных поколений, на основе наиболее часто повторяющихся черт характера. Мне кажется, что эти черты достаточно точно отразила в характере и жизненной позиции своей лирической героини Людмила Воронова.

Она просто «бабушка Российская» (именно с большой буквы!), которая «умеет «радостно трудиться» и может с «внуками своими всегда договориться», потому что она «старается их понять». И благодарный внук, если она заболит, «сварит кофе, подушку принесёт, // И всю работу в доме ... себе возьмёт». Обыкновенное дело, потому что таких «бабушек со стажем // В России не счесть». Они «любят нашу Родину во внуках наших славных», которым в их лице они «отдают ей честь». Сказительница подчёркивает, что она не сидит на лавочке у дома, а идёт туда, где «ждут дела опять», поэтому считает, что будет «вечно молода» («Я – бабушка российская»). А это уже гражданская позиция современного российского человека третьего возраста – слушателя ВНШ села Карымск. Для них дети – «маленькие добрые гении», которые «верят в красивую сказку». Всё в духе народной педагогики, просто и незамысловато Людмила обращается ко всем нам: «Товарищи взрослые, // Почаще открывайте в сказку дверь» («Наши дети»).

У нас в альманахе есть в разделе публицистики рубрика «О времени и о себе». Ценность её в том, что авторы смотрят на современную Россию не глазами некоего абстрактного мыслителя (политика), а через призму своей судьбы. Судьбы простого человека. Именно таковы сказания Людмилы: «О судьбе и о войне», «К годовщине ансамбля «Селяночка», «Наша ВНШ», «К юбилею Куйтунского района». Последнее, судя по оформлению, является текстом песни.

Все литературные опыты Людмилы – хроника нашего времени, сказание о его людях, их радостях и печалях. Это своеобразный исторический документ, по которому будущие потомки скорее поймут что-то о нас и о нашей жизни, чем из статистических данных, официальных исторических справок и уж тем более из некоторых литературных произведений, ориентированных на элитарно образованное сообщество, «прошлёпавшее» мимо своего собственного народа, так и не заметив, чем он живёт и дышит. Потому что писали про себя и для себя... А ни страна, ни тем более другие, откровенно презираемые ими люди их никогда не интересовали. Они были для них всего лишь народонаселением, а страна, в которой они живут, – территорией, т. е. географическим понятием и не более того.

Мы в своих вузовских эмпирических исследованиях феномена общественно-образовательной жизни ВНШ часто берём у слушателей интервью, главная цель которых понять, откуда у пожилых такая тяга к знаниям, саморазвитию, желание сделать как можно больше хороших дел

для общества? Все литературные опыты Людмилы (да, несовершенные с точки зрения теории стихосложения!) – прекрасный ответ на этот вопрос.

У меня большая личная просьба к читателям нашего альманаха: отнеситесь к сказаниям Людмилы именно так. Поверьте, мы совсем не случайно поместили подборку её «стихов» именно в разделе «Публицистика», а не «Поэзия», потому что они факт не письменной, но устной народной речи, которая хранит прекрасную и святую наивностью, добродушие, открытость сердца и, возможно, неосознанно стремится передать приметы своего времени.

А теперь несколько слов о том, действительно ли поздно начинать писать на склоне лет... Никогда с этим не соглашусь: жить не может быть поздно. Особенно если важной частью этой жизни стала стихия, пробуждающихся в душе слов⁸⁷.

Многие мэтры поэзии эту стихию либо растеряли, либо даже не знают, что она собой представляет, но зато они о-о-очень грамотные: размер соблюдают, рифмы изысканные подбирают, красивые метафоры придумывают. И, что самое печальное, они даже не понимают, что это только декорация, за которой сторотая пустота и мгла душевная, уже давно поглотившая не то что человека, упражняющегося в стихосложении, но даже всё то, о чём он пишет: небо, звёзды, поля, леса, города, любовь, страдание, ненависть...

А это всё есть у таких народных самородков, как Людмила Воронова. И почитатели у неё свои имеются. Да ещё какие! – Преданные и искренне восторженные: селяне, ансамбль «Селяночка», для которого она пишет свои стихи. А также, думаю, близкие родственники, друзья, дети и внуки. Разве мало? Пишите, Людмила Воронова! – Жить никогда не поздно!

Александр Гордин

⁸⁷ Желание человека высказаться в зрелом возрасте, поделиться своим жизненным опытом с другими людьми является таким же естественным, как в молодости стремление поразить воображение возлюбленной необычным поступком, чтобы привлечь к себе её внимание (прим. – автора).

К годовщине ансамбля «Селяночка»

За окошком уж пятая осень...
Где-то в небе летят журавли.
Вот селяночки – бабушки вроде,
А душою мы все молоды.

Мы собрались в прекрасную группу,
Прикипели друг к другу душой.
Наша жизнь стала ярче, богаче,
Даже смысл появился иной.

Говорят о нас тоже немало:
Вот, мол, ходят зачем и куда?
Уж сидели бы дома старушки
И пекли бы внучатам ватрушки.

А мы всё успеваем, поверьте,
И связать, и на грядках растим.
Мы такие разные, задорные и классные.

Для души это всё и для сердца,
Сами песнями нынче живём
И других веселим и поддержим,
Огонёк озорной в вашем сердце зажжём.

Ну, а что же ещё-то мы можем?
Можем всё, и хандра нас нигде не найдёт.
Ведь за нами ещё поколения –
Наша жизнь мимо нас не пройдёт!

Наша ВНШ

Вот и школа дорогая...
Мы спешим сюда зачем?
Заниматься хотим всем.
За компьютер смело сели,
Стали клавиши учить!
Сколько было восхищенья
И большого удивленья –
С монитора в мир глядеть.

Час здоровья для нас главный,
Нет хворобы и нет тоски,
Глазки быстро заблестели,
Затянули пояски.
Много где мы побывали,
Пели там от всей души,
И концерты все успешны,
Все мы были хороши.
Нам не надо славы громкой,
Нам не надо лишних слов,
Мы хотим поближе к людям,
И теперь всегда так будет.

К юбилею Куйтунского района

Вот она – сторона родная...
В шали белой, кружевной
Спит тихонечко под снегом –
Не будите сон чудной.

Как проснётся, встрепенётся,
Всех накормит, напоит,
Всем подарит много солнца,
Всё вокруг преобразит.

Ой, сторонushка родная,
Ты вся от края и до края
Земля Куйтунская вся наша,
И нет тебя милей и краше.

Там цветы на косогоре,
Тут лужайки, ходят кони,
Церковь в том селе звонит,
Праздник Пасхи к нам спешит.

Вот и поле золотое,
Колос спелый, наливной,
Где найдёшь ещё такое?
Всё здесь сделано с душой.

Голуби на старой крыше
Поворкуют, улетят.
О чём воркуют?
Слышим, слышим:

– Как трудились на земле?
Как встречали Новый год?
Чем гордились, к чему стремились
Наш район и весь народ?

– Далеко от нас столица,
Мы с ней связаны на век,
А у нас тут самый главный,
Самый нужный и надёжный
Наш куйтунский человек!!!

Василий Скороход

ТРЕТЬЯ МУЗА ПОЭТА

Как-то листая журнал «Иркутская область: из прошлого в будущее», я был приятно удивлён, что среди безусловных достижений в сфере градостроительства и банальных рапортов побед к 80-летию региона, мэр города Зимы большое внимание уделил ещё одной дате в своей истории – 85-летию со дня рождения прославленного земляка, поэта Евгения Евтушенко, к имени которого здесь относятся с трепетом и уважением.

В память о том, сколько труда и таланта он отдал Родине и зиминской земле, прошла художественная выставка, которую увидели не только горожане, но и жители соседних территорий. В городе будет разбит сквер, а его главным украшением станет памятник поэту.

Скульптурная композиция свирского автора Георгия Сундукова, где за журнальным столиком сидит Евтушенко в кепке и читает стихи, будет установлена во дворе дома-музея поэта. Кстати, открытие мемориала в зиминском доме, где провёл годы войны Женя, предрекал ещё в 1983 году евтушенковед Владимир Артёмов, писавший в качугской газете «Ленская правда», которую я редактировал: *«Думается, что когда-нибудь этот дом станет на законном основании музеем»*. Пророчество сбылось, и в 2002 году при большом стечении поклонников

поэта⁸⁸ состоялось открытие дома-музея, порог которого первым переступил сам поэт.

Во дворе библиотеки предполагают разбит сквер, где читателей будут встречать изваяния не только Евтушенко, но и Вампилова, Распутина и других писателей земли Иркутской. А на железнодорожном вокзале память поэта увековечит его барельеф со знаменитыми поэтическими строками: «Останусь я летающей, летающей снежинкою со станции Зима». Так будет встречать и провожать своих питомцев «Столица Евгения Евтушенко». Так называли Зиму известные журналисты-евтушенковеды В. Комин и В. Прищепав в первой своей книге о жизни и творчестве Е. Евтушенко «По ступеням лет». Она стала отправной точкой в интересный мир сибирского поэта. Книга первая, охватывающая 1932-1962-й годы, вышла в свет в 2015 году, вторая (1963-1965-й) в 2016 году, и третья (1965-1970-й) в 2017 году.

Два предыдущих издания уже достаточно представлены в печати, а вот на третьем томе этой книги хотелось бы остановиться и поговорить о её содержании подробнее. Шестидесятые годы были для поэта годами, когда он стал поэтом-легендой, кумиром нации, гласом народа, когда обрёл мировую славу. И, наряду с этим, его творчество продолжала изматывать цензура: из периодических изданий и книг изымались не только отдельные строчки или абзацы, но и полностью лучшие его произведения.

Есть ещё один повод (для утверждения истины!) обратиться к упомянутому вначале сборнику⁸⁹. В нём пишется, что «за свою 80-летнюю историю Иркутская область не раз становилась площадкой для киносъёмок, и на кадрах можно узнать любимые места». И названы, начиная с «Даурии», снятой в 1971 году, ещё полтора десятка кинофильмов: «Звезда пленительного счастья», «Солнечный ветер», «Серко», «Сатисфакция». Упомянуты даже короткометражки «Настроение улучшилось», отмечены «Семь Симеонов», проект телеканала СТС о питерской семье, документальный фильм «Хирург», новогодние комедии «Ёлки». А вот фильма режиссёра Евгения Евтушенко в этом избирательном списке не оказалось! Хочется восполнить этот пробел. Фильм назывался «Детский сад». Он открыл ещё одну грань таланта Е. Евтушенко, который подтвердил самим фактом создания его, что «*поэт в России – больше, чем поэт*».

Когда собственный корреспондент «Восточно-Сибирской правды» Василий Мединский сообщил мне о том, что Евтушенко в Зиме снимает свой фильм, я бросился вдогонку уходящему поезду и, кажется, успел заскочить на подножку последнего вагона. Такая «оперативность» позволила мне застать съёмочную группу в Иркутске. Поиск её особого труда не составил. В гостинице «Сибирь», тогда ещё без «подбитого крыла», её не оказалось, а у «Ангары» сразу же присутствие съёмочной

⁸⁸ «Пророчество сбылось и в 2002 году при большом стечении поклонников поэта...» – среди них были автор этих строк и редактор сего издания А. И. Гордин (прим. – автора),

⁸⁹ Журнал «Иркутская область: из прошлого в будущее» (прим. – ред.)

группы выдал автобус с биркой «Мосфильм», около которого стояла полторка довоенного образца с прошитой автоматной очередью дверкой.

Съёмки эпизода у церкви (фото В. Мединского)

Была половина восьмого вечера, когда я, наконец, разыскал съёмочную группу и присоединился к ней в буфете гостинцы, который располагался на четвёртом этаже. Из настенного радиоприёмника в очередной раз звучало объявление о том, что на заводе имени Куйбышева будут проходить съёмки кинофильма, куда приглашаются для массовки желающие принять участие.

– Завтра снимаем митинг и завод, – продолжает прерванную моим приходом беседу режиссёр Сергей Тарасов.

– Ты слушаешь митинг, – сказал он, глядя на Серёжу Гусака, исполняющего роль Жени, – а ты, Толян, – обернувшись ко второму юному герою фильма, Серёже Бобровскому – в школу!

Дело в том, что мальчишки, участвовавшие в фильме, во время съёмок, чтоб не прерывать учебный процесс, ходили в школу в местах съёмок: и в Зиме, и в Иркутске...

– Что-то палатка не вписывается, – это уже «реплика» в адрес оператора Владимира Папяна, – завтра будем переоборудовать.

По возвращении в гостиничный номер беседа продолжилась. И режиссёр, и оператор охотно рассказывали о фильме, съёмки которого, чувствовалось, доставляли им удовольствие.

Киноленту, снятую более трёх десятилетий назад, можно с полным основанием назвать фильмом-предчувствием: поразительно, насколько всё, что явилось тогда воображению и сознанию автора, теперь, спустя десятилетия, вновь пришло в нашу жизнь.

А для сибиряков этот фильм интересен ещё и тем, что впервые на экране так широко и всеобъемлюще была показана Сибирь. В своё время работа «новичка» в кино Евгения Евтушенко вызвала неоднозначную оценку критики.

Оператор В. Папян (фото В. Мединского)

Юрий Нагибин в правдинской статье, размышляя над фильмом, вопрошает: «Значит, не удался эксперимент? Удался. На экранах страны идёт картина, резко выделяющаяся из кинопотока, порождающая разговоры, споры, а это уже хорошо. Плохо в искусстве лишь то, что оставляет людей равнодушными».

Поэт, прозаик, публицист, драматург, чтец, актёр, фотограф – это не стремление объять необъятное. А присущая любой творческой личности жадность постигнуть незнаемое, страстное желание «нового», которые привели Евтушенко в киноискусство. Впрочем, не такой уж он был и новичок, когда взялся за экранизацию своего произведения. Ещё в 1957 году в стихотворении «Пахла станция Зима молоком и кедром...» поэт восклицал: «О, как я фильмы обожал – про Щорса, про Максима!»

Все мы родом из детства. А детство Евтушенко пришлось на годы войны.

*Шли вагоны к фронту зачехлённо,
громыхающе...
Сколько было грозных,
молчаливых верениц!*

А оттуда, с Запада, в Сибирь такими же вереницами двигались эшелоны беженцев и эвакуированных предприятий. В фильме «Детский сад» правда о войне показана глазами ребёнка, отсюда и многая

непонятность фильма «взрослым» критиками, которые буквально ополчились на отдельные его эпизоды.

– Конечно, я не взялся бы за постановку фильма, не будь встречи с кинематографом в картине «Взлёт», – говорит в одном из интервью Е. Евтушенко.

Но необходимо отметить, что до этого были его стихи, появившиеся в кинофильме «На графских развалинах», снятом другом поэта Владимиром Скуйбиным ещё в 1958 году. Вскоре зазвучала песня Евтушенко «А снег идёт» в кинофильме «Карьера Димы Горина».

Далее последовала работа сценаристом над фильмом режиссёра М. Калатозова и оператора С. Урусевского «Я – Куба». Сценарий писался по собственным впечатлениям полугодового пребывания автора на Острове свободы.

Следует упомянуть две попытки сняться в фильмах итальянского режиссёра П. Пазолини в роли Иисуса Христа и в остросоциальной картине Э. Рязанова, где он намеревался сыграть Сирано де Бержерака.

К этому нужно добавить серьёзное увлечение фотографией. Серия его работ экспонировалась в Иркутске, Москве и за рубежом. Много репетировал с артистами при подготовке литературных композиций по поэмам «Братская ГЭС», «Под копией статуи Свободы», и наконец – от начала до конца роль К. Циолковского в фильме «Взлёт».

Но было ещё и большое уважение к Евгению Евтушенко как к поэту-гражданину, чьи стихи и песни облетели весь мир. Без этого, конечно, такая студия, как «Мосфильм», никогда бы не доверила постановку двухсерийного фильма человеку, не имевшему кинематографического образования. Кандидатуру Евтушенко как режиссёра поддержал руководитель первого творческого объединения «Мосфильма» Сергей Бондарчук. Он ожидался и на съёмках в Сибири.

Предложение сняться в фильме «Детский сад» приняла целая плеяда популярных киноартистов. В роли отца Жени – главного героя фильма – Игорь Скляр, сыгравший превосходную, умную и тонкую сцену в Ясной Поляне. В роли главаря шайки «Шмеля» впечатляюще выглядел Николай Караченцов, запоминающимися были эпизоды со слепцом, сыгранные Леонидом Марковым.

Маститой оказалась и съёмочная группа. Директор фильма Виктор Мосенков был знаком зрителям по ленте «Сибиряда», его заместитель Владимир Киршан работал над фильмами «Дерсу Узала», «Русское поле», «Мимино».

Наряду с ними в фильме на ролях далеко не второстепенных – много таких, кто впервые оказался перед камерой. Роль главного героя сыграл московский школьник Серёжа Гусак, на роль учительницы получила приглашение поэтесса из Тамбова Марина Кудимова.

Позади месяцы напряжённой подготовки к фильму, и вот первый день съёмки. Разбита и разобрана по кусочкам символическая тарелка, в первый раз звучит команда: «Мотор!» И начали...

...Над Москвой низкие, тяжёлые тучи. Красная звезда Кремлёвской башни. Руки курносого юнца-верхолаза зашивают крупной иглой чехол.

Затем на экране возникает движущееся в эвакуацию у собора Василия Блаженного в Москве скопление людей и животных. Такого ещё не было на экране, так великолепно заявил о себе «новичок» в кино Евгений Евтушенко!

Потом будут запоминающиеся эпизоды толпы, осаждающей эшелон, уходящий на Восток, сцены в поезде и на крыше вагона, бомбёжка, братская могила на пути в Сибирь... И вот до боли узнаваемые кадры, отснятые на Иркутской земле. Так широко в художественном кино была представлена Сибирь тоже впервые.

На фото В. Мединского слева направо: председатель Черемховского горисполкома, режиссёр С. Тарасов, отец Исидор и Е. Евтушенко

Больше всего повезло Зиме. Здесь сняты многие эпизоды фильма, а зиминцы – от мала до велика стали не только свидетелями съёмок, но и участниками эпизодов. Особенно радовались дети. Ведь это фильм о них, вернее об их сверстниках далёких 40-х. Так, эпизод «Школьный класс»,

который потряс даже взрослых, снят в школе, находящейся на острове Братская протока. В роли школьников военной поры – зиминские ребята, которые «показали себя» не хуже, чем юные актёры, приехавшие из Москвы.

Целый ряд эпизодов отснят на перроне и станции Зима, пристанционном рынке, у зиминского военкомата, церкви.

Кстати, в одном из эпизодов сыграть роль вдовы пригласили зиминскую журналистку Елену Полыгину. А Тамара Панасюк из Иркутского драмтеатра играла солдатку. Отцу Исидору – настоятелю Черемховской церкви перевоплощаться не пришлось. Он играл батюшку, венчавшего молодые пары военного времени.

Запомнился зиминцам и творческий вечер с участием съёмочной группы, который открывал хор художественной самодеятельности исполнением песни-гимна тех времён «Хотят ли русские войны». Особенно трогательным было появление Евгения Евтушенко на сцене со своей первой учительницей – Сусанной Осиповной Коношенко. Блестяще читал стихи Е. Евтушенко Николай Караченцов. Зиминцы стали первыми слушателями песни, написанной их земляком специально для «Детского сада», в исполнении Светланы Евстратовой, актрисы, сыгравшей главную героиню фильма.

На родной земле постановщика фильма повсеместно ждали помощь, поддержка и радушный приём. Так было в Иркутске, куда переместилась сценическая площадка, для того чтобы показать природную панораму жизни тыла. В Иркутске сохранилось больше всего объектов, соответствующих внешнему облику того времени. Евгений Евтушенко, неоднократно бывавший в Иркутске, выбрал для натуральных съёмок цеха завода имени Куйбышева ГПТУ № 1, фабрику «Бытовик», хлебозавод № 1.

Свадебное шествие, воссоздающее эпизод проводов на фронт новобранцев, которые накануне сыграли свадьбу, хорошо помнят жители улицы Грязнова. Магази́чик на улице 3-го Июля оказался подходящим для эпизода, в котором показывалась очередь за хлебом сорок первого года.

– Мне приходилось объяснять юным актёрам, играющим эвакуированных детей, – говорил в беседе с корреспондентом АПН Евгений Евтушенко, – слово «эвакуация», что такое хлебные карточки. У меня создавалось ирреальное ощущение полностью воскрешённой реальности, как будто я снимаю не художественный, а документальный фильм.

В этом смысле «Детский сад» можно назвать фильмом-предчувствием: «Пройдёт десяток лет, и вновь появятся дети, познавшие не с экрана, не в кошмарном сне, не из воспоминаний старших, а наяву слова «война, эвакуация». И унижение голодом, холодом, когда люди, обессиленные нечеловеческими испытаниями, будут вынуждены покидать свой родной кров в различных частях некогда великой страны СССР.

И как бы ни относилась критика в своё время к фильму, сегодня он воспринимается правдивей, чем это было вчера, ещё в благополучной во

всех отношениях стране. Да и помельчала теперь в наших глазах некогда всемогущая критика. К чему придирались? Мычашие коровы на улицах Москвы, которых гонят усталые беженцы из-под Смоленска, Вязьмы, Гжатска были слишком упитанными. Чем дальше от Москвы – тем дальше, по словам критиков, фильм уходит от жизненной правды и хорошего вкуса. Особенно «дался на язык»⁹⁰ эпизод, связанный с пристанционным рынком, вобравшим в себя яркие краски и залихватскую звень: песни цыган, наивную историю уголовной шайки. И как пика: «Откуда мог взяться в советской (!) Сибири денежный туз в меховой шубе нараспашку?» – «Да оттуда, из Москвы!» – так и хочется крикнуть в ответ на этот вопрос. Было две Москвы, два Ленинграда. Одна (Москва) строила укрепления, шла в ополчение, другая бежала в Сибирь и Среднюю Азию. Один (Ленинград) положил за 900 дней блокады сотни тысяч своих сограждан на Пискаревском кладбище, другой за корку хлеба выменивал драгоценности и жрал ночами чёрную игру в ресторанах осаждённого города.

Не «скомпрометированным» оказалось и стихотворение «Мёд», хотя пытались: оно написано Евтушенко ещё за два десятилетия до фильма!

*Я расскажу вам быль про мёд.
Пусть кой-кого оно проймёт,
Пусть кто-то вроде не поймёт,
Что разговор о нём идёт.
Итак, я расскажу про мёд.
В том страшном, в сорок первом, в Чистополе,
Где голодало всё и мёрзло,
На снег базарный бочку выставили –
Двадцативедерную – мёда!
Был продавец из этой сволочи,
Что наживается на горе,
И горе выстроилось в очередь,
Простое, горькое, нагое.
Он не деньгами брал, а кофтами,
Часами или же отрезами.
Рука купеческая с кольцами
Гнушалась явными отрепьями...*

Неловко критике было смотреть и на медвежью охоту: мол, посылка крайне искусственная. Мужиков на экране видимо-невидимо. Оживает де былинная Русь. Да не былинная! Некрасовская! И коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт. И советская: у русской женщины в одной руке сетка, в другой Светка, впереди – пятилетний план, а сзади пьяный Иван. И современная посткоммунистическая, где каленые крепыши, так же как и в

⁹⁰ Дался на язык – простонародное выражение, обозначающее придирки к высказанным словам, к речи человека (прим – автора).

фильме, торчат на рынке, а женщины вкалывают, не получая месяцами положенной зарплаты. Здесь не то что с рогатиной, а с голыми руками пойдёт русская женщина на медведя. Посему, наоборот, уважаемые критики: чем дальше от Москвы, тем реальной жизненная правда.

Это соединение таланта и народной стихии – стало радостной удачей фильма. И его автор вполне достойно доказал законность своих кинематографических притязаний.

...От военкомата медленно, как во сне, движутся женщины, держа в руках раскрытые похоронки. А навстречу им идёт колонна юных новобранцев, на руках которых виснут матери и невесты, провожающие своих сыновей и мужей.

У входа в церковь в снег, ручкой вниз, воткнута фанерная лопата. На фанере надпись: «В фонд обороны». На простыне, расстеленной на снегу, – деньги, облигации, серьги и брошки, часы. Около простыни величаво стоит женщина-милиционер, постукивая валенком о валенок. Из маленькой деревянной церквушки выходит священник, осеняя шествие крестом.

В третьей книге Комина и Прищепы впервые возникло имя ещё одного евтушенковеда Владимира Артёмова. И живо написана сцена февраля 1982 года, когда в редакции газеты «Энергия» свирского завода «Востсибэлемент», где я в то время работал редактором, на пороге появился невысокий, смуглый, коренастый разбитной парень и предложил статью, посвящённую 50-летию со дня рождения Евтушенко. Я парировал, что юбилейный год ещё не наступил, но Владимир Артёмов, так звали гостя, засыпал меня таким знанием темы, что я поразился и сдался. От него я впервые узнал, что год рождения Евтушенко, записывая в метрики, уменьшила мать. Что фамилия его настоящая вовсе не Евтушенко. Да и родился он не в Зиме, а в Нижнеудинске. Но самое удивительное было то, что он предложил десятки ещё не издавших свет стихотворений опального поэта. Словом, его статья «Я твой поэт, Отечество моё» была опубликована в газете, которую он потом разослал по всему Советскому Союзу, и хоть таким образом голос поэта прорезался сквозь запреты партократии.

Статья заканчивалась словами: «Для своих читателей в Свирске поэт передал отдельный привет и некоторые свои ещё не печатавшиеся стихи».

Эти стихи, на свой страх и риск, я продолжал публиковать в газете «Ленская правда» в Качуге до тех пор, пока в завершение одного телефонного разговора партийный чиновник областного комитета партии, кстати, усольчанин, с которым мы вместе в 1969 году начинали свою профессиональную журналистскую деятельность в газете «Ленинский путь», по-дружески не посоветовал:

– Кстати, не печатай Евтушенко... У нас, в обкоме, о нём неоднозначное мнение...

«Неоднозначное мнение» о поэте у них было уже тогда, когда они «редактировали» его первое опубликованное стихотворение «Два спорта»,

которое увидело свет в газете «Советский спорт» 2 июня 1949 года... Лишь 2 июня 1979 года в газете «Советская молодёжь» оно было озвучено полностью!

В дни, когда отмечается 80-летие со дня рождения второго гения нашей эпохи Владимира Высоцкого, уместно привести стихотворение «Киоск звукозаписи» Евгения Евтушенко, написанное в 1981 году и опубликованное в журнале «Юность» с изъятыми строками:

*Тебя хоронили,
как будто ты – гений.
Кто – гений эпохи,
кто – гений мгновений.
Ты – бедный наш гений семидесятых,
И бедными гениями небогатых.
Для нас Окуджава
был Чехов с гитарой.
Ты – Зощенко песни
с есенинкой ярой,
и в песнях твоих
раздирающих душу,
есть что-то от сиплого хрипа Хлопуши.*

Вместо этих поэтических строк в стихотворении стоит многозначительное многоточие.

В 1967 году в Москве из стихотворения «Мой почерк» были изъяты строки:

*Пойми всей шкурой и костями,
Как это сложно – воспевать,
Когда от виденного тянет
Ни воспевать, а лишь блевать.*

В моей библиотеке есть книга Евгения Евтушенко «Присяга простору», выпущенная Восточно-Сибирским книжным издательством в 1978 году. Из этого сборника было изъято цензурой с «половины тиража»⁹¹ (поздно хватились!) стихотворение «Байкал». Среди изъятых было стихотворение «Байкалу». Вместо него было поставлен отрывок из поэмы «Опять на станции Зима». На странице, где опубликовано стихотворение «Родной сибирский говорок», посвящённое В. Артёмову, рукой последнего на полях моего экземпляра книги записана шутивная эпиграмма: «*Пусть Евтушенко знаменит, но и меня не заменить*». И рядом: «*Уважаемому*

⁹¹ С половины тиража – профессиональный сленг, имеется в виду, что была уже отпечатана половина тиража (прим. – ред.).

Василию Петровичу Скороходу, так много помогшему мне в год 50-летия Евг. Евтушенко, с благодарностью за дружбу».

Дружили мы с Владимиром несколько лет, пока он учительствовал в посёлках Свирске и Зерновом Черемховского района. Это был интересный, эрудированный человек и приятный собеседник. В одном посвящении он написал:

*Здесь рядом я и мой кумир,
И в чём-то близок я кумиру:
Ведь он почти объездил мир,
А я почти пошёл по миру.*

Дело в том, что в конце 70-х годов минувшего столетия, страстно увлёкшись поэзией Евтушенко, он, преподаватель Иркутского пединститута, знавший наизусть почти все стихотворения поэта, решил писать работу на соискание кандидата наук по творчеству Евтушенко. Поехал в Москву, несколько лет работал секретарём у поэта, закончил диссертацию, а к защите его не допустили. Не помог даже звонок Евтушенко министру просвещения СССР. Поэт пребывал в опале после выступления против высылки А. И. Солженицына из страны. За отношение поэта к власти пришлось расплачиваться литературоведу Владимиру Артёмову.

Стараясь как-то помочь ему, Евтушенко написал письмо идеологу Иркутского обкома партии Антипину. Поэт предупреждал, что в случае неудовлетворительного решения «вопроса Артёмова», он опубликует материал на Западе, в котором найдёт, что сказать о судьбах советских учёных в СССР в период развитого социализма. Володя в обком не пошёл и оказался в небольшом сибирском городке, а затем в сельской школе. Но остался верным своему кумиру. Он организовал общество евтушенковедов, рассылал его неустребованные стихи в прогрессивные газеты и журналы и был, как это водится, приглашён на беседу в КГБ.

Умер Владимир неожиданно во время одной из поездок в Иркутск на автобусной остановке.

«Смерть Володи – большая потеря для меня и моих близких. Владимир был по-детски влюблён в поэзию, помнил её огромными кусками. Он один из первых, если не самый первый, заинтересовался по-серьёзному как учёный моим творчеством, старался «выцарапать» у меня новую строчку. Он занялся мной, когда меня ещё не вели под белые ручки в президиум, а часто поливали грязью.

Володя Артёмов был одним из пионеров прижизненного литературоведения. Но у нас не было отношений жреца-идола и коленопреклонённого перед ним человека. Он был лишён угодничества. Ему не нравились многие мои стихи, и он честно, откровенно, подчас жёстко говорил об этом.

Я считаю, что Владимир Артёмов заслужил в своих родных сибирских местах небольшой улочки или библиотеки, названной его именем», – скажет поэт.

Вскоре группа деятелей культуры и представителей общественности, среди которых были поэт А. Преловский, драматург В. Гуркин, профессор В. Трушкин и ещё 13 человек во главе с Е. Евтушенко, обратились с письмом в администрацию Черемховского района с предложением увековечить имя Владимира Артёмова в названии Черемховской районной библиотеки посёлка Михайловка. Однако власти просьбу отклонили, ссылаясь на то, что решение о присвоении имени принимают более высокие инстанции, чуть ли не в Москве.

И только когда в России возобладали демократические принципы самоуправления, на стене библиотеки появилась мемориальная доска об увековечении имени Владимира Артёмова.

А год назад узнаём, что чиновники нового времени вновь нашли повод лишить библиотеку имени Владимира Артёмова. Вот такие мысли появились у меня только при беглом знакомстве с замечательным изданием трёх книг «По ступеням лет» В. Комина и В. Прищепы.

ПРОЗА

- Из цикла «Байки у костра»

Иннокентий Темников

КАК ПОСТРОИТЬ ЗИМОВЬЕ

Место для зимовья не бывает случайным. Обычно оно выбирается само собой, потому что сюда ты часто ходишь по лесным делам. Вначале ты там припрятываешь топор, котелки, чтобы не таскать с собой это тяжёлое железо, потом сооружаешь для удобства и уюта навес, и всё – считай ты «пропал». Незаметно для себя из нормального туриста, свободного, как ветер, и ни к чему не привязанного, ты превращаешься в зимушника. Обрастаешь недвижимостью. Вдруг надоедает спать в палатке, таскать за три девять земель, ну, не за три девять земель, а за три девять километров котлы, топоры, пилу, спальный мешок и прочие припасы, и ты принимаешь решение – пора строить зимовье.

Может, не ты выбираешь место, а место выбирает тебя из сотен людей, что бегают к нему. Оно решает: «Вот тот человек, что мне нужен. Он будет любить меня, хранить меня». Умудрённое общением с людьми, место поступает не как юная вертихвостка, легко теряющая голову от болтуна и краснбая, первого за столом, а как расчётливая женщина, которая выберёт себе в спутники скромного трудягу.

Кеха лежал на диване и медитировал. Вначале он вышел из тела, повисел под потолком, поглядел на себя сверху, набрал сил, напрягся, пробил астральным телом потолок и крышу, стремительно взлетел к небу, словно осветительная ракета, завис над домом, увидел чёрный, как ночь, Байкал, гирлянды фонарей вдоль железной дороги и городских улиц, горы, освещённые лунным светом. Он немного повисел над шиферными крышами, лёгкий, как дым. Сердце сладко замерло в предвкушении. Дальше всегда происходило одно и то же, ради чего он и выбрался сюда под звёздное небо. Неведомая сила повлекла его туда, где чёрная и жёлтая от света луны лежит громада горы, которую в древности называли Хамар, что означает «нос земли», где золотые блики играют в прозрачных водах озера Сердца. Он летел над хребтами, поросшими раскидистыми кедром, сухим лесом в верховьях города Слюдянки, ветки и стволы деревьев которого казались серебряными в белом свете луны. Отсюда, сверху, он слышал гул водопадов на Подкомарной и неустанное журчание ручьёв.

«Папа, я покакала!» – радостный голос дочери вернул воспарившую Кехину душу в тело. Но дело, похоже, было сделано, место его выбрало и никогда не отпустит.

Витька Доктор – в самом деле доктор. Очень хороший доктор. Очень хороший доктор отличается от хорошего тем, что имеет дар божий лечить больного с первых слов общения с ним, потому что больной человек – это не только больное тело, руки, ноги и прочие внутренние и наружные органы. Больной человек – это страдающая душа. И начинать помощь нужно с неё, хотя специализация у Виктора (с ударением на «о») самая что ни на есть молчаливая – рентгенолог. Про него друзья говорили: «Он каждую блядь насквозь видит», – что соответствовало действительности. Не думаю, что место Виктора выбрало, скорее, он выбрал место, потому что Док – альфа-самец, лидер и мачо. Или считает себя таким, что впрочем одно и то же. Такие сами выбирают. Инициатива построить зимовье на Хамар-Дабане за третьей горкой исходила от него.

Алан Чумак сотворил руками крест, и они встали с дивана. Так началось приключение. Кеха выключил телевизор. Вышли на улицу. Стоял погожий летний день, самый подходящий для подвигов и свершений, потому что тепло. Их было трое: Кеха, Док и Лёня. Если Кеху и Дока

связывали долгие, сложные отношения, которые для простоты называют дружбой, то Лёня попал в их компанию случайно. У Лёни округлое, как оладья, лицо, мясистый нос. Фигура «бабистая», с покатыми плечами, без кубиков на животе и бицепсов буграми, но такие люди часто оказываются чудовищно сильными. У Кехи в роте был похожий старшина. Он гнул в своих «бабистых» руках гвозди и мог на спор разбить с трёх «чилимов» банку сгущёнки. Чилим, или плашка, – это по-армейски такой удар пальцем, когда ладонь приставляется к бестолковой голове, напряжённый палец оттягивается, а потом отпускается, как пружина. Не знаю, что Лёню подвигло на строительный подвиг: желание самоутвердиться, наивная романтика или красивые рассказы Виктора.

Путь на Хамар-Дабан в те годы начинался с того, что надо было надеть резиновые тапочки, потому что мостов через речку Слюдянку не было. И хоть в речке почти каждый год кто-нибудь тонул, никто их строить не собрался. В тапках удобно бродить через речку, а сапоги надевать, когда минуешь все броды.

Долго тащились по городу, потом вдоль огороженных колючей проволокой картофельных полей. В погоде что-то «тронулось». С Байкала по долине потянул серый туман. С деревьев закапало. Это пар конденсировался на листьях и хвое, взбухал крошечными водными шариками. Капли копились, сливались, росли, вытягивались прозрачными грушами и шлёпались на землю. Воздух стал сырой и вязкий, как в недотопленной парной, когда плещешь водой на непрогретую каменку. Вода в реке холодная, но босые ноги в спортивных тапочках успевали согреться, пока шли по каменистой дороге от одного брода до другого. Сегодня им нужно было дойти до маленькой зимушки под Чёртовыми воротами. Эту избушку тоже строили они в большой компании своих друзей. Ну как большой? Просто прознав, что Валерка Рудоманов с Кехой затеяли строительство, все их приятели поспешили отметить, каждый в меру своих сил и возможностей, чтобы потом разделить с друзьями «тяжёлую» ношу хозяев зимовья. Рудоманов – ещё один член их обычной команды для горных походов и других весёлых мероприятий. Доктор на той стройке не был главным, и теперь ему срочно понадобилась отдельная жилплощадь на Хамар-Дабане, где главным будет он. Кеха сразу хотел строить зимовье в глухой долине, а не на основной тропе, как решил Валерка, которому было лень отойти от дороги дальше. Рудоманов по-своему оказался прав, потому что та избушка с именем «Кяхта» до сих пор дарит свой очень скромный уют и тепло путникам, но это скорее проходной двор, чем уединённый скит. Искать там покой – всё равно, что искать его в рюмочной. Кехе, с его разрушенным преподаванием психикой, такое спокойное место было необходимо, и длинный учительский отпуск надо было чем-то заполнить. Желательно чем-то весёлым и героическим. А компания Дока для этого, как говорил мастер слова и логики медвежонок Пух своему лучшему другу Пятачку, – подходящая компания. Вот так они одним уже не

ясным, как с утра, а вполне ненастным днём, с путеводной дерзкой мечтою в голове, сапогами, топорами и двуручной пилой в рюкзаках оказались на тропе. Пасмурным днём идти хорошо – не жарко, отдыхать и купаться не хочется, потому что сыро. Шли ходко и споро и, наверное, дошли бы так без остановки до метеостанции, если бы им с той стороны речки не помахал кружкой длинный рыжий парень в ковбойской шляпе и клетчатой рубашке. Парень стоял возле дымного костра из сырых дров на большой поляне, среди толстых, как баобаб, тополей, жизнестойких последышей широколиственных лесов, чудом выживших в последнем оледенении.

«Эй, мужики, чаю хотите?» – крикнул он. Кеха поморщился. Он не любил отвлекаться на всякие глупости и пустые разговоры, но знал, что Виктор непременно полезет общаться, и, хоть он часто убеждался в правоте Виктора (с людьми надо говорить!), любая задержка ему казалась досадной. Они перебрались через реку по толстому скользкому бревну. Бревно не доходило до противоположного берега. Последние метры надо было преодолевать, балансируя на кривых и тонких осиновых стволах, брошенных на торчащие из воды камни.

На краю поляны под огромным тополем стояли две палатки. Тополь давно выгнил внутри, и Кеха часто думал, что когда-нибудь он непременно завалиться кому-нибудь на голову.

Вокруг костра, шурясь от едкого дыма, сидели «зелёные» люди. В смысле не намазанные зелёной, а вчера слегка злоупотребившие свежим воздухом и водкой. Остро пахло перегаром и чесноком. Перегаром пахло от людей, а чесноком от поленницы колбасы, вялившейся возле костра. Столько сырокопчёной колбасы одновременно Кеха видел только в подсобке центрального продуктового магазина, когда работал слесарем по ремонту холодильного оборудования. Зрелище завораживало и вызывало обильное слюноотделение, но наши воспитанные и деликатные строители сделали вид, что эта куча копчёностей среди леса для настоящих сибиряков не представляет ничего удивительного.

– Вы сушите или колбасу коптите? – не удержался, чтобы не связать Кеха.

– И то и другое, – беззлобно хохотнул Рыжий.

От костра встал низенький, худощавый и жилистый мужичок и шагнул на встречу.

– Анатолий, – представился он тихим голосом, но так, что всем стало ясно – здесь он главный. Анатолий пожал по очереди руки нашим строителям, начиная с Доктора. Кеха всегда удивлялся, как люди с претензией на лидерство безошибочно узнают друг друга по первому взгляду и начинают вести себя как два мартовских кота при встрече. Пожимая твёрдую ладошку Анатолия, Кеха тут же забыл его имя и для себя приклеил ему этикетку – «Руководитель». Так его и запомнил. Рыжего ковбоя звали Иваном. Док тут же перекрестил его в Джона, к видимому удовольствию последнего. В те годы мы ещё Америку любили. Вместе с

ними был крупный, мордатый парень, с заметной лысиной на голове, покрытой тонкими, нежными волосиками, какие бывают у младенцев. Звали его Борисик. Не Борис и не Боря, а Борисик. Именно так к нему все обращались. Борисик заметнее всего страдал после вчерашнего. Всего парней было четверо. Четвёртого Кеха так и не запомнил, потому что во все глаза уставился на трёх таких очаровательных созданий, что даже похмелье их не портило. Девочки были так хороши, что, казалось, и потеть они должны «Шанелью № 5». Но они земно пахли костром. У Кехи ёкнуло сердце. Их поход мог закончиться, едва начавшись, у ног прекрасных повелительниц колбасы. Он слишком хорошо знал своего друга Виктора. Док подтвердил Кехину проницательность, зажглись огни рампы, и большой артист Виктор начал своё выступление. Говорил он главным образом с Руководителем. Его речь была полна достоинства и заботы, он ненавязчиво уже с третьего предложения обрисовал изумлённой публике, с какими известными путешественниками и строителями зимовий они имеют дело, походя, упомянул о больших походах по Саянам и Тянь-Шаню, постоянно призывая в беспристрастные свидетели Кеху. Кеха солидно и с достоинством кивал и важно, как того требовали обстоятельства, надувал щёки. Надо честно сознаться, что Доктор никогда не врёт. Он просто умеет расставлять акценты так, что любое рядовое происшествие превращается в подвиг. Друзья про Доктора говорили, что всё, что рассказывает Док, надо делить или умножать на два, тогда ты получишь истинный масштаб события. Нет, Док не только хвастал, он искусно плёл словеса и строил беседу так, что каждый участник разговора чувствовал себя главным в специально отведённое для него время, видел и чувствовал, что им искренне интересуется такой умный и важный собеседник. Кеха всегда завидовал умению друга вести разговор. Он не любил слушать других. Любил выступать сам. Но, как правило ему этого делать не давали...

Виктор говорил в основном с парнями, но каждое его многозначительное слово, каждая изящная поза были нацелены на покорение прекрасного пола. Пока Кеха с Лёней молча пили перестоявший, горький чай, изредка поддакивая Виктору, он умудрился: рассказать о себе, не забывая расхваливать и своих друзей; о своих планах; разговорить Руководителя и словоохотливого Джона; выведать, что они с Украины, работают на одном заводе, где выпускают пластмассовые игрушки, а также, что они опытные путешественники, но в основном ходили по Европе: Крыму и Карпатам. Поговорили о погоде, Сибири и особенностях климата Хамар-Дабана. Кеха, как местный житель, поведал, что эти горы самое сырое место в Иркутской области и что летом здесь на два солнечных дня приходится четыре дня ненастья. Его внимательно слушали. Кеха оживился, ему удалось отодвинуть Доктора на второй план общения. В доказательство скверной местной погоды решил блеснуть эрудицией и вспомнил строки песни Визбора.

Тайга вокруг, тайга – закон,

*Открыта банка тесаком,
А под ногами сквозь туман
Хрустит хребет Хамар-Дабан.*

«Вы, наверное, поёте?» – оживились девушки. Кеху часто за смуглость, носатость и артистический вид принимают за певца или художника, что не соответствует действительности. Он смутился, буркнул: «Нет. Вон Доктор поёт». И замолчал.

Док удовлетворённо улыбнулся и поинтересовался: готовы ли опытные путешественники к суровому местному климату, есть ли у них пила и топор, потому что без костра в горах не выжить. Руководитель решительно заявил, что, исходя из его опыта, без пилы они обойдутся, а хороший топор у них есть, в Карпатах его было достаточно. Сибиряки недоверчиво пожали плечами, но не стали спорить с опытным человеком, который исходил все Карпаты. На прощание Доктор сказал, обращаясь главным образом к девчонкам, что стоять они будут в зимовье возле Чёртовых ворот, и что, если им понадобится помощь, они всегда выручат, потому что в Сибири так принято. Они общественные спасатели, спасли не одну жизнь, если надо спасут и их.

Пока хитроумный Виктор плёл интриги, чтобы привязать к себе новых знакомцев, погода несколько раз менялась. С Байкала наплывало облако холодного тумана. Солнечный свет мерк. Облако прилеплялось к деревьям, кустам, высокой траве, мокро оседало прозрачными крупными каплями на зелёных листьях, стеблях, побегах и ветках. Иногда с неба начинала сыпаться влага – то ли крупные капли тумана, то ли мелкие капли дождя. Потом туман редел, даже проблёскивало солнце, чтобы вновь спрятаться в серых мокрых клубках. Ветер гнал туман в горы. Там он зацепится за вершины, станет плотной массой тёмных туч, которые начнут свою любимую забаву – станут с грохотом сталкиваться чёрными лбами, в свирепом исступлении бить по скалам молниями, с азартом гонять гулкое, рассыпающееся эхо грома по горным долинам, пугая всё живое. Когда они с Валеркой Рудомановым строили Кяхту, случилась такая гроза. Стояла чёрная ночь. Огненные столбы молний упорно долбили в скальный гребень над их палаткой, наполняя воздух грохотом и запахом от камней, таким же как в детстве, когда маленьким мальчиком колотил их друг о друга, чтобы вызвать огонь. Они сидели в Кехиной палатке – Валерка, Кеха и Роза. В тот год Роза вставила зубы, и теперь у неё был полный рот железа. Резкий электрический свет выхватывал внезапно из тьмы лица друзей, чёрные провалы глаз. Он временами ярко вспыхивал на стали Розкиных зубов, а потом опять всё меркло в кромешном мраке.

– Ты, это, – с трудом выдавил из себя Валерка, заикаясь, – рот не раскрывай или лучше иди отсюда подальше. Я только всё железо из палатки выкинул, чтобы молнию не притянуло. Ты же знаешь, что железо

электричество притягивает! Чтобы произнести это простое предложение, ему понадобилось минут пять.

В те годы между друзьями ходила книжка широко известного советского альпиниста, полная всякими жуткими историями, что приключаются в горах от гроз, лавин и камнепадов.

– Чё, правда что ли? – всполошилась Роза и прикрыла рот руками.

– Правда-правда, – подтвердил Кеха. Мужики переглянулись, с трудом сдерживая смех. Розка послушно стала надевать сапоги. Кехе стало её жалко.

– Ладно, сиди здесь, – смилостивился он, – но рот не открывай! Кеху все считали серьёзным человеком, потому что он носил очки и работал учителем. И вообще, он казался безопасным и внушал доверие. Как-то раз в рабочем общежитии, где Кеха тогда жил, он зашёл на кухню и увидел, что его юная соседка, наивная учительница начальных классов, такая же неумелая, как дети, которых она учила, варит рожки. Кеха на автомате, даже не рассчитывая, что ему поверят, спросил:

– Аня, ты рожки продула?

– Зачем? – удивилась Аня и посмотрела на него большими доверчивыми глазами. Кехе стало неловко от собственного вранья, но остановиться он уже не мог.

– Чтобы не слиплись, – продолжал излагать Кеха всем известный розыгрыш, – только ты по одному не продувай – это долго. Вот так набирай между пальцами и дуй, как в губную гармошку.

Он показал для верности, как следует дуть, и ушёл. Через месяц или два, когда он уже напрочь забыл о том случае, к нему подошла Аня, стесняясь и краснея, спросила:

– Кеша, ты меня разыграл с рожками?

– Какими рожками? – выпучил на неё глаза Кеха. Он «думать забыл» про свою шутку и никогда бы сам о ней не вспомнил.

– Ну, что ты меня продувать заставил, – сказала Аня и посмотрела на него своими большими чёрными глазами.

– Конечно, разыграл, а ты что, поверила? – удивился Кеха. Ему вновь стало стыдно за свой глупый поступок. Как ребёнка обманул.

– Ты только не смейся и, пожалуйста, никому не рассказывай, – попросила Аня трагическим шёпотом, – сижу я на кухне и продуваю рожки. Заходит баба Валя.

Баба Валя – вахтёрша, бойкая старушка – божий одуванчик, с седыми кудряшками на маленькой иссохшей головке.

– Анечка, что ты это такое делаешь? – спрашивает баба Валя.

– Рожки продуваю, чтобы не слиплись, – отвечает простодушно Аня.

– Да вроде так не делают, – удивилась вахтёрша, – тебя кто так научил?

– Мне Кеша посоветовал, – говорит Анечка.

– Ну, если Кеша так сказал, тогда дуй. Кеша человек серьёзный – плохого не посоветует, – вынесла вердикт баба Валя. Так репутация работает на человека. Наивно было рассчитывать на Кехино благородное молчание, но в школе он честно о розыгрыше никому не рассказывал.

В домике метеостанции сухо и чисто. Серый туман липнет к низким окнам мелкими каплями. Капли копятся, сливаются, набухают и сползают вниз, прочерчивая на прозрачном стекле кривые дорожки, похожие на загадочные письма. «Вот бы суметь их прочитать», – думал Иннокентий, не забывая прихлёбывать суп из эмалированной чашки. Трещит огонь в печи, громко тикают ходики на белой стене. Краснощёкий и кучерявый метеостанщик Андрюха ведёт оживлённую беседу с Кехой и Доктором, выспрашивая иркутские и слюдянские новости, делаясь местными. О государственных новостях ему рассказывает диктор из транзисторного приёмника. Андрюха, как большой ребёнок, падкий на всё яркое, но добрый и щедрый. Слушает он эмоционально. В нужных местах всплескивает руками, восторженно крутит головой. Андрей занимается охотой и наверняка уже прикидывал, как приспособит для своих целей новое убежище.

На веранде загремело. В дощатую, крашенную синей краской дверь ввалился рыжий Джон в дождевой накидке из плёнки. С накидки и полей ковбойской шляпы капало. Метеостанщик поднялся из-за стола навстречу и с укоризной посмотрел на лужу, что натекла со шляпы и ног нежданного гостя. Андрюха и рыжий хохол Джон были одного роста, только из Андрюхи, будь он из пластилина, можно слепить полтора Джона, и материала ещё бы на ковбойскую шляпу осталось. В мокром окне Кеха заметил бесформенные, бесцветные под полиэтиленом фигуры. Бесшумно и медленно, как большие аэростаты, они проплыли мимо метеостанции, ветхого сруба колодца с помятым ведром, забора из колючей проволоки, втянулись в тропу, серпантинном уходящую к перевалу. Руководитель, ревнивый, как олений вожак, уводил своё стадо. Обострённым чутьём он почувствовал опасность для своего лидерства, исходящую от сибиряков.

Ванька-Джон безошибочно признал в Андрюхе хозяина и попытался что-то у него расспросить. Делал он это долго и путано, почему-то игнорируя наших друзей.

– Чего даже на чай не зашли? Я же сказал, что на метеостанции вас подождём, – вмешался Доктор.

– Да нас много. Мы на поляне обед сделали, – смутился Джон.

– Вам лучше сегодня перед перевалом в логу встать. Оттуда и до пика близко, и вода с дровами есть. Мы тоже до перевала остановимся в зимовье. Можете рядом с нами палатки поставить. Веселее будет, – предложил Доктор.

– Посмотрим, – неопределённо сказал ковбой. – Мне пора, – заторопился он, – ребята, наверное, далеко ушли.

– Ладно, идите. Мы вас догоним, – пообещал Виктор.

Через час выбрались из домика метеостанции. Небо просветлело. Унылый дождь прекратился, можно было убрать надоевшие накидки в рюкзаки. Уютное тепло осталось возле кирпичной печки. Холодный липкий воздух противно лез под рубаху и за шиворот, но подъём скоро согрел. Серпантин широкий, так что нет необходимости лезть через мокрые кусты. Пёстрая длинноносая кедровка увидела друзей и разоралась на весь свет, предупреждая лесных обитателей об опасности. «Трёх бы таких на суп хватило», – думал Кеха, широко шагая по тропе. Кедровок они называют синей птицей за оттенок мяса, такой же как на кедровых шишках, которыми эти птицы питаются. Доктор ловко с ними разделялся, обдирая с тушки кожу вместе с перьями, чтобы не щипать. Кеха часто восхищался умелым и фартовым Витюхой. Наверное, и в таинственном мире местных горных духов у него знакомства. Доктору всегда везёт на охоте и рыбалке. Если вы скажете, что это не фарт, а умение, Кеха согласится, что умение – бесспорный факт. Но, конечно, и удача. Сколько раз он заходил по Слюдянке, много чаще, чем Виктор, но никогда не встречал попутки. Стоит ему пойти с Доктором, пожалуйста – машина. Подвезут и ещё спасибо скажут за весёлый разговор.

Глубокая долина реки Подкомарной убегает мимо широкой перемычки со старой дорогой и громадой древнего вулканического конуса, заросшего по склонам и сверху раскидистыми кедром, в сторону Тункинской долины. Саму реку с серпантин не видно – только светло-зелёную извилистую полосу кудрявых осин, ив, высоких кустов жимолости и смородины и белёдые рваные клочья тумана над ней. Большая поляна с домиком и метеорологической площадкой сверху кажется лоскутком бильярдного сукна, который можно легко закрыть одной ладонью. Низкие вязкие облака цеплялись рыхлыми животами за вершины, вбирали в себя серые неровные ленты водяного пара, вытягивающиеся по долинам откуда-то снизу, со стороны Байкала. Кеха представил себе, что вместо озера стоит огромный кипящий котёл, а низкое небо – его тяжёлая крышка. Котёл будет беспрестанно кипеть, и им до конца времён придётся бродить в скучном сером тумане.

Раздался шум, и сверху, словно небесный вестник, явился встревоженный Борисик.

– Мужики, врач нужен. Нашей девочке плохо. Пульс едва прослушивается, и идти совсем не может! – Борисик был в панике.

– Я врач, – сказал Виктор твёрдым голосом, – поможем.

Они почти побежали по серпантину.

Наверху под деревом с жертвенными вязочками ещё одной жертвой Хамар-Дабану лежала прекрасная, неподвижная и бледная, как спящая красавица, девушка и ждала героя, способного вернуть её к жизни. Героям

сказок-то, что, знай себе целуй красавиц взасос в холодные губы, и дело сделано – она уже скачет вокруг бойкой птичкой и выясняет, кому отдать своё молодое, истомившееся без ласки тело и королевство в придачу. С нами, настоящими спасателями, таких чудес не случается...

– Я врач, что у вас произошло? – повторил Доктор свою волшебную формулу и шагнул к больной. Руководитель метнулся навстречу, попытался перехватить Виктора, начал сумбурно пересказывать то, что они уже слышали от Борисика. Но Доктор решительно отодвинул его со своего пути и склонился над страдальцей.

– Не бойся, я тебе помогу, – сказал он уверенным и спокойным голосом, – и хоть нет у меня медикаментов и скальпеля, я владею Тибетской пульсовой диагностикой, изучил систему меридианов Цзин-ло на теле человека, по которым обращается жизненная энергия Ци. Сама скажи, что с тобой?

– Вначале заболела голова, – сказала «спящая красавица», – потом появилась слабость во всём теле, стало колоть кончики пальцев и начали неметь руки, а потом я упала и не могу двинуться. Голос её задрожал. Кеха легко узнал знакомые признаки «горняшки». Несколько лет назад он так же беспомощно валялся на земле и от слабости не мог шагу ступить. Было это на Центральном Тянь-Шане. Тогда они без акклиматизации поднялись высоко в горы. Полненькая тётка из их группы стала отставать, и Док сказал Кехе проникновенным голосом: «Кеша, давай Любу разгрузим». Виктор был у них руководителем. «Давай», – легко согласился Кеха. Они с Доктором задержались возле Любы. Легконогий Сашка Баженов убежал вперёд, а Рудоманов ушёл за парнем из другой группы. Незадачливые путешественники вдвоём умудрились забрести не в ту долину. В результате проплутали несколько часов и намотали лишний десяток километров. Мускулистый, как Аполлон, и сильный Валерка утром самовольно стащил часть груза из общей кучи, потому что, понимаете ли, рюкзак ему показался лёгким, как в каких-нибудь Саянах, а не больших горах. Он жестоко поплатился за своё решение и самонадеянность, когда вечером, измученный и голодный, приполз в лагерь. «Сухарик», – прохрипел он едва слышным голосом и свалится без сил. «Чукча, ты почему нечего из своего рюкзака не достал и не съел», – ругался на него Виктор. «Нельзя – это общественное», – ответил Валерка.

Люба достала два пакета. «Кеша, – сказал хитроумный Доктор, – у меня привязана гитара, ты положи пакеты себе». И ушёл. Пока Кеха засовывал груз в рюкзак, его друзья успели подняться на высокую морену. Снизу с Иссык-Куля потянули громады облаков. Кеха торопился изо всех сил. Поднялся на морену. Здесь его и накрыло. Зря он так спешил. Вначале появились мурашки в кончиках пальцев, звон в ушах, вялость. Потом его всегда послушное тело перестало слушаться. Это было так удивительно и ново, что он рассмеялся.

Долина стала положе. Весь её верх занимал ледник. Солнце топило лёд. Белая, как разведённое молоко, вода бурлящим потоком вырывалась из холодного чрева, давая начало горной реке. Ночью лёд замёрз, и речка вновь стала тихоней.

Кеха опёрся о ледоруб, повис на нём вялой тряпкой. Ноги не шли. Любу опередил, а Сашку с Витькой не догнал. Впереди, беспомощно откинувшись на рюкзак, сидела Вера. Кеха нашёл в себе силы, добрался и рухнул рядом. В красивую Верку они все были немножечко влюблены. В Азии все местные принимали её за казашку, и Доктор всегда её брал с собой, когда хотели выпросить молока у здешних скотоводов, чтобы разнообразить постное походное меню.

– Тебя как зовут? – спросил Виктор у «спящей красавицы».

– Настя, – ответила она едва слышно.

– Сейчас, Настенька, я посмотрю пульс в твоих руках, – сказал Доктор и взялся за её тонкие запястья. Какое-то время он считал пульс, глубокомысленно глядя на верхушку кедра, под которым лежала девушка.

– Во Док заливает, – восхитился Кеха, – интересно, как он пульс сосчитает одновременно и в левой, и правой руке?

– Давление понижено, что связано с потерей жизненной энергии Цы, – вынес диагноз Доктор, – чтобы её поднять, попробуем воздействовать на меридиан почек.

Кеха посмотрел в долину Слюдянки. По ней с Байкала поднималась плотная серая масса тумана. Он никак не мог привыкнуть, что в горах облака часто приходят снизу. Туман шевелился как живой...

...Туман шевелился как живой. Потом он собрался в тугую, зловещего вида тучу, рождённую Иссык-Кулем и горами. В клубящихся недрах стали свекать нестерпимо яркие электрические вспышки молний. Они с Веркой тащились по долине каменистым берегом и уже видели палатки своего лагеря, когда их снизу догнала и накрыла сырая мгла, фиолетовая, как кровь, свернувшаяся в мышце от сильного удара. Туча яростно хлестнула по людям и палаткам крупным, как пушечная шрапнель, градом. Градины злобно впивались в тело. Кеха надел каску и попытался спрятаться под дождевой накидкой. Им с Верой осталось подняться от реки до палаток метров сто. Градины словно зашлись в сумасшедшем, бешеном танце, отскакивали от земли и камней, бессильно падали. Скоро всё кругом стало белым. С лагеря им махали руками и что-то кричали. Слова за шумом реки

было не разобрать, но Кехе стало приятно, что друзья так радуются его прибытию. Когда он поднялся на половину склона, наконец, расслышал, что они орут. «Заботливые» друзья просили, чтобы он порожняком не подымался, а набрал кастрюлю воды. Здоровенную пятнадцати литровую кастрюлю из алюминия под три примуса и кусок стеклоткани в том походе таскал он. Кеха снял рюкзак, достал кастрюлю и послушно вернулся к воде...

– Вот здесь под коленкой находится точка долголетия и лечения ста болезней – цзу-сан-ли, она лежит на центральном почечном меридиане. Попробуем поднять твою жизненную энергию. Хорошо бы сюда поставить иголки, но можно и просто надавить, – сказал Доктор, потёр руки, положил их на круглые колени девушки и заглянул ей в глаза. Какое-то время они неподвижно только смотрели друг на друга глаза в глаза. Щёки Насти вдруг порозовели, она улыбнулась и села. Свершилось чудо исцеления. Хвала тибетской медицине, акупунктуре и мужским взглядам, способным вернуть женщину к жизни.

После дерева с вязочками тропа ещё некоторое время тянулась вдоль склона, затем серпантинном ныряла к Подкомарной. На одном из поворотов в чёрном камне было углубление в виде чёртова копыта или окаменевшего следа динозавра.

Пока мужики вели степенные разговоры за жизнь, девчонки вместе с бывшей умирающей ушли далеко вперёд, так, что их пришлось догонять. Едва успели. Чудесный доктор в глазах новых друзей приобрёл непререкаемый, высокий, как пик Черского, авторитет, и Руководитель смирился со своей участью второго. Отсвет славы Доктора упал и на Лёньку с Кехой.

Было холодно. Лёнька надел меховую жилетку и стал похож на настоящего сибиряка, мощного и дремучего. Легкомысленный Кеха предложил Лёньке простой способ заработка. Ему не надо ничего делать. Только встань в горах в людном месте и фотографируйся с туристами за деньги. Похоже Лёня на Кехин бизнес-план обиделся. Часто у людей с суровой внешностью нежные и ранимые души.

Крошечное зимовье «Кяхта» стоит высоко на склоне. Бывает, так устанешь, что вылезешь к его низкому входу едва живой. Кеха потянул дверь на себя и невольно вспомнил, как тащил её из Слюдянки на собственном горбу. В избушке было прохладно и темно. Дневной свет едва протискивался через маленькое оконце. Сбросил рюкзак, влез в зимовье и

растянулся на нарах. Голова упиралась в одну стенку, а ноги в противоположную. Собственно, из его габаритов, как самого длинного члена команды, и исходили, определяя ширину избушки. Кеха постарался максимально расслабиться, чтобы успеть отдохнуть, пока не подошли Виктор и Лёнька.

Хорошо наточенная пила легко вгрызлась в податливую розовую древесину. Сухой ствол вздрогнул, пошатнулся, Лёня толкнул его рукой, и толстая кедровая сушина, ломая сучья и ветки, с грохотом ударилась о землю. В хозяйстве всё сгодится. Сучья пойдут на костёр. Ствол распилят на части, унесут. Потом разрежут на чурки, разрубят, уложат при входе поленницей.

Горел костёр, весело трещали сухие дрова, готовился ужин. Хозяева расположились в маленьком уютном зимовье. Гости поставили две палатки. Виктор с ходу предложил спасти в домике от ночного холода и сырости нежные девичьи тела. Девчонки замешкались. По их глазам было видно, что они не против спасения, но после сибиряки уйдут в тайгу по своим мужицким делам, а им придётся ладить со своими ребятами, за которых можно пойти замуж, и синица в руке надёжней короткой любовной интрижки. Вечером пили медицинский спирт и украинскую самогонку. Потом пытались петь. Вначале – трогательные украинские песни. Нет прекрасней языка для песен и клятв в вечной любви. Хором спели украинский шлягер всех времён про то, что «Я пришёл – тебе нема – пидманула, пидвела». В озорных глазах девчат полыхали отсветы тревожащего мужскую душу огня – вечная мечта о большой любви, или отсвет костра.

Возникла пауза. Кто-то из девушек робко спросил: «Ребята, а вы песни поёте? Спойте свои походные». О, собственно из-за этой минуты и был устроен вечер. Ребята пели. Жаль, не было гитары.

В том походе по Саянам гитара была. Их было четверо: обаятельный здоровяк и красавец Лёха, якут Эдик, Док и Кеха. Первоначально их и должно было быть четверо, но других четверо: Кеха, Док, Сашка Баженов и Валерка Рудоманов. Сашка не смог выбраться из своей Тофаларии, а Валерка опоздал. По раскладке он должен был купить сахар и тушёнку. Кеха с Доком остались вдвоём, а билеты куплены. Алексея с Эдиком они выловили у электрички, когда те возвращались с похода выходного дня на пик Порожистый. Уговаривать Виктор и Кеха умеют. Так ребята вместо Иркутска оказались в Саянах. Целое ведро банок тушёнки, кусок основной верёвки и горные ботинки для Лёхи они нашли возле альпинистского приюта на реке Зун-Хандагай. А сахара не было. Они уже проштатились по горам без сладкого неделю, когда встретили на днёвке три группы украинских туристов. Весёлые хохлы украдкой от своих тёток пили одеколон и учили наших героев песне про тётчины ляжки. А потом кто-то так же

неосторожно спросил: «А вы поёте?» Доктор завладел гитарой, и они вчетвером пели до утра братскому народу туристские песни, умудрившись ни разу не повториться. Очень хотелось сладкого. Они пели про «кино, вино и горы», про зелёный поезд, про то, как «над Саянами пурга, над Аршаном непогода», но особенно всем нравился довоенный шлягер про попугая, с целым прицепом куплетов, придуманных безвестными авторами к первоначальному тексту. Если в горах однажды встретите Кеху или Доктора, попросите, они вам споют.

Ещё Виктор обещал встать пораньше и добыть для всех кабаргу. Кабарга – это самый маленький в мире олень, у которого вместо рогов растут длинные, как у саблезубого тигра, клыки. Охотники любят пугать доверчивых новичков хищной кабаргой. Утром, конечно, Док проспал. Но когда они готовили на завтрак суп из трёх кедровок (больше трёх в один день им ни разу не удалось подстрелить), к ним по очереди, независимо друг от друга, подошли девочки-завхозы из каждой группы. Каждая подарила от своих товарищей по пачке плотного украинского рафинада. Завладев двумя пачками, друзья, было, воспротивились получению ещё одной, но были сурово урезонены третьим завхозом. «Тот сахар от тех групп, а этот от нашей!» – сказала она с нажимом на «нашей».

В дверь робко постучали. «Ребята, кофе будете?» – раздался нежный голосок. «Желаем, чтобы так начиналось каждое утро», – подумали ребята и громко сказали: «Да!» К ним на нары села черноглазая, смешливая и коренастая девушка. Из таких получают хорошие хозяйки и чадолюбивые мамочки. В избушке сразу стало уютней. Котелок горячего кофе с молоком она поставила на маленький откидной столик, заботливо подложив под него специальную дощечку. Кеха одобрил её аккуратность, потому что его бесит, когда закопчёнными котлами мажут всё подряд. По здравому размышлению, надо было собирать рюкзаки, прощаться с гостями и идти на строительство. Но то же по здравому! Конечно же, строители предложили проводить гостей на пик Черского, показать им водопады на Подкомарной, озеро Сердце и другие красивые места. Ну, сознайтесь честно, положила руку на сердце, сами бы вы как поступили: остались бы в обществе, где приносят вам кофе в постель, с восхищением смотрят вам в рот красивые девушки или пошли таскать тяжёлые брёвна, пока спина не треснет? Мало кто согласится поменять копчёную колбасу на постную кашу и каторжную работу! Кстати, о спине и цене зимовий. Когда строили «Кяхту», здоровяк Валерка сорвал спину и долго маялся болью. Медицина оказалась бессильна. Спасли его только процедуры из трёх вёдер холодной воды, выливаемых на себя три раза в день. Ежедневно. Жарким летом, холодной зимой, стоя босыми ногами на земле или снегу. Посредине шумного города или леса. Вдохновлённые его подвигом, Док и Кеха последовали примеру

друга и учению Порфирия Иванова. Но так как у них ничего не болело, скоро бросили.

На горе гостям вручили самодельные билеты о восхождении на пик Черского. Билеты Док торжественно прокомпостировал компостером, кем-то похищенным из иркутского трамвая и накрепко прикрученным к пирамиде триангуляционного знака. Одну сторону билета Кеха украсил заливчатским силуэтом гор и ёлочками, на другой написали шуточные пожелания друг другу и расписались. Стеснительный Кеха, только когда вручал билеты, как следует разглядел девушек. Каждая была хороша на особинку: румяная и кругленькая, словно наливное яблочко, – Галя-завхоз; хрупкая, с большими и незащитными, как у оленёнка, глазами – Настя; высокая и яркая – Оксана. Виктор сразу положил на неё глаз, но честно предупредил, что его дочь зовут так же. Глупое занятие сравнивать девичью красоту. Всё равно что спорить, какие лыжи лучше – горные или беговые. Тут либо всю жизнь таскай тяжёлые горные, либо носи лёгкие беговые. Но горные выглядят пафосней. И на них можно быстро съехать вниз.

Водопад гремел и пенился. Шалая вода, как отчаянный мальчишка, кидалась с крутой горки в чашу, собиралась в ней с силами и отважно бросалась в следующий слив. Сверкающие, как обломки бриллиантов, капли оседали на красноватые камни, листья, волосы и плечи девушек. Пара ярких, словно цветы, птиц бойко перелетала с ветки на ветку. В суровой Сибири, по Кехиному представлению, люди и птицы должны одеваться неброско – в практичный серый или чёрный цвета, как кедровки или вороны. Эти же выглядели как гламурные франты или генералы времён Наполеоновских войн.

Купальники никто не надел, но Кеха решительно заявил, что все люди рождаются голыми, он натуралист, и ему безразлично, смотрят на него или нет, что конфузливые могут отвернуться или уйти стесняться в лес. Лично он сейчас снимет штаны и полезет голым купаться.

Водный поток живым покрывалом растекался по наклонной плите, тихонько пел нескончаемые мантры старым кедром. Деревья несогласно мотали зелёными головами, жалуясь друг другу на быстротечность времени, завидуя быстрому потоку. За короткие триста лет они успели состариться, а он, всё такой же молодой и юный, скачет беззаботно по камушкам. Кеха наклонился к воде. Золотистый лист осины упал в воду, быстро проплыл по течению и остановился, попав в тихую заводь. Там уже кружили несколько увядших листьев, бесшумно и плавно, как китайские джонки. Этот лёгкий, упавший с дерева лист изумил его, словно первые седые пряди в волосах. Неделю назад в праздничном наряде леса невозможно было отыскать ни одного жёлтого или красного пятнышка! «Ещё есть время. Август – это даже в горах лето», – беззаботно отмахнулся

от грустных мыслей Кеха и решительно полез в воду. Живительный холод обнял тело...

«Вода холодная, я купаться не буду и вам не советую», – сказал Руководитель, но длинный Джон уже стащил одежду. Бесстыдно сверкнув бледными ягодицами, плюхнулся в чашу, заухал, заплескал руками, вздымая кучу брызг. Следом прямо в белой майке со звёздно-полосатым американским флагом на груди в воду лебёдушкой скользнула Галя. Майка вздулась пузырьём и медузой обвила смуглое тело. Красавица Оксана разделась с невозмутимостью королевы, увенчанной сияющей короной из мужского поклонения. Её стройное, сильное тело было покрыто ровным золотистым загаром без единой белой полоски. «В солярий ходит», – отметил про себя Кеха и полез из холода на тёплый камень. Джон успел выскочить из воды и скакал по берегу, как сайгак, чтобы быстрее согреться. Вылезла Галя. Просторный пузырь майки спал, от воды тонкая ткань стала прозрачной. Звёзды и полосы казались нарисованными прямо на теле. Девушка насмешливо и немного вызывающе посмотрела на Кеху и отлепила флаг от тела. Остальные купаться не стали. Док сказал, что лучше сходить на Чёртовы ворота: там вода в озере теплее, и стал галантно подавать руку, чтобы босые купальщицы не поскользнулись, выбираясь на берег.

Берега у Чёртова озера вязкие. Купаться удобно с каменистой, заросшей густыми кустами карликовой ивы и упругих кедровых стлаников перемычки, что, как плотина, подпирает горное озеро и отделяет его от долины. Длинные плети водорослей русалочьими светло-зелёными волосами изрисовали водную гладь кругами, как крупными локонами. Купались все, только раздевались по разные стороны куста. Дольше всех плавала хрупкая Настя. Когда народ замёрз и вылез к костру греться, она тихонько продолжала плескаться и плавать на спине. Из воды белыми поплавокками торчали гордые девичьи груди.

Суматошный день длиною в целую жизнь клонился к вечеру. Тени от кустов и деревьев вытянулись. Со стороны Саян потянули торопливые тучи. Несколько раз раскатисто громыхнуло. Руководитель со своими давно ушёл к лагерю. У озера осталась Оксана, Док, Лёня и Кеха – пекли в костре смолистые кедровые шишки. Из-под тучки потянуло ветром. Кеха с надеждой посмотрел на небо: может, пронесёт. Мокнуть не хотелось. Хотя короткий дождь каждый день лучше, чем сутки жары и четыре дня нудного ненастья к нему прицепом. Ветер раздул угасшие было угли. Орехи давно были готовы. Кеха проголодался и замёрз, а Виктор всё медлил. Лёня собрал шишки в пакет. «Вы идите. Мы вас догоним», – сказал Док и многозначительно посмотрел на Кеху.

Кеха легко бежал по старой дороге, местами каменистой, в низинах часто грязной и заболоченной. Лёнька громко топал сзади. На мокром наклонном камне неловко поскользнулся и упал. Ну, упал да упал, с кем не

случается! Лёня встал, отряхнул штаны, посмотрел на правую ладонь, зачем-то протянул её Кехе и удовлетворённо сказал:

– Ну вот!

– Что вот? – не понял Кеха.

– Руку поцарапал. Топор держать не смогу, – ответил Лёня. Поперёк ладони тянулась красная полоса. Кровь не капала.

– Царапина как царапина, – подумал Кеха. И посоветовал:

– Смолой замажь! Болеть не будет и быстрее заживёт. Я всегда так делаю.

Они умудрились догнать Руководителя с компанией до лагеря. «Где Оксана?» – сразу всполошился вожак. – «С Виктором осталась! Скоро придут, – легкомысленно отмахнулся от него Кеха. – Пойдём лучше ужин делать!»

К ужину Док не вернулся. Не было и Оксаны. Дождь не случился. Капризный ветер угнал тучи к Патовому нагорью. Руководитель мотался, как маятник, вдоль палаток, озабоченно корча рожи.

– Куда они делись? – несколько раз спросил он пространство. Пространство равнодушно молчало.

– Здесь некуда деваться, – беззаботно хохотнул Кеха, грызя печёные орешки. Он показывал ребятам, как лучше раскусить орех. Все перемазались смолой и теперь беззлобно потешались над липкими, чёрными губами и носами. Ещё больше смеялись, когда Кеха рассказал, чем лучше всего смывается смола. Завхоз Галя конфузливо сказала: «Фу!» Тогда начитанный Кеха поведал о прачечных древнего Рима, где жирную одежду тоже отстирывали мочой. Не знаю, примирил ли Древний Рим девушек со способом отмывания смолы, но утром руки у них были чистые.

Костёр прогорел. Надо было нарубить веток. Лёня сидел и баюкал поцарапанную руку. Его глаза стали печальны. Поход ему не нравился, он почувствовал, что Док и Кеха никогда не примут его в свою компанию как равного. Джон и Борисик учились щелкать орехи. Пришлось самому заняться дровами. Длинные ветки пружинили и не хотели ломаться.

«Дай ваш топор, – попросил Кеха у Руководителя, – не охота за своим подниматься!» Костёр и палатки были ниже по склону крошечного зимовья. Руководитель нырнул под полог и с гордостью протянул чудо-инструмент. Кеха несколько минут молча рассматривал «надёжный топор».

«Лучше я свой возьму», – сказал воспитанный Кеха. Дешёвую штамповку, крашенную синей краской, с двумя фанерными накладками на металлической ручке, было стыдно звать гордым именем «топор». Такие легковесные инструменты заводят в городах одинокие женщины, чтобы рубить мясо. Выжить с такой штукой возможно где-нибудь в сухом Крыму, но не в Хамар-Дабане.

Доктор вернулся, когда стало почти темно. Они с Оксаной съели остывший ужин и молча разошлись по своим убежищам.

– Мы просто сидели на склоне недалеко от лагеря, – сказал Виктор, хоть Кеха ничего не спрашивал. – Ты заметил, как они спят? – продолжил Виктор, – Руководитель с тётками в одной палатке, мужики – в другой. Надо, как мы: мальчик-девочка, девочка-мальчик. Мальчики с краю. Тётки их греют.

– Ты их топор ещё не видел, – буркнул Кеха, отвернулся к стене и заснул.

Утром в дверь вновь робко и воспитанно постучали. Строители обрадовались – думали, опять принесли кофе в постель, но в низкую дверь медведем влез полноватый Борисик.

– А где кофе? – строго спросили хозяева.

– Кофе сейчас будет, – смутился Борис, – его девочки заваривают. У вас нет обезболивающего? Зуб болит. Всю ночь не спал.

Вчерашнее купание в холодной воде вылезло боком, точнее зубом. Строители переглянулись. В их скудную аптечку входили пластырь и бинты. Горло и взбунтовавшийся живот лечили корневищем бадана и листьями горечавки, усталость – маральим корнем, ссадины или порезы – еловой или кедровой смолой. Чем боль лечить, не знали.

– Может, тибетская медицина поможет? – с робкой надеждой в голосе спросил Борисик. В глазах Виктора на краткий миг промелькнула растерянность. Но он тут же нашёлся.

– С какой стороны болит? Справа? – спросил Док. – Давно этим не занимался. Доктор усадил пациента на зубоврачебную чурку.

– Ты пока надави в ямку на тыльной стороне левой ладони между основаниями большого и указательного пальцев. Я подготовлюсь и помою руки, – распорядился Доктор. Кеха услужливо метнулся и полил на руки врача холодной водой из кружки. Доктор вытер руки о штаны.

– Так болит справа. Сейчас попробую снять боль, – сказал Виктор, энергично растёр руки и полез пациенту в рот.

– Здесь. Вот этот? – спросил он у больного. Больной отрицательно замычал. Мешали говорить докторские пальцы во рту.

– Ага, значит, этот. Пятёрочка воспалена! Сейчас я направлю энергию Ци на твой зуб, сосчитаю до десяти, и боль пройдёт, – уверенно провозгласил Док.

– Десять, девять, восемь, – начал он обратный отсчёт твёрдым голосом. Указательный палец он держал во рту пациента на больном зубе. Борисик тарасил глаза и послушно продолжал сжимать левую руку правой.

– Два, один, – громко сказал Доктор и вынул руку изо рта пациента. Борис какое-то время сидел неподвижно и прислушивался к ощущениям в теле.

- Прошло? – спросил Лёня.
- Прошло! – восхитился Борисик.

Серая сырость липла к крутым склонам, прозрачными каплями оседала на длинных хвоинках кедровых стлаников. Тройка строителей решительно лезла в гору. Оловянное от мутного неба озеро, широкий перевал, тур, новые друзья остались внизу. Разноцветные фигурки стояли на каменистой голой седловине, махали на прощанье руками. Лёня, Кеха и Док помахали в ответ, отвернулись. В душе на миг возникла смутная досада и тоска. Кеха решительно тряхнул головой и полез выше. Впереди их ждали потаённая долина за третьей горкой и великие дела. Не стоит жить прошлым, и жалеть о неслучившемся. Часто произошло то, что не произошло, дороже свершившегося.

Зимовье лучше строить квадратным – проще. Квадрат – фигура более гармоничная и совершенная, чем прямоугольник, и взаимозаменяемость – великое достижение инженерной мысли. Делать сруб меньше чем 3,40 на 3,40 метра не стоит. Внутри должно быть достаточно места, чтобы вместить печку, нары и стол. Далёкие зимовья большими делать нет смысла, потому что сюда редко забредают многочисленные компании, но даже если забредут человек десять, устроиться на одну-две ночи в такой избушке можно. Вместимость зимовья напрямую от его величины не зависит. Она скорее прямо пропорциональна холоду за дверями, близости отношений и количеству спиртного.

Строго говоря, тайги ничьей не бывает. Охотники ревностно следят, чтобы на их участке не появлялись посторонние. Поэтому лучше забраться подальше в такие верховья, где они не ходят. С другой стороны, едва ли вы захотите заходить на зимовье за два дня. Но если построите рядом с дорогой, часах в четырёх ходу от человеческого жилья, многочисленные непрошенные гости вам гарантированы. Вас не обрадуют следы этих визитов. Ещё два жизненно важных фактора надо учесть: вода и дрова. Они должны быть!

Заманчиво владеть избушкой, стоящей у берега реки. Красиво. Попивая чаёк, не отрывая от нар собственного зада, можно в окно любоваться на переливы солнечного света в прозрачных струях, слушать их весёлое бормотание. Соорудить баньку. Реку черпать ведром прямо с порога. И искать избушку не трудно. Вот она – прямо на берегу... Оттуда её и смоеет вместе с твоими мечтами и хлопотами. Хорошо, что смоеет. Иначе рискуешь сойти с ума от слуховых галлюцинаций. Болтливая вода сутками станет

шуметь тебе в уши, и скоро в неясном, суетливом бормотании услышишь голоса. Слышать голоса небезопасно, если ты не новая Орлеанская дева, но и ту голоса довели до эшафота. Вода – субстанция непостоянная и взбалмошная, как ветреная женщина. Прикинется ласковой, домашней или взъярится свирепой тигрицей, а то начнёт чудить – воротить бастионы наледей, так что твоя избушка вмёрзнет в лёд по самые нары. Нет уж, лучше подальше от такой ласки! Охотники любят ставить зимовья на материковом берегу рядом с устьем ручья. Вода рядом, и сторонний человек пройдёт мимо. Нам, хлопотливым бездельникам, остаются горные цирки. Там красиво и никто не охотится.

Белёсый туман клубился у ног. Долина за третьей горкой лежала просторная и незащищенная, как американский континент перед беспощадными конкистадорами. В неё можно попасть через широченный безлесый перевал – прямо в горный цирк, или пройти по правому гребню до русла ручья, что течёт из-под скал, и спуститься там. Выбирать всегда сложно. Кеха с Доктором, не утруждая головы болезненными размышлениями, полезли вниз прямо оттуда, где стояли. Может трудно, но не скучно и весело. Лёнька пыхтел сзади. Горная подготовка у него слабее. Спустились с камней – и сразу попали в лабиринты из стлаников, ручьёв, ручеёчков, камней, кочковатых болот и болотец. Всё, что сверху выглядит изумрудной приветливой лужайкой, в действительности является суровой полосой препятствий. Пробились к руслу реки – и пошли скакать, как зайцы, с камня на камень. Не знаю, прыгают ли зайцы по камням, но строителям пришлось изрядно попрыгать.

Подходящего леса всё не было. На сруб надо сорок-сорок четыре бревна. Это примерно двадцать хороших кедровых стволов. Иное здесь не растёт. Если срубить двадцать деревьев в верхней границе леса, от него ничего не останется.

Речка нырнула вниз. За миллионы лет вода проточила камень, образовав каскад небольших и уютных водопадов. За хлопотливой водой не пошли, а немного поднялись выше по склону. Здесь деревья стояли густо. Струился ручеёк. Возле большого камня была сухая площадка. Над ней уходящий вверх заросший склон. Серый туман уныло бродил среди замшелых стволов, старательно размывал чёткие линии, превращая гравюру в прозрачный рисунок китайской тушью.

У кедра есть одна неудобная для строителя особенность. Его ствол похож на длинную и толстую морковку. Бревно у основания много больше, чем у вершины. Сводить углы труднее, когда соединяешь толстый комель с тонкой вершиной.

Существуют два основных способа вязки венцов: древний, прадедовский, простой и надёжный способ рубки «в чашу», и сложный в

исполнении способ – «в косую лапу». Зато последний способ позволяет использовать в дело всю длину бревна. На «чашу» придётся к внутреннему размеру избушки накинуть ещё метр длины. Ваши возжеленные 3,40 сразу превращаются в 4,40 метра. Если строители – большая команда крепких ребят, а материал стен – ровная сосна с «лапой», лучше не заморачиваться. Сруб «в чашу» теплее и устойчивее, но если вас трое в далёкой тайге, лёгкие бензопилы ещё не придумали, а вы в душе хранитель природы и каждое лишнее срубленное дерево – ваша боль и печалька, можно и с «косой лапой» помудрить. И материал сэкономите, и пространственное воображение разовьёте.

Конечно, надо было лучше осмотреть место – спуститься ниже по долине, посмотреть склон, но уж очень они торопились. Шёл третий день похода, а ни одного бревна не положено. Хотелось скорее заняться делом.

Сырой туман бродил неприкаянно между деревьями, превращая лес в загадочные картинки. В тусклом сумраке линии расплывались. Толстые стволы, прихотливо изогнутые ветки, косматые бороды лишайника казались таинственными и призрачными. Долина проверяла их на серьёзность намерений.

Намерения были самые решительные. Кеха расчехлил двуручную пилу. Острые зубья выплёвывают духовитые опилки поочерёдно по обе стороны ствола. Опилки вылетают тонкой стружкой, обсыпают кусты кашкары и короткую траву. Один рез на половину толщины ствола ближе к земле, другой – выше. Нижний – с той стороны, куда должно упасть дерево. Треск – и дерево летит, ломая ветки и сучья, теряя шишки. Ещё дерево, и ещё одно – самое толстое. «Скорее. Раззудись, плечо, размахнись, рука!» – «Давай, давай!» – «Поберегись!» – «Куда ты, сука, пошла?» Толстая лесина повисла на соседней. Теперь придётся повозиться. «Спешка нужна при ловле блох..., и при...» И дальше непечатно. «Подруби кусты на ... » – «Куда на меня на ..?» Много, много непечатно: «Навались! Пошла! Пошла! Берегись!» Треск. Летит два дерева: «Хорошо, твою мать!»

Солнце скрылось за западной стеной, на смену азарту пришла усталость. Лёня поставил палатку и развёл костёр. Яркое пламя замкнулось вокруг горящих дров светлым коконом. В помятом котле уютно булькал ужин, дразня запахом тушёнки. Тьма обступила жёлтую сферу из света с мощной фигурой Лёни в центре. С ложкой в руке и огненными сполохами от костра в круглых глазах, он казался повелителем огня и воином света в царстве тьмы. Однако воин света и повелитель ложки не спешил звать заработавшихся и голодных друзей. Он всё что-то помешивал, пробовал, пока Доку и Кехе не надоел этот спектакль, и они не явились к ужину незваными. К тому же стемнело, а валить деревья при свете луны – уж увольте. Да и луны никакой не было.

Сон в палатке хорош тем, что в ней не залежишься. На ровном с вечера ложе к утру обнаружатся бугры и впадины. Они станут впиваться в спину и бока. Выяснится, что площадка имеет наклон, и к утру все скатятся на

бедолагу, которому досталось место в низинке. Палаточные неудобства сразу превращаются в достоинства, если рядом с вами объект вашего любовного томления. Но прекрасные ночи рискуют обратить вас в вечно сонного, красноглазого зомби днём. А на стройке или в походе это чревато.

Полночи Кеха боролся с корнем, что колол его в бок. Под утро Док откатился к Лёньке, удалось удачно вписаться между неровностями и ещё немного поспать. Разбудили громкие крики кедровок. Скандальные птицы обнаружили костёр и палатку под деревьями, которые они привыкли считать своими. Позёвывая и ежась от утреннего холода, Кеша вылез из палатки. Раннее летнее солнце зажгло золотом вершины гор. В долине была глубокая тень. Вчерашний туман обернулся росой. Небесная влага напитала лес. Стоило ступить шаг, холодная вода водопадом обрушивалась с веток и травы на иззябшее тело. Костёр едва тлел. Кеха подбросил дров, поставил греться воду и направился по утренним делам, что лучше делать в одиночестве. Август остудил воздух и сделал его прозрачным. Скоро придут ночные заморозки – предвестники осени. Спелостью нальются ягоды черники. Отцветут и станут пепельными малиновые головки соцветий маральего корня. А там и брусника подойдёт.

Он быстро поднимался по заросшему мхом и высокими кустиками черники склону. От воды резина на сапогах стала блестящей, будто лаковой. Обернувшись назад, мог видеть рыжую старую палатку, костёр, залитый солнцем перевал вверху долины. Прошёл метров двести, забираясь выше по склону, и невольно остановился, потрясённый открывшимся видом. Долина «оборвалась» вниз скальной стеной. Оба её борта были крутыми и безлесными. Весенние лавины, как суровые огородники, устраивают ежегодную прополку, оставляя только те растения, что не пытаются противостоять их силе, а послушно ложатся под снежный нож. Внизу безымянная долина соединяется с глубоким провалом реки Подкомарной. Жалкие остатки вчерашнего тумана спрятались в густом лесу на дне ущелья. За рекой, в сторону Байкала, убегал хребет с древним трактом. Кажется, до него было рукой подать, но попробуй пробраться через таёжные дебри! Кеха забыл, зачем пришёл. К действительности вернул наглый полосатый бурундук. Бурундук тащил тяжёлую кедровую шишку по шершавому стволу. Кеха пошевелился, полосатый трудяга замер, но вожденную добычу не бросил. Стоило лазать по деревьям, чтобы разбрасываться!

Вода уже закипала, когда он вернулся в лагерь.

«Подъём!» – заорал Кеха противным голосом ротного дневального. Почему-то испытываешь садистское удовольствие, когда будишь друзей. Палатка пыталась игнорировать его вопли, но скоро сдалась. Лёня и Док дружно затрусили в сторону недалёкого ручейка умываться.

«Развязывай», – сказал Док, выпрямился, раздавил комара на лице рукавом старой энцефалитки. Лёня расслабил схватывающий узел и освободил бревно. Потрёпанная прежней бурной скалолазной жизнью верёвка задубела от кедровой смолы, стала на ощупь как прут. Они спилили вокруг стоянки все большие деревья, оставив только молодые, здоровые кедры. Не хотелось, чтобы на будущую избушку шальной ветер однажды завалил тяжеленный ствол. Теперь таскали брёвна со склона. Валили кедр, обрубали топорами ветки, распиливали по мерке из пихтового ствола, цепляли с тонкого конца верёвку, чтобы её свободные концы были разной длины. Так удобней втроем тащить тяжёлое бревно. Лёня был последовательным, ссылался на «рану», топор в руки не брал, но бурлацкую лямку исправно тянул. Из самых толстых лесин выложили оклад. Макушечная тонкая часть укладывается на широкую, комельную, и наоборот. Кеха решил блеснуть знанием плотницких премудростей и заявил, что брёвна нужно ориентировать так, чтобы плотная часть древесины была снаружи сруба. Определить её просто. Нужно глянуть на бревно с торца – там, где расстояние между годичными кольцами меньше, и находится эта часть. Так стены не загниют – и избушка будет теплее. На этом все его знания о стройке закончились. Доктор удивлённо глянул на напарника. Первый венец выложили по премудрости, с учётом направления годичных колец. Лапа имеет форму хвоста ласточки. Хвост снаружи сруба уже, чем внутри. Вообще-то профессионалы обычно размечают лапы по шаблону, но то профессионалы. Virtuозы делают их «на глаз». Дилетанты поступают как виртуозы. Недаром умные даосы считают глупость разновидностью мудрости. Пропилили основание лапы. Доктор вооружился именным облегчённым топором, которым Рудоманов строил «Кяхту», и продемонстрировал, как рубить «косую лапу». Кеха попробовал повторить. Надо сказать, что Кеха, хоть и был учителем труда, топор в руках держал нечасто. Конечно, ему доводилось рубить дрова, но не более. Несколько раз тукнул по бревну своим большим неуклюжим топором. Лезвие каждый раз приходило на новое место.

«Удар – как молния, – пошутил Виктор, – два раза в одно место не попадает!» А про себя подумал: «Ну, с такими мастерами настроим! Один больной, другой неумеха».

Солнце заглянуло в долину за третьей горкой, отразилось в капельках росы, словно в каждом водяном шарике зажглось по крошечному солнышку. Наоравшись вволю, кедровки улетели лущить шишки и прятать орешки на чёрный день. Многие орешки не найдутся, и из них вырастут новые кедры.

Так деревья кормят птиц, а птицы сажают деревья. Становилось жарко. На смену гнусливым комарам прилетели лютые оводы. «Что они тут жрут, когда нас нет?» – сердито думал Кеха. Руки от тяжёлого топора с непривычки болели. Особенно досаждали сучки, когда попадались на косо́й площадке лапы. Большинство брёвен были кривыми, приходилось каждое долго крутить так, чтобы изгиб в середине бревна торчал вверх или наружу сруба.

– Ну что, брат, с первым венцом! – сказал Доктор и улыбнулся. От улыбки на щеке возле уголка губ проявилась ямочка.

Со вторым венцом работы больше. Надо вырубать посадочные площадки лапы снизу и сверху. А чтобы верхнее бревно плотно село на нижнее, в нём надо «выбрать» продольную канавку – паз. В этот паз потом набивают мох.

– Щёлка между брёвнами кривая, и мороз в неё не пролезет, – сказал Док серьёзным голосом.

– Не знаю, как мороз, а ветер точно, пока будет лезть, ослабнет, – поддержал друга Кеха. Лёня недоверчиво посмотрел на друзей. Он уже ничему не удивлялся и не понимал, друзья шутят или говорят правду. Кеха знал, что для разметки продольного паза-канавки применяется специальный инструмент, похожий на двузубую вилку, – черта, и даже видел её в кладовке у деда. У них никакой черты не было. Размечали носком топора, на глаз прикинув ширину паза. Главное было обрисовать в верхнем бревне контур нижнего, со всеми его природными изгибами и кривулинами. «Смелей, студент!» – сказал Виктор, точными движениями наделал носком топора поперечных зарубок по всей длине паза и ловко стал выбирать податливую кедровую древесину. Там, где сучков было больше, зарубки шли чаще. Несколько уверенных ударов слева вдоль волокон, потом сильный удар справа – бац! И появляется аккуратный паз по форме нижнего бревна. Кеха попробовал повторить. Плохо получалось завершающее движение. Топор должен войти точно по краю паза лезвием, повернуться вокруг ручки так, чтобы выбить древесину из середины бревна.

«Держи его легче», – посоветовал мудрый Доктор. Кеха попробовал. Получилось. Лёня таскал мох. В тот день положили полтора венца, щедро проложив их зелёными подушками мха из плотно перевитых коротких стеблей. Купались в чаше водопада. Дотемна таскали деревья. Чтобы легче подобрать в сруб брёвна, лучше сразу наготовить их побольше. В основание укладываются самые толстые. На них – тоньше. Выше – ещё тоньше. Венца с шестого-седьмого – опять толще. Верхний венец вновь толстый – прижимной.

Утро выдалось ясным. Кеха недоверчиво поглядывал в безоблачное синее небо. С чего такой праздник? По какому поводу «банкет»? – После недели сырой мороси, липких туманов, серых облаков с блёклым пятном вместо солнца! Не верилось, что бывает такая погода.

– Эге-гей! – заорал он восторженно солнцу, синему небу, деревьям и кустам. Лёня и Док недоумённо и с неодобрением уставились на обычно серьёзного поделщика. «Чего попусту орать, работать надо!» – наверное, подумали про себя, но вслух ничего не сказали.

С утра Кеха вновь ходил на край обрыва – хотел лучше рассмотреть русло реки, высокий хребет за ней. Прошёл выше. Высокий хребет – это Комар. По Комару идёт старинная дорога в Китай. Сейчас дорога заброшена. Зимой по ней прокладывают лыжню. Вон первая обзорная площадка видна. Там обычно пьют чай и любуются на горы. До Кеги вдруг дошло, что он много раз видел оттуда долину за третьей горкой, обрыв, на котором сейчас стоит, широкий и пологий перевал вверху долины. Часто мечтал, что однажды непременно скатится с этого перевала на лыжах. Будет свистеть ветер в ушах. Лыжи будут быстры и послушны. Закрыв глаза и на мгновение словно очутился среди сияющего снега...

«Пойдём искупаемся», – предложил Кеха и с надеждой посмотрел на Виктора. Виктор, именно так, с ударением на «о», звали с молодости друга. Откуда взялось это необычное ударение в обыкновенном прозаическом имени, сейчас никто не вспомнит. Быть может, лёгкий намёк на Витюхину «европейскость». Матушка Виктора из семьи литовцев, сосланных в холодную Сибирь на исправление от вредной, по мнению большевиков, привычки много работать на себя. «Европейскость» – это ни хорошо и ни плохо, это данность, как родинка на лице. Никто коротко не скажет, что же такое «европейскость», но все её видят. Европейец всегда прав. Он центр вселенной. У европейца всегда всё самое лучшее: лучшая машина, лучший дом, лучшая жена, лучшие друзья. Если европейец поступает нечестно, в этом виноват не он. Кеха вспомнил, как Виктор покупал омуль у бурят.

Отдыхали на Байкале возле МРС – маломорской рыбозаводной станции, этот посёлок теперь называется Сахюрта. Семейный туризм – самый суровый вид туризма. Но если не ходить с места на место с женщинами, детьми, собаками, многочисленными пожитками цыганским табором, а жить лагерем, то вполне посильный. На природе дети обладают удивительной способностью растворяться в пространстве, завидным аппетитом и крепким сном. Где-то бродят сами по себе, строят «штабы», жгут костры. Надо только побеспокоиться, чтобы у берега было мелко и рядом не было скал, откуда можно свалиться. Бухты Радости на Малом

море – как раз такое место. Если вы молоды, нищи, многодетны, у вас есть собака и вас не смущают пьяные вопли и туалет из куска тряпки – добро пожаловать!

Омуль любят все, кроме рыбаков. Для рыбаков это просто заработок. Тогда ещё существовали рыболовные бригады. У нашего «рачительного» государства закупочные цены всегда были маленькие. Рыбаки, закрыв план, продавали остальной улов «налево» многочисленным охочим до рыбки «перекупаем» и отдыхающим. Дурные, бесконтрольные от семей деньги безжалостно пропивались.

В пыли и грохоте на краю лабиринта из палаток остановился потрепанный газик. Из кабины вылез высокий, важный бурят. Был он толст, меднолиц, черноволос и пьян. Алчным взором осмотрел беззаботных отдыхающих. Так его далёкие предки во времена Чингисхана и Судэбея-богатура смотрели на белокожих русичей. Это его добыча. Какую цену ни заломит за свой товар – купят. Из кузова выпрыгнули и встали по обоим бокам ещё два бурята. Свита. Свита несла ящик омуля. Важный бурят двинулся вдоль палаток, сквозь кухонный чад костров, рёв приёмников и магнитофонов из каждой машины, пышнотелых матрон и юных красоток, пьяненьких мужичков. Спрашивали, почём его товар. Он называл. Люди делали удивлённые лица, качали головой, пытались сбить цену. Бурят не торговался, презрительно щурил узкие глаза и шествовал дальше. Могущественный азиат – повелитель ящика с омулем. Процессия приближалась к нашей компании. Поднялся Виктор. Приветливо и широко улыбнулся. Европейец встретил азиата.

– Рыбу продаёшь? – спросил Доктор. Словом не обмолвился, почём товар.

– У тебя деньги хоть есть? – презрительно выдавил из себя богатый азиат. Круглое лицо лоснилось, как кусок масла. Европейец снисходительно улыбнулся и показал двадцатипятирублёвую купюру. Фиолетовая бумажка золотой рыбкой мелькнула в руках Виктора и опять исчезла в кармане. В узких глазах азиата сверкнул жадный огонёк. Бурят сказал быстро что-то своей свите. Свита подошла ближе и широким демонстративным жестом перевернула ящик. Серебристая рыба живым потоком рассыпалась по зелёной траве. Многочисленные малые дети радостно завизжали: «Рыбка, рыбка!» Бурят снисходительно улыбнулся, довольный произведённым эффектом.

– Утренняя? – спросил Виктор.

– Недавно сняли, совсем свежая, – ответил бурят, вдыхая чистый воздух и выдыхая водочный перегар.

– Вижу, хорошая рыба – глаза ясные. Я сам рыбак, – сказал Виктор, – обычно сюда беру лодочку и сетюшку, но не сейчас. Видишь, сколько бутару на нашу ораву пришлось вести. Едва влезли.

Бурят сочувственно кивнул головой. Потом Доктор высоко оценил нелёгкий рыбацкий труд. Рыбак пожаловался, что уловы стали плохие,

солярки выделяют мало, а в магазине купить нечего. Дружно ругнули власть. На миг труженики моря и интеллигенция ощутили своё единство. Потом Виктор сказал, что родился в бурятской деревне, так что они земляки. Азиат презрительно хмыкнул. Видал он таких земляков! Тогда доктор стал называть фамилии, то ли вымышленных, то ли настоящих высокопоставленных знакомцев из Бурятии, называя их по-свойски «дядями». Виктор засыпал «земляка» именами, пока тот не сдался и то ли признал знакомое имя, то ли сделал вид, что он тоже знает всех тех важных людей, что вываливал на его голову Доктор.

– Давай к столу, – пригласил нового знакомого Виктор, – мы, правда, недавно пообедали. Сейчас скажу, девчонки нам ушицы сварят.

Рыбак сделал отрицательный жест. Ушица его не интересовала.

– Кружки давай! – потребовал он, доставая из кармана широкой куртки бутылку водки, – хлеба порежьте и консерву открой. Бурят мотнул головой на банку сардин в масле.

Тёплая водка противно продрала горло. Кеха отхлебнул из эмалированной кружки и кивнул головой Доктору, чтобы он ему больше не наливал. Буряты проглотили свою водку жадно и дружно подставили кружки за новой порцией. Чуть колупнули ложками из банки.

По пыльному просёлку к газнику подлетел мотоцикл с коляской. Мотоциклист яростно засигналил, привлекая внимание. Важный бурят досадливо поморщился. Ещё пили. Усталость, жара и водка делали своё дело.

Мотоциклист влез в кабину машины и несколько раз нетерпеливо подал сигнал. Гости с трудом поднялись и побрели к подпрыгивающему от нетерпения вестнику. Пить им надо было прекратить «пару бутылок назад». «Господи, как они в таком состоянии за руль садятся?» – изумился Кеха и полез в тень от палатки. Мотоциклист что-то сердито спросил важного бурята. Тот запустил руку в карман. Искал деньги за рыбу. Пусто. Бурята это страшно удивило. Он стал с настойчивостью, которую часто проявляют сильно пьяные люди, выворачивать по очереди многочисленные карманы на куртке и брюках. Результат прежний. Мотоциклист выматерился, толкнул главного в грудь, прыгнул за руль своего железного коня, и степь проглотила его вместе с пылью, треском и вонью от мотора.

Азиат поднял ставшие беспомощными глаза на многочисленный, орущий, многоголовый, многорукий и многоногий муравейник одинаковых с лица голых белых людей, махнул рукой и полез в кабину.

Европеец жёстко ухмыльнулся: «А денежка-то вот она! Завтра и не вспомнят, кому рыбу продали. Пить надо меньше!»

Холодная вода взбодрила и принесла облегчение. Кеха сжал и разжал кисти рук. Предплечья болели. Он уже научился попадать топором, куда метил, следить за тем, чтобы мышцы рук после удара расслаблялись. Дело пошло живее. До полудня положили полтора венца и надеялись к вечеру справиться ещё с одним. Лёнька продолжал игнорировать топор. «Ну и чёрт с ним, – думал Кеха, – обед варит, мох носит – и то хорошо!»

Пока поднялись по склону от реки до стройки, вспотели так, что хоть возвращайся назад снова купаться.

В тот день положили два с половиной венца.

Встали пораньше. Пока Лёня, как всегда, мешкотно и долго готовил завтрак, Док и Кеха положили бревно и принялись за подгонку второго. «Руби смелее, не миллиметруй, оставляй щёлку, – поучал Виктор, – мох должен где-то лежать, ему место нужно». Кеха стал работать свободней и размашистей. Вспомнил плотницкую присказку: «Не клин бы да мох, так и плотник бы сдох!» Вдохновлённый древней мудростью и ободрением наставника, бодро застучал топором. Что он про топор понял за эти дни: топор должен быть острым, не надо стараться ударять со всей дури, надо бить точно. И ещё: надо следить за тем, чтобы не сжимать топорище изо всей силы, словно масло из него выжимаешь, – так к концу дня в руках держать его не сможешь. Вновь прилетели кедровки и обругали строителей. Док сказал, что непременно в другой раз возьмёт ружьишко и суп из «синей птицы» заменит опостылевшее варево из пачек, которое кто-то правильно назвал бич-пакетами.

Шёл четвёртый день стройки. Прежний азарт сменился тоскливым унынием перед огромной кучей брёвен, что ещё следовало найти, спилить, раскорчевать, притащить и уложить в сруб. От сурового брезента верхонки на ладонях набились мозоли. Лёня не проявлял заметного рвения к стройке с первого дня и вряд ли собирался позволить заманить себя сюда ещё один раз. Солнце с неумолимой решительностью катилось по небу, ни на миг не останавливаясь, диктуя ритм стройки. «Давай, давай», – подзадоривал себя и Кеху Док. Очень хотелось «воткнуть» за первый заход в долину половину сруба. Вначале Кеха подбадривал себя тем, что это последний день сумасшедшей стройки и нужно просто потерпеть. Какое-то время это помогало. Усталость и боль победили брвенную плоть, но не упрямство. Не хотелось быть слабее друга. Потом сознание сбежало из тела, оставив его мучиться в одиночестве, поглядывая на страдания собственной тушки со стороны. Кехе иногда удаётся этот психологический фокус. Ему даже бывает интересно выяснить: сколько вытерпеть может его тело. Он говорит ему: «Ну что, тебе больно? Устало? Подними ещё это бревно! Ты можешь. Жалеть себя потом будешь». Солнце сияло, иссушая кожу. Солёный пот ел

глаза. Кеха с раздражением поглядывал на ликующее светило и желал прохлады, как недавно жаждал солнца и тепла.

«Давай ещё один венец положим, и будет половина сруба, – сказал Виктор, – купаться потом пойдём!» День клонился к вечеру. Они закинули на сруб первое бревно шестого венца, запилили и вырубili лапы. Стесали с нижнего сучки и большие неровности. Положили на него верхнее – вершиной на комель. Замерили расстояние между лапами – на такую глубину нужно прорубить продольную канавку-паз в нижней части верхнего бревна. Из собственного кулака и огрызка карандаша соорудили «черту», разметили края пазы. Перевернули бревно. Стали вырубать каждый со своей стороны канавку. У них уже выработался свой собственный способ рубки. Док делал поперечные зарубки носком топора, Кеха пяткой, Док одинаково легко рубил и слева, и справа, Кеха предпочитал крутиться вокруг бревна, чтобы рубить только справа.

Солнце спряталось за тучку. Работать стало легче. Видимый и понятный конец первого этапа стройки вселял надежду, что они справятся с возложенной на себя ношей. Несколько раз примеряли и подрубали бревно, пока не добились приемлемого результата. Ещё раз сняли, положили влажный мох, водрузили бревно, простучали его обухом топора. Всё, можно идти ужинать. Вон и Лёня машет рукой и зовёт к костру. «Сегодня в срубе ночевать будем, – радостно возвестил Виктор, – только ещё три бревна надо положить!»

До ночи положили три бревна и остатки сил. Вечер был влажным и душным.

Ночная гроза ворвалась за третью горку раскатистым грохотом. Молнии били в близкий гребень, заливая долину резким электрическим светом. Вспышка. Из черноты на миг проявились свежие брёвна сруба, полупрозрачная полиэтиленовая плёнка, небрежно, как попало, не от дождя, скорее для тепла, накинутая на стены. Вновь темнота и раскатистый грохот. Остро пахло свежим кедром, озоном, горелыми камнями. С гор пришёл ветер. Навалился на стены. Тревожно зашумели, закрипели деревья, вздулся, опал, потом резко захлопал полиэтиленовый полог. С шумом упали первые тяжёлые, словно ружейная дробь, капли. Через минуту сплошной стеной хлынул ливень. Под тяжестью воды полог выгнулся чашей, прозрачный и красивый в свете молний, как тоннель из стекла в океанариуме. Каждую минуту эфемерная преграда из тонкой плёнки могла порваться, затопив их хрупкий, с трудом отвоёванный у природы кусочек безопасности и уюта. Кеха чувствовал, что друзья давно не спят. С водой над головой надо было что-то делать, но никто не торопился покидать тепло спальников. Он не выдержал первым. Вылез, ладонью надавил на упругое водяное пузо, погнал его к краю. Вода с шумом пролилась на стену. Грозу унесло в сторону Байкала. Грохот стал тише.

Время между электрической вспышкой, зажигающей небо, и словно катящимися вдоль хребтов раскатистыми звуками грома становилось всё больше, но дождь не стихал. Пузырь над головой снова наполнился водой.

Виктор вылез из сруба. Вернулся мокрый и замёрзший. В руках у него была длинная жердь, на толстый конец которой надета пустая консервная банка. Упёр конец с банкой в середину полога, поднял. Плоская крыша превратилась в шатровую. «Истинный вождь не тот, кто забирает в свою палатку всех девчонок. Вождь – кто спасает команду», – подумал, засыпая, Кеха. Док всё-таки не удержался и попрекнул напарников за бездействие, чем несколько скомкал впечатление от собственного поступка.

Директор ползал на коленях и просил прощения. Бил его долго и с наслаждением. С каждым ударом по толстым щекам, носу с торчащими вперёд, как у кабана, ноздрями страх уходил. Директор усвоил привычку орать на него с первого его появления в школе. Он вообще на всех мог орать. Кеха оказался самым молодым учителем в слаженном, опытном коллективе. Старшие коллеги терпели, говорили: «Такой стиль руководства». Долго брань в свою сторону Кеха принимал за чистую монету, и считал, что виноват, часто он и был виноват. Но всякий раз, когда думал о школе, портилось настроение и приходил страх. Даже сердце начало болеть. Правда ему открылась на одном педсовете. Директор, как обычно, устраивал разнос. Поорав на коллектив, он вдруг ни с того ни с сего переключился на Кеху. Несправедливость была столь очевидной, что всегда послушный и безропотный Кеха вспылал...

Сны он обычно не помнил. Да и снилась какая-то мутная тягомотина из малозначимых обрывков неясных образов, не стоящих внимания. Сон про директора пришёл под утро и был таким достоверным, что казался ярче реальности. Руки помнили ощущение от оплеух, которыми он награждал толстую ненавистную физиономию. Он бил не директора, избивал свой страх. Ему даже стало жалко пожилого человека, который должен орать на подчинённого, чтобы почувствовать свою власть и значимость.

Настроение с утра после этого сна, как и погода, было безоблачным. Ночная гроза отшумела, оставив после себя свежесть. В высоком небе наступил день, напитав прозрачную синеву светом. Солнце за ним не поспевало. В узких горных долинах всё ещё лежали чёрные тени раннего утра. Наконец золотом окрасился скальный гребень против зимовья, разом проявив все краски. Резкая граница между ярким и тёмным быстро двинулась вниз по склону. На смену утру приходил день.

Со смехом поведал друзьям свой необычный сон. За внешним ёрничаем постарался скрыть некоторую растерянность и недоумение – ему до тех пор ни разу не снились сцены насилия.

«Ну и друзья у меня, – сказал Виктор, – один во сне почтенное руководство бьёт, другой с милиционера живьём кожу сдирает!»

Сон с милиционером приснился в том походе без сахара по Саянам Эдику. Высокий, улыбочивый, стройный, скромный и красивый, как девушка, Эдик пришёл к ним в секцию горного туризма и прижился. Был верным другом.

Милиционер их высадил из автобуса за отсутствие пропуска при въезде в пограничную зону. В советские годы в зону попадали все Восточные Саяны. Кеха с Эдиком и Лёхой были решительно изгнаны из автобуса бдительным представителем власти. Если бы партия так рьяно боролась за чистоту своих рядов, как боролась с собственным населением, жили бы сейчас в другой стране. На любое предложение как-то войти в положение строгий страж закона грозил посадить спортсменов в клетку. Был непреклонен и упивался властью, что дала ему казённая форма и полосатая палочка.

В запретную зону вместе со всеми рюкзаками по прошлогоднему пропуску въехал только Виктор. Исправили год в документе, и старый пропуск сошёл за нынешний. К заветным горам они всё же проникли, но потеряли лишние сутки.

За день «взяли» два перевала. После ночёвки под третьим Эдик проснулся и так же со смехом, как сегодня Кеха, рассказал, что во сне подвесил бдительного стража за ноги на суку дерева и живьём содрал с него кожу. Друзьям это весёлым не показалось, а мудрый Док тихонько сказал Кехе, что этот парень плохо кончит. Эдик послужил в армии, поработал в милиции, защищал Белый дом, прошёл Приднестровье. Вернулся оттуда с наградным оружием и искалеченной психикой. Притащил в мирную жизнь кровавый след. Новой власти стал не нужен. Взорвал себя и двух милиционеров гранатой при попытке его арестовать. Ставший ненужным герой разваливающейся страны. Преданный командирами солдат великой армии, переживший крах идеалов.

У Кехи же всё сложилось хорошо. В следующий раз, когда директор попробовал устроить ему выволочку, вместо страха он испытал к некогда грозному руководителю только презрительную жалость. Попытка в очередной раз напугать лишь рассмешила. Руководитель осёкся посреди гневной тирады, внутренним чутьём почувствовав, что его больше не боятся. Так собаки чувствуют чужой страх. Кеха много лет проработал со своим директором. И даже заслужил некий авторитет, который однажды выразился в ставшей крылатой в их школе фразе: «Не надо устраивать самоуправства! Без меня не смейте в своём классе даже гвоздь забить. Если надо – скажите. Мы с Иннокентием Львовичем посоветуемся и забьём вам гвоздь». Со временем Кеха стал понимать, за что так ценил руководителя школьный коллектив. Директор жил одной школой и умер по дороге на работу. Он бывал груб, несносен, ему бы колхозом управлять, не

школой, но заботился о своих учителях и гордился их достижениями. Светлая тебе память – красный директор.

Август сделал воздух прозрачным. Далёкие горы белыми кораблями плыли в синем небе. Что-то таинственное и чудесное произошло в природе за эту ночь. Горы стали выше и чище, словно заботливая рука смахнула с вершин пыль жаркого лета. Кеха озадаченно крутил головой, пока не понял, в чём волшебная перемена. На Саяны упал первый снег. На молодых кедрах вдоль тропы висели тяжёлые фиолетовые шишки, но их время ещё не пришло. Было воскресенье. Навстречу одичалым за неделю лесной жизни строителям шли нарядные, весёлые, ухоженные люди. Впереди у них был выходной, приятная прогулка по горам, прекрасный вид на снежные Саяны и таинственное горное озеро Сердце. Рядом с усталыми друзьями выглядели они как ухоженные комнатные собачонки по сравнению с бездомными псами. Но дикие псы не тушевались. Эти горы были их домом. Трудная, на грани физических возможностей работа осталась в лесу. За плечами были пустые рюкзаки. Впереди – чай у приветливого метеостанщика, лёгкий путь домой.

Андрей встретил у ворот ограды словами: «Вас тут все только и ждут». Тревожная интонация в голосе и хмурый внешний вид всегда улыбчивого Андрюхи ничего хорошего не предвещали. Сердце у Кехи болезненно сжалось.

– Из-под колёс трамвая выкатилась голова и мертвеющие губы прошептали: «Вот ни хрена себе, сходил за хлебушком...», – машинально сдохмил он.

– Что у вас опять стряслось? – сердито спросил Доктор.

– У сменщика сынишка с дерева упал. Полез за шишками на кедр, ветки и обломись. Боюсь, помрёт, – серьёзно сказал Андрей.

– Где он? – быстро спросил Виктор.

– На станции лежит. Не знаем, можно ли его поднимать, – ответил Андрюха и развёл руками.

– А папаша что?

– По рации на Слюдянку вышел. Скорая сюда не проедет. Сказали, что при падении трогать нельзя – вдруг перелом позвоночника или шеи.

– На метеостанцию вы же его занесли – и не умер, – сказал Виктор, – его транспортировать всё равно надо. На доске или щите, если с позвоночником что. Вон народу сколько. Чего нас ждать. Вдруг бы мы ещё на день остались! Андрей только пожал плечами.

На крашеном полу лежал парнишка лет семнадцати. Слабо стонал. По телу пробегали болезненные судороги. Побывав много раз в шкуре спасателя, знакомясь с человеком, Кеха часто себя ловил на невольной мысли: «Легко ли его будет нести по горной тропе?» – И к маленьким и

сухощавым людям испытывал невольную симпатию... Паренёк был среднего телосложения, но уже крупнее своего немолодого отца. «Килограмм шестьдесят-шестьдесят пять будет, – машинально отметил Кеха, – от отца толку мало. Втроём до ночи тащить будем. Ребята на электричку опоздают, им завтра на работу. Надо помощь искать». Доктор словно прочитал Кехины мысли. «Я сейчас посмотрю, можно ли его переносить... Нам бы троих, лучше четверых помощников найти. Хорошо, воскресенье – народу много!»

Виктор склонился над страдальцем. После яркого дня в помещении казалось темно. Видимых повреждений, переломов не было. «Шея, позвоночник целые. Возможен перелом рёбер, руки и внутренние ушибы. Болевой шок. Если обезболить, можно транспортировать. Медлить нельзя. Не дай бог, внутреннее кровотечение...», – поставил Док диагноз. «У вас есть аптечка?» – сухо обратился к Андрею. Запасливый, как бурундук, метеоролог вывалил на стол запасы лекарств: таблетки в пожелтевших от старости упаковках, рыжие пузырьки йода, бинты и склеившиеся насмерть пластыри. К счастью, нашёлся одноразовый шприц и ампулы с обезболивающим, срок которого истёк лишь в прошлом году. По меркам местных припасов, считай, новые.

Думали, что легко найдут помощников. Но никто не хотел портить себе выходной вознёй с покалеченным мальчишкой. Ссылались на своих детей и женщин, которых нельзя оставить, или просто молча мотали головой и, потупив глаза, шли мимо. Всегда спокойный Кеха взъярился. Когда троица крепких, спортивного вида молодых мужчин отказала ему в помощи, решительно заступил им дорогу. Гнев и обида душили.

– Да что же вы за люди-то такие! И вам однажды помощь может понадобиться. Человек гибнет, а вы мимо проходите, – укорил Кеха.

– Мы на пик не успеем, у нас сроки, – вновь заупрямился крутолобый светлый крепыш, но остановился. Его высокий товарищ попытался обогнуть нежданную преграду.

– Стой, всё равно не пушу, – Кеха схватил его за рукав, – вы же туристы? Парни были одеты в хорошие горные ботинки, какие обычно случайные люди не покупают.

– Туристы, ну и что дальше? – спросил Высокий.

– Клянусь, сделаю так, что вас ни в одни горы больше не выпустят, – наседал Кеха, – помогите хоть по камням пацана спустить! Нестерпимо хотелось отвесить оплеуху длинному, чтобы пробиться сквозь его равнодушие и чёрствость.

– Ты нас ещё стращать будешь! – ощерился Высокий, выдернул свой рукав из Кехиных пальцев и угрожающе сжал кулаки.

– Прекратите ссориться, – вмешалась загорелая блондинка, – что случилось? Она встала между Кехой и своими приятелями, сняла солнечные очки, посмотрела по очереди на мужчин. Спокойный голос, голубые глаза. Драться расхотелось.

Через несколько минут пристыженные парни послушно двинулись к метеостанции. На высоком крыльце стоял Виктор и что-то сердито выговаривал Андрюхе.

«Жердей пожалел! Нам что, для себя надо? Тебе тут что делать? Новых нарубишь, а нам время терять...», – распекал молодого метеоролога Доктор. Андрей уже был не рад, что попытался уберечь длинные, успевшие подсохнуть жерди из пихты, приготовленные хозяйственным Андрюхой для своих дел. Доктор положил на них глаз, потому что жерди приобрели необходимую жёсткость. Рама из них не изогнётся, как из свежих.

Любимая шутка спасателей: «Труп носить лучше – не орёт, не жалуется, и за труп больше платят, лишь бы не пах!» в плане «не орёт и не жалуется» открылась Виктору и Кехе ещё в те годы. Живого транспортировать хлопотней.

От обезболивающего парнишка затих. У Дока осталось в запасе ещё несколько ампул. Торопились. Страдальца надо скорее доставить в больницу и может успеть на семичасовую электричку.

Маленькая колонна с носилками почти бежала по скользкой и крутой тропе. Трое с носилками. Трое на страховке, чтобы подхватить пострадавшего, если один из носильщиков упадёт. Отец почти сразу отстал. Бежать по крутой тропе за тренированными ребятами оказалось не под силу. С крутого склона вниз лучше нести ногами вперёд. Направляющий выбирает дорогу. Он и один справится. Носилки со стороны ног легче. Ещё двое тащат ношу один в правой, другой в левой руке. Так всем видно тропу.

Впереди лучше ставить высоких – носилки меньше наклоняются. Кеха впрягся первым и понёс. Вначале это казалось легко. Ноги привычно, сами собой выбирают дорогу. В руках круглые ручки носилок. Капельки смолы выступили из не до конца ошкуренной коры и стали липнуть к ладоням. С каждым шагом руки и плечи наливались горячей тяжестью. Первыми сдались предплечья. С ужасом почувствовал, как разжимаются пальцы. Помог Высокий, с которым чуть не разодрались на дороге у метеостанции, сказал просто: «Дай, я». Кеха невольно ощутил благодарность за то, что его избавили от необходимости просить помощи.

Им уступали дорогу, с любопытством глаза вслед. Скользкая и мокрая от бегущих ручьёв лестница из округлых белых камней сменилась просторной поляной с зарослями кустов жимолости, увешанными фиолетовыми ягодами, похожими по форме на женскую грудь, низкими кустиками черники, кудрявыми деревцами рябины. Справа вынырнула и увязалась за тропой хлопотливая речка с холодной и прозрачной водой. Местами горная река так налегала на тропу, что та делалась узкой. Приходилось пострадавшего нести вдвоём, потому что для третьего места на тропе не было.

После укола пареньку стало легче, даже пробовал слабо улыбаться. Кехе тоже удалось справиться с непослушными носилками – вставил длинные рукоятки в лямки своего рюкзака. Рукам стало легче. Так он мог

бежать целый день. Нужно только смотреть, чтобы рукояти не выпали из петель, да не запнуться на неровной тропе. От быстрого движения настроение улучшилось. Хорошо чувствовать себя молодым и сильным, ощущать единство с командой, делать полезное дело, которое невольно возвышает тебя в собственных глазах.

«Мама, хочу в поход! – громко на бегу травил Док анекдот. – Доча, знаю я эти походы. Вначале песни у костра орать будете, водку или спирт пить, потом в одну палатку с мужиками спать полезете... Даже не думай! Останешься дома. Сама в поход пойду!» Общий хохот. Улыбается даже пострадавший. Наверное, хорошо, что его папаша отстал. Пока вязали носилки, Виктор припомнил, что метеоролог одним холодным днём, в страшный дождь не пустил его с девчонками обогреться. Пришлось ночевать под уличным навесом в дровянике. «Земля-то круглая, – мстительно прищурился Доктор, – по-моему узнал меня...» Кехе было хорошо и от ощущения собственной силы, и от того, что Виктор смолчал и не стал корить испуганного пожилого человека, и от того, что Земля круглая...

Парнишку укачало. Опустили носилки на землю. Перевели дух. Доктор померил пульс по-настоящему, без дураков и вранья про тибетскую медицину и энергию Цы. Разумная женщина, которая остановила ссору своих друзей с Кехой, оказалась врачом. Медики устроили консилиум у ложа больного. Не хватало только белых халатов. Согласились, что внутреннего кровотечения, скорее всего, нет, но на всякий случай решили много пить не давать, транспортировать лёжа на спине, подложив под ноги вещи. «Потерпи, миленький», – уговаривала врач ласково пацана словами фронтовой медсестры, следила, чтобы парнишке было удобно, и обтирала ему губы мокрым бинтом. «Наши женщины всегда готовы заботиться и спасать, – поймал себя на невольной мысли Кеха, – и ещё они красавицы».

Перешли вброд речку, прошлёпали среди огромных камней по ручью, прошли поляну, спустились по тропе и оказались на просёлочной дороге. Здесь когда-то добывали лазурит. Строго говоря, сюда может машина приехать, но не знаю ни одного водителя скорой, который бы согласился это сделать.

Расставались тепло. Когда Высокий крепко пожал на прощанье руку, Кеха подумал: «Хорошо, что не довелось с ним драться...» Постояли, провожая взглядами своих помощников, вздохнули и вновь впряглись в носилки. Догнал отец парнишки. Он немного успокоился и не выглядел уже таким потерянным.

Их пошатывало от усталости, когда добрались до мраморного карьера. Мокрые ноги в кедах разъезжались на грязи. Ночная гроза и здесь наследила лужами. От дождя воды в реке прибыло. Потеряешь равновесие на скользких камнях – страховать некому. Ну, где же эта скорая?

По тонкому бревну с фельдшерским ящиком в полной руке и городских босоножках решительно шагала крупная женщина в белом халате.

– Машина где? Мы уже тащить замучились, – крикнул Док.

– Водитель боится в реке застрять! У того брода стоит, – ответила отважная женщина и махнула головой куда-то назад.

– Дебил! У него вездеход. Мог бы и до конца дороги доехать. За черемшой ехать не боятся, а за человеком – машину жалко! – Виктор не на шутку рассердился.

– Ставь носилки! Сейчас я всё этому водиле выскажу. Пошли мужики! Тут негде застревать. Нам ещё до Иркутска добираться, – и Виктор решительно зашагал навстречу к скорой.

Скорую они заставили ехать за страдальцем через два брода. Обиженный водитель отомстил. Промчался мимо. За толстым автомобильным стеклом бледным пятном мелькнуло потерянное лицо отца пострадавшего паренька. Спасателям пришлось тащиться пешком до города ещё километров шесть.

Наконец, первые дома Слюдянки, автозаправка, поворот. Просёлок сменился гладким асфальтом. Ноги не хотят идти по твёрдому. Ступни болят. Ребятишки на велосипедах, женщина с ведром у водокачки, чёрная с белым коза, привязанная к колышку, с равнодушным любопытством уставились на усталых и помятых друзей. Здесь на окраине к таким привыкли. До крашеной зелёным дощатой будки автобусной остановки метров шестьдесят. Сверху из-за поворота появился дребезжащий на ходу дверями-гармошками синий автобус. В голове: «Надо успеть!» Лёня едва тащится последним. Док и Кеха бежали изо всех сил. Вдруг мимо, с шумом рассекая упругий воздух, пронеслось пушечное ядро, скоростной локомотив, стремительная ракета. Это мчался их всегда медлительный товарищ. Лёня бежал самозабвенно, не жалея ног, бежал, шумно дыша, прочь от тяжёлых брёвен, неудобной палатки, скудного пайка, несносных кровососов, не оставляющих тебя ни на минуту в покое, от ехидных шуточек и подколов...

... «А что, Лёня? – скажет однажды Кехе в случайном разговоре один из приятелей, – мы в одной команде в футбол играем. Быстрее всех бегают стометровку, пять раз подтягивается на одной руке и пишет стихи!»

Прости нас, Лёня, что за неделю в лесу за деревьями тебя не разглядели.

В следующем году в середине мая Кеха бежал по Култуку, чтобы успеть встретить Виктора. Собрались на сплав по Иркуту. Его окликнул стройный, крепкий юноша:

– Здравствуйте, вы меня не узнаете?

– Нет.

Пожал плечами. Не ученик – это точно. У Кехи есть дурная привычка смотреть поверх голов случайных людей или тех, кто ему не интересен.

– Вы меня с Хамар-Дабана выносили!

Приятно помнить, что где-то живёт человек, которому ты, возможно, помог спасти жизнь... Через несколько лет случайно узнал, что этот юноша погиб. Высоковольтный разряд электричества при ремонте контактной сети на железной дороге не оставил ему шансов. Словно оборвалась тонкая невидимая ниточка, что связала всех участников той транспортировки. Жаль...

Последняя неделя августа выдалась ясной. Ночные заморозки положили траву, золотом зажгли кругляши листьев осин, разом превратив их в волшебные денежные деревья. Кусты черники перестали прятать созревшую ягоду под овальными мелкими листочками. На замшелых от старости кедровых пнях и колодах вспыхнули крупные, ярко-красные, словно лаковые ноготки модниц, шарики брусники. Крупные листья черемши одрябли, как линялая тряпка, и стали белёсыми. Природа – одержимый скульптор, ни на миг не останавливаясь, создала из мёртвой материи живую и вновь её разрушала, вращая вечное колесо сансары. Воздух стал чистым и прозрачным, как хрустальное стекло. Горные вершины хребтов Хамар-Дабана осыпало снегом, словно сахарной пудрой.

Ничего не меняется в вековом порядке. Катится, катится колесо... На смену лету спешит осень. Медведи пасутся на горных лугах. Быки изюбрей точат о кусты рога для турниров. Как тысячи лет назад, вода бежит по камням, разбиваясь на изломах русла на мириады брызг, вновь свиваясь в тугие струи. Даже крепкий базальт отступает перед её мягкой силой. Столетия не изменили долину за третьей горкой. От сотворения мира она была ничьей. Долина сама по себе. Точно такая, как сотни других. Отныне она станет особенной. Она будет их долиной. Так из тысячи женщин твоей становится одна. Сложись жизнь иначе, возможно, вы не встретитесь, но встреча случилась...

«Пошли, что покажу», – Кеха увлёл строителей на скальный обрыв за зимовьем. Густые, раскидистые деревья внезапно расступились. За глубоким провалом открылся широкий простор долины, убегающий к Байкалу хребет Комара, высокие кедры и острые пихты на крутых склонах, светлая дорожка из округлых крон лиственных деревьев по берегам

речушки, высокие тополя, там, где их речка за третьей горкой впадает в Подкомарную. «Ах!» – сказали потрясённые мужики и восхищённо выматерились. Кеха испытал незаконное чувство гордости, словно всё, что он им показал, не сотворила мать-природа, а он построил своей волей и руками.

Близко от сруба все подходящие деревья уже спилили. Брёвна на вторую половину предстояло таскать со склона. «Какая разница, куда носить – вверх или вниз! Может, затащить готовую часть на верхнюю площадку? Отсюда вся долина как на ладони!» – предложили мужики. Представилась благостная картина. Сидят они, трезвые и умытые, у порога нового, сладко пахнущего свежим кедром зимовья и пьют чай из стеклянных гранёных стаканов. Солнце играет на ясных гранях. Лёгкий прохладный ветерок тянет с гор и сдувает надоедливый гнус. В котле варится суп из кедровки. Тишина, только скворчит подсолнечное масло на сковородке, и на весь лес пахнет лепёшками. У новой плиты хлопочет Ира – заботливая Витюхина жена. Светлые волосы чуть растрепались, улыбочивые щёки с очаровательными ямочками покраснелись от жара чугунной сковороды...

«Эй, давай хоть одно бревно для начала вниз стянем, – вернул их на грешную землю скептик Кеха, – сразу выясним, куда легче таскать – вверх или вниз!» Вниз, конечно, легче. Волочить тяжёлые кедровые брёвна вверх оказались не готовы. С мечтой поставить избушку на краю обрыва пришлось распрощаться. «Не очень то и надо, – успокоили себя, – там на перегибе бывает сильный ветер, и далеко до воды ходить».

Строителей было пятеро: вождь и бригадир Виктор, геолог Петя, Кеха и Шура. Обаятельного и смешливого Шурика вслед за Доктором все звали Родственник. Родственник с Виктором недолгое время были женаты на родных сёстрах. Пятым был смешной, толстолапый, чёрный щенок-лайка по кличке Ярик. Уже в полгода он был крупнее многих псов, ничего не боялся и с увлечением облаивал бурундуков. «По соболю пойдёт», – с гордостью в голосе говорил о своём псе Виктор.

Лучше всего Ярик пойдёт «по баранам». За пару минут, пока Док и Кеха будут бежать, чтобы отогнать его от впавших в панику животных, умудрится разделить стадо, отбить от него несколько голов, в стремительном беге пристроиться к крупному барану и одним движением мощной шеи перебросить тяжёлую тушу через плечо. «Волчья кровь!» – скажет на такую картину Виктор. Бурят, хозяин отары, в ярости станет

гоняться за псом на мотоцикле, а хитрый щенок спрячется от него в палатке... Потом у Виктора будет много собак, но этот навсегда останется первой любовью.

Чтобы построить вторую половину сруба, надо с первой снять верхний венец, установить его на ровной площадке и вторую половину собирать на нём. Тогда вам не придётся, как обезьяне, лазить по высоким стенам с риском свернуть шею. «Удобное рабочее место – фактор безопасного и производительного труда!» – тоном инженера по технике безопасности втолковывал Петя, очищая площадку от строительного мусора. На то, чтобы закончить работу, отвели себе четыре дня. Рядом появился и стал быстро расти ещё один сруб, который потом придётся разобрать и собрать его на готовой нижней половинке. Ночевали в готовой части сруба, наспех приспособив к ней крышу из полиэтиленовой плёнки. Чтобы каждый раз не лазить через стену, выпилили проём для маленькой двери. За брёвнами приходилось уходить всё дальше в лес, подниматься выше на склон. Сбитые с толку дневным теплом кусты золотистых рододендронов предприняли неуверенную попытку зацвести второй раз, робко выставляя нежно-жёлтые цветы среди жёстких зелёных листов. Созрели ядрышки в кедровых орешках – утратили молочную нежность, стали плотными и немного мучнистыми. Но самые вкусные орехи – это паданка. Её время – зима и ранняя весна, когда ветер и мороз выгонят из тяжёлых шишек лишнюю влагу и смолу. Из фиолетовых плотные чешуйки превратятся в светло-коричневые, будут легко отделяться одна от другой. Ядрышко нальётся нежным янтарным кедровым маслом и станет сладковатым на вкус. Кедр в горах Хамар-Дабана – главный лесной кормилец. Хорошему урожаю радуются все лесные обитатели. Всю зиму лесные великаны будут сорить сытными плодами. Бежишь коротким зимним днём по Комару на быстрых лыжах, спелые шишки валяются прямо под ногами. Но недолго им лежать. Много в лесу зорких глаз и голодных ртов.

Петя сказал, что избушки для геологических партий на севере строят из неошкуренных брёвен. Может, это и так, но геологи не будут долго на одном месте стоять. Отработают сезон и уйдут дальше. Не страшно, если через несколько лет брошенный домик сгниёт. Другое дело – ваше зимовье. По крайней мере, брёвна следует ошкурить хоть частично. Остаток коры потом отвалится сам, когда древесина высохнет, или вы его счистите. Работать в далёком лесу, когда у вас над головой крыша и тёплая печка в домике, много приятнее.

В четыре пары рук дело пошло споро. Каждое утро и каждый вечер к лагерю прилетали суетливые кедровки и попадали к строителям в суп. Без оперения тушка птицы была крохотной, пучеглазой, с

непропорционально толстым и длинным клювом. У каждой в кожистом мешочке зобика была хорошая пригоршня отборных кедровых орешек. Однажды для Ярика Док подстрелил жирную пищуху. Пёс долго её таскал, не зная, что делать. «Дай мне его на неделю в лес, и он всё жрать будет, и за постной кашей с миской в зубах приходите!» – сказал геолог Петя тоном, каким обычно взрослые осуждают чужих избалованных детей.

Настало время принести и уложить два последних бревна. Чтобы сруб хорошо «сел» и перед дверью появилась закрытая от дождя и снега площадка, верхние брёвна сделали на два метра длиннее, чем стены. Во вторую половину мох не укладывали – всё равно разбирать. Теперь предстояло это сделать и собрать готовые брёвна в единую конструкцию, проложив все щели мхом. Прорезали два оконца. Одно побольше – напротив двери, другое – напротив печки. Через много лет молодые друзья вставят в большое окно двухкамерный стеклопакет – и старое зимовье наполнится светом.

Под снег готовый сруб уйдёт без пола и крыши...

Если вы спросите меня, что в зимовье самое главное: тёплый пол, удобные нары или толстые стены, я отвечу – крыша. Крыша – самое главное. Можно жить с холодным полом и стенами, неудобными нарами или вообще без нар, но если течёт кровля, жить нельзя! Да и сгниёт ваша избушка с дырявой крышей.

Кеха тащил рулон пахучего чёрного рубероида в рюкзаке. Тяжёлый рулон торчал выше головы, как вавилонская башня, и норовил шлёпнуть по затылку при каждом наклоне. Пришлось его подвязать плотнее к лямкам поводком Ярика. Пёс ещё больше подрос и, когда пробежал по узкой лыжне, чтобы встать во главе колонны, легко мог столкнуть человека в снег. Пришли майские праздники. Зима пролетела. Раньше тянулась долго и нудно, как один скучный и никому не нужный урок. Теперь, когда Кеха узнал и полюбил лыжи, мчалась в один миг, словно свидание с любимой женщиной. Пусть характер у неё строгий и настроение часто бывает дурное, но с этой ослепительной белокурой красавицей никогда не бывает скучно!

Лёд на Байкале сначала почернел, покрылся лужами. Это растаяли торосы и снег на его поверхности. Потом вновь побелел. Талая вода проточила насквозь толстые льдины, сделала их рыхлыми, словно слепленными из мириад тонких прозрачных иголок. Ступишь на такой лёд, иголки разойдутся – и ухнешься в холодную воду... Скоро налетит весенний ветер, разорвёт рыхлый лёд. В одночасье иголки упадут, оставив по берегам белую кружевную кайму, станут тихо звенеть в прозрачной воде чистым хрустальным звоном. Снег в городе сошёл,

бесстыдно обнажив грязь, что копилась всю длинную зиму. Капризная и своенравная Слюдянка наполнилась талой живой водой.

За ночь снег в горах смерзается прочной и гладкой, словно сахарная глазурь, ледяной коркой. Ходи как по асфальту. Часам к одиннадцати весеннее солнце жарким языком слижет твёрдую корку – шагу не ступишь, чтобы не провалиться. Ни одни лыжи не держат! Лыжная мазь становится бесполезной, и в горку можно подняться, лишь обмотав лыжи верёвкой или на камусах. Бывает, охотники привязывают для таких случаев к лыжам овощные тёрки или куски сетки от панцирной кровати.

Зимой за третьей горкой побывали лишь раз. Занесли лёгкую печурку, врубили потолочные балки и наскоро настелили потолок. Летняя крыша из плёнки порвалась и провалилась внутрь. Пришлось полдня выколупывать снег из сруба. Теперь собрались установить постоянную кровлю. Охотники для своих избушек обычно не заморачиваются с полом и крышами. Пол оставляют земляной – так мужикам проще вести хозяйство, а крышу делают односкатную. Поставил на верхнее бревно сруба со стороны входа три чурки-опоры, на них положил длинное бревно – конёк крыши, а сверху настелил дранку. Дранку делают из прямослойных стволов, распустив их вдоль берёзовыми клиньями. На потолок под кровлю для тепла укладывают толстую подушку изо мха. Готово. Конечно, часто подкапывает, а то и течёт такая крыша, но охотники живут подолгу в своих избушках лишь зимой, когда дождей не бывает, так что проснуться от того, что течёт по стенке и на голову каплет небесная влага, им не грозит. За третьей горкой решили строить двускатную крышу. То же самое, что односкатная, только конёк идёт по центру – и скаты в две стороны. Дранку закрыли рубероидом.

Печка тоже заслуживает отдельных тёплых слов. Печку ставят у входа. Так проще топить. Лучше, чтобы в плите было отверстие под котелок, – удобней готовить. Холодной зимой не хочется лишний раз высываться на мороз! Чтобы обезопасить стены от печного жара, печку лучше обложить камнями: камни нагреются и будут долго отдавать тепло.

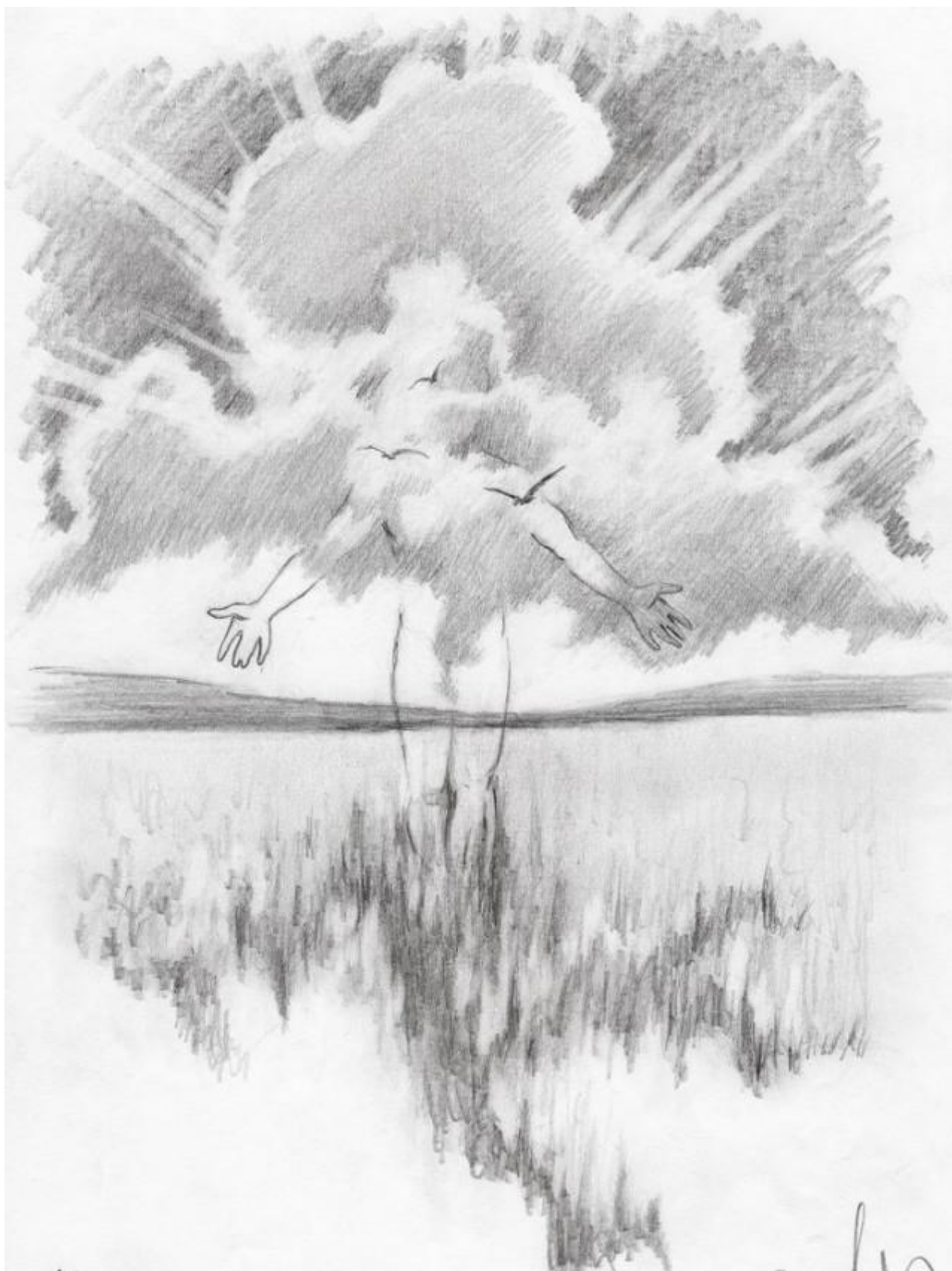
Для безопасности и сбережения тепла дверь прорезают маленькую. Приходится низко кланяться порогу, когда залазишь в узкий и низкий проём. Плахи для пола делают подобно дранке. Только выравнивают лицевую часть топором или шерхебелем. Шерхебель – это узкий струг с полукруглым лезвием. Строгают им как рубанком, но не вдоль волокон, а наискось. Нары лучше сделать высокими: вдруг придётся под ними спать. Да и теплее на высоких нарах.

Хорошо в потолке сделать лючок. Отдушина выручит и летом в дождь, и зимой, когда приходится в тесном помещении сушить мокрую одежду. Всё это они сделали...

Было это целую жизнь назад. Много раз над долиной за третьей горкой вставало и садилось солнце, гремели летние грозы, наливалась силой и цвела черемша, ложился и таял снег. Привычный и знакомый двадцатый век сменился двадцать первым. Нет уже той страны, где мы родились. Рухнула, как старый кедр под лютым ветром. Распалась семья народов, расплзлась по национальным квартиркам. Не споём больше песню с весёлыми украинцами про тещины ляжки, не засмотримся в бездонные, доверчивые девичьи глаза. Выросли дети. Разъехались. Лобастый пёс Ярик давно охотится в мире, где нет недобрых соседок с крысиным ядом. Кеха и Док работают спасателями. Построили на Хамар-Дабане дом удобней и просторней зимовья за третьей горкой. Док пересел на снегоход, а Кеха чаще бегаёт по лыжному стадиону, чем по тайге. Старое зимовье почернело, состарилось, словно вросло в землю. Прогорела труба. Подтекает кровля. Отремонтировать не доходят руки... Но иногда Кехе снится сон, что бежит он по зимней лыжне на широких лесных лыжах. Белый снег слепит, и дышится легко, а за третьей горкой его ждёт молодой и худенький Виктор с чёрной собакой Яриком.

6 апреля 2017 г.
Рисунки автора

ПОЭЗИЯ

• К 80-летию поэта Ростислава Филиппова

ДЯДЯ СЛАВА

*Но интересней миром быть,
Чем говорить о нём...*

Р. В. Филиппов

Младшее поколение журналистов и писателей называло его ласково между собой дядей Славой. Мы близко сошлись с Ростиславом Владимировичем, когда они с Сашей Исаковым издавали газету «Иркутская культура», в которой изредка публиковались и мои статьи. Окончательно сблизились, когда я работал заведующим районным методическим кабинетом, позже занимался оформлением и отделкой придорожного кафе в посёлке Култук (особенность разных способов выживания в 90-е годы), где у него на улице Лесной в тупике был домик, который он, как и многие россияне, видимо в шутку, называл дачей.

Когда он там объявлялся (чаще в выходные дни), мы с ним встречались, затапливали печку, готовили нехитрый ужин «из чего бог послал» (обычно жареный картофель, сало, солёный или копчёный омуль, домашние соленья и т. п.), немного выпивали, слушали «вражеские голоса» по транзисторному приёмнику, вели философские беседы о бренностях жизни и превратностях человеческой судьбы.

Говорили часто об очень личном (откровенность на откровенность), при этом больше был открыт я, как младший товарищ, который нуждается в отцовских советах, которых недополучил от папы, безвременно ушедшего из жизни в далёком 1985 году. То, о чём мы говорили, как «отец» и «сын», уже навсегда останется только между нами... Из наших ночных бесед я также узнал в общих чертах его биографию, основные принципы его жизнотворчества, которые позже были блистательно им подтверждены в его замечательной книжке стихов «Красная сотня». Я же в те годы написал два стихотворения, посвящённые Ростиславу Владимировичу, которые,

А. Гордин. Дядя Слава

скорее всего, так ему и не прочитал, но они вошли в сборник моих стихов «Ночной приют странников» (2007 г.)

*Изнемогая от суетных мыслей
В тупик тропинку протопчу,
Чтобы потрогать взглядом выси,
Чтоб прочесть стихи ручью.
Здесь гуси гордые забавно
Гуляют важно средь людей.
Здесь я открыл недавно,
Как пахнет горький сельдерей.
И мне послышалось раз ночью
Под звон стаканов за окном,
Как кто-то до зелья охочий
Стучал в окно своим ногтём.
Здесь столько живости приличной
Гуляет прямо по Лесной,
Что с каждым козликом публично
Обнялся б я! Да, Бог с тобой,
Хозяин этой благодати –
Поэт, а может, лесовик –
Прими в своём уединении, когда ты
Вдруг посетишь свой благостный тупик.*

Именно в Култуке произошло моё настоящее открытие его как человека. И именно там Ростислав Владимирович позволил обращаться к нему запросто: «дядя Слава». Я старался не злоупотреблять его доверием на людях. А меня он всегда и наедине, и прилюдно звал Саней. Не скрою, мне это было приятно, тем более, по его словам, он так называл ещё только одного человека и говорил, что я ему его напоминаю. Когда я впервые увидел Ростислава Владимировича в тупике в неформальной домашней обстановке, на меня повеяло деревенским детством. Передо мной стоял не мэтр журналистики и чиновник достаточно высокого ранга, перед которым легко открывались двери кабинетов мэров и губернаторов, а простой русский мужик недюжинного роста, одетый во что-то наподобие телогрейки или армейского засаленного бушлата, перепоясанного бельевой верёвкой. В его больших лопатистых руках грабли и вилы казались игрушечными. До наших ночных философских бдений он старательно избегал любых разговоров о журналистике, политике или литературе, с упоением рассказывая и показывая, что у него растёт или росло в огороде, какая удивительная природа (деревья, зверушки) окружает его дом, какие приветливые люди живут в посёлке и т. п. Позже, когда мы с ним пересекались на различных публичных мероприятиях, наподобие фестивалей прессы или просто в офисе Союза журналистов, я, глядя на его

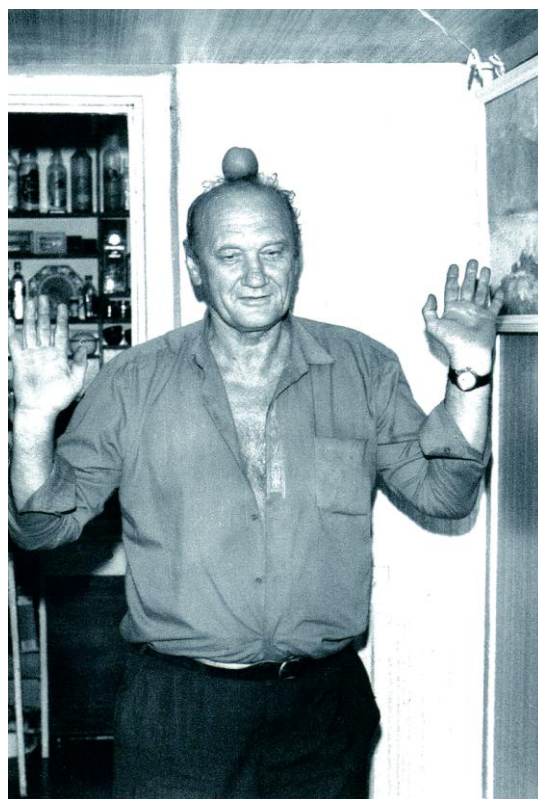
Народное обозрение

монументальную фигуру, упакованную в представительный костюм, пальто и шляпу, от которой исходил запах дорогой мужской парфюмерии, всегда видел через этот «фасад» простого русского мужика с деревенским хитроватым прищуром, взлохмаченными остатками кудрей на голове, от которого крепко пахнет луком, салом и только что принятой вовнутрь водочкой.

Его отцовское покровительство я в полной мере ощутил, когда с группой товарищей: Василием Скороходом (главный редактор), Людмилой Меттик (литературный редактор) и Дмитрием Бурдинским (технический редактор), – начал издавать сибирскую литературную народную ежемесячную газету «Александровский Централ», которая за небольшой срок своей жизни (2001-2003 гг.) получила несколько престижных межрегиональных и всероссийских профессиональных наград. Теперь уже в «моём» региональном издании изредка публиковались статьи Р. В. Филиппова, а также с его лёгкой руки статьи, стихи и рассказы известных иркутских и российских писателей и журналистов. В первом выпуске газеты он приветствовал вместе с В. Г. Распутиным (опять-таки с подачи Ростислава Владимировича) выход в свет «Александровского Централа». А Иркутское отделение Союза журналистов России, которое в то время возглавлял Ростислав Владимирович, стало своеобразным центром распространения этого издания.

Это было непростое время... Никогда мне не забыть усталых глаз поэта, который, смертельно раненный произошедшими в стране переменами, оставался верен своим идеалам юности, не принимая различные формы социальной несправедливости, которые постепенно становились обыденностью для большинства сибиряков и россиян в целом.

Все об этом знали, потому что он этого не скрывал ни в личном общении, ни в публичных выступлениях. У Ростислава Владимировича не было оттенков: «либо прекрасно, либо отвратительно», «либо красное, либо чёрное». Он чётко знал, кто в нашей стране «мы», а кто «они», и говорил в своих стихах: *«Это – мы. Отечество Россия. Вот – они. Отечество – карман»*. Эта позиция его как человека и гражданина чётко прослеживается во многих других стихах, вошедших в сборник «Красная сотня» (*«Я разрушил свой дом до конца»*, *«Переехал на пароме...»*, *«Въезд Господень в Иерусалим»*, *«Ежели стая шакаля...»*, *«Чтобы стать немного строже...»*, *«Так в душе неуютно и розно...»*, *«Всюду – во саду ли, в*

Р. Филиппов. Красная сотня

огороде», «Депутат» и др.), который был отмечен в 2005 году Премией губернатора Иркутской области в области литературы.

Как такового земного прощания моего с дядей Славой не было. Когда у него начались серьёзные проблемы со здоровьем, в моей жизни произошёл кувырок в виде длительной фактической безработицы (2003-2006 гг.): в образовавшейся социальной пустоте я медленно, но верно опускался на усольское дно, спасаясь временными заработками и общественной работой. Что ж, за одного битого двух небитых дают! – Спасением стал Иркутск, новая преподавательская, издательская и общественная деятельность, но, как оказалось, уже без дяди Славы...

А. Гордин

Фото Марка Демидова:

- 1. В редакции газеты «Иркутская культура»,
слева – Марк Демидов**
- 2. Ростислав в гостях у крестницы Лизы**

ИЗ КНИГИ «КРАСНАЯ СОТНЯ»

Я разрушил свой дом до конца.
Ни печи. Ни стола. Ни крыльца.
Под дождём моя крыша промокла.
Дует ветер в разбитые окна.
Вот уже разошлись косяки.
На полу фотографий клочки.
Кто же мне насоветовал, Боже!
Вспоминаю – какой-то прохожий...

И я бы мог в тот сад войти
В начале юных лет.
Не прошмыгнуть, не проползти,
А предъявить билет.
Есть пригласительный билет,
Он дан мне не взаймы,
Он прислан мне до склона лет

Народное обозрение

От Бога, чёрт возьми!
И в сад поэзии уплыть
Я мог бы – и с концом...
Но интересней миром быть,
Чем говорить о нём...

Переехал на пароме.
От села и до села.
Там родился. Здесь вот помер.
Всё. Обычные дела.
Под погоду любую
Ехал весело, как мог.
Веял грустью и судьбою
Незамедленный поток.
И несло уже всё чаще
То изменой, то бедой
от любви очередящей
над бегучею водой...

Как-то раз весенним добрым часом
Ты сказала, что придёшь ко мне.
Я пошёл за хлебом и за мясом
По своей красавице стране.
Я ходил по рынкам и по лавкам,
Я искал баранину и рожь.
Из пшеницы хлеб не очень лаком,
И овцу не очень-то найдёшь.
Вдруг в степи у славного бурята
Я нашёл искомое одно:
Молода, упитанна, опрятна,
Грубое, надёжное руно.
Вёл овцу я по лугам зелёным.
На дорогах были грабежи.
Обошлось. В селенье отдалённом
Прикупил попутно тёплой ржи.
Встретились. Поговорили. Сели.
Ты сказала: «Вот ведь молодец!»

Р. Филиппов. Красная сотня

Но давай-ка лучше рожь посеем.
Да возьмём и разведём овец». «Ну, конечно, милая, конечно».
И пахал, и пас я на века.
Так мы жили. Мирно и неспешно.
Хлеб был тёпл. Баранина сладка.

Вот уже скопилось перегнуо...
Но я знал, что он придёт в мой дом.
Тот, кто скажет: «Отпусти со мною.
Как-нибудь мы с нею проживём».
Всё она оставила, что было.
Прямо в ночь, светясь, они ушли.
Вскоре громом рожь мою побило,
Волки всех овец перевели.
Стало пусто мне в моём поместье.
Я шагнул за двор и был таков.
Поднялась тайга зелёной шерстью.
Дрогнули колосья облаков.
Что хочу, скитаясь в мирозданье?
Чтобы промелькнул или возник
В зарослях листвы или тумане
Твой восточный, твой усталый лик.
Мне бы только подойти, коснуться
Медленной рукой твоих волос.
Только бы с тобой не разминуться
– С полными глазами снов и слёз.

Скучно день прошёл.
Как век.
Непристойно.
Как погреба.
Снег был белым.
Словно снег.
Небо – синим.
Словно небо.
Вдоль Байкала и окрест,
Сквозь пределы и границы
Лес был чистым.

Народное обозрение

Словно лес.
Птицы звонкими.
Как птицы.
Сердцем звал тебя опять.
«Никогда!» – твоя обмолвка.
Никогда...
Как это долго!
Боже, вдруг устану ждать..

Я невзгодные дни коротаю,
И мне думать уже не с руки,
Что люблю этот город картавый
На излучине хладной реки.
Эх, душа бы ещё повитала,
Да прибило её до норы,
Может быть, равнодушие Байкала,
Может быть, чужина Ангары.
Оттого-то душа и томится –
То в житей пропадёт, то в питье.
Это ангел, наверное, злится
На неё. На неё... На неё...

Наверно, не пришла ещё пора.
Но коль она настанет непременно,
Хотел бы умереть я у костра.
В лесу. Один. Без боли. И мгновенно.
Вскипит мой чай немного погодя...
Я тем не озабочен, между прочим.
А будет худо очень, если ночью
Вдруг не случится сильного дождя.
Тогда спасибо вряд ли скажут мне –
Огонь костра уйдёт в хребты раздольно,
И станет горько зверю и сосне,
И ягодам, и травам станет больно.
Воображенья странная игра!
Она подчас большой бедой чревата –
Природа ведь совсем не виновата,
Что умереть хочу я у костра...

Р. Филиппов. Красная сотня

На берёзу взобралась,
Каркает ворона.
Напророчить собралась
Всякого урона.
Дура чёрная!
Но всё ж
Что мне остаётся?
Отвечает: снег и дождь.
И обрывок солнца...

Чтобы стать немного строже
И внимательней к себе,
Я люблю ходить к Серёже,
Чемпиону по стрельбе.
Он в своём железном тире
Подаёт мне револьвер –
Воронёный знак,
Что в мире не бывает полумер.
Чемпион узнать стремится:
«Вот я думаю о том,
Для чего стрелять учиться
В возрасте немолодом».
Он - настырный. Я - везучий.
Мы под дых десятку бьём.
Говорю: «На всякий случай,
Видишь сам, как мы живём...»

Иркутск в начале лета.
Все яблони цветут.
От чистого привета
Такой в душе уют.
Мы – здесь.
Мы – не пробегом.
Пускай же в этот час
Живым и тёплым снегом
Июнь осыплет нас.
Мы вспомним во мгновенье:

Народное обозрение

Нам, жителям земли,
И в прошлых поколениях
Все яблони цвели.
И впредь,
В веках суровых,
Пускай утешит всех
От яблонь и черёмух
Живой и чистый снег...

МОИ ПТИЦЫ

После разного урона
Вспоминаю всё же я,
Что голубка и ворона
Жили в сердце у меня.
Мы с голубкою свивали
Терпкий молодой полёт
И взмывали так, что рвали
В клочья божий небосвод.
И она, когда у края я
Валялся под бедой,
Вся, крылами укрывая,
Убивалась надо мной.
А потом была ворона.
Безотказная была...
Жизнь моя с ней разорённо
Красно-чёрная текла.
Прошрое – припорошили.
Шли годам наперерез.
Жили, буднично грешили,
Отпадая от небес.
Но случалось, но бывало –
В доме или у ручья
От подёнки уставала
Вся-то душенька моя.
Часто душенька, случалось,
От утех и от забот
Уплывала, отлучалась
За ближайший поворот.
Я внимал нехладнокровно,

Р. Филиппов. Красная сотня

Возвращаясь в птичий круг,
Что голубка и ворона
Из чужих клевали рук.
Ах, кому теперь роняют
Перья мятые со звёзд?
А быть может, сохраняют
Для зимы, для поздних гнёзд?
Где теперь они? Не знаю.
Мне ж отрада для очей
Снова улица Лесная,
Где мой дом и мой ручей.

И сюда, когда возрастают
Травы в мартовском дыму.
Птицы новые летают
Прямо к сердцу моему.
Но сквозь это щебетанье
Вдруг мне слышится в окно
То как будто воркованье,
То лишь карканье одно...

Скажите, что черней вороньего крыла?
Не пастбище ль сожжённое?
А может, предательство!
Чернее нет, похоже.
Или душа, истлевшая дотла?
Но пастбище зелёным станет снова.
Предателя ждёт суд.
А душу лечит слово.
Для этого всегда настанет срок.
Ходи везде, кидайся ввысь ли,
Вниз ли, но нет черней
Той самой страшной мысли
Что мог бы ты помочь, а не помог.
С мольбой глаза смотрели человечьи,
А ты ушёл от них, смущаясь, прочь.
Ты думал только:
«Ведь помочь-то нечем».
Не мучился: чем всё-таки помочь?

Народное обозрение

Излупили б, что ли,
Изругали, устыдили б так,
Хоть провались...
Нет же –
 сердце трогают руками
А потом кричат,
Что обожглись.
Вы же не слепые.
Вы же зрячие.
Как вы не поймёте ничего?
Моё сердце
 всё-таки горячее.
Осторожно трогайте его.

Всё для тебя.
Живи счастливо.
Но, в жизнь привычную уйдя,
Про шум Бенгальского залива,
Про шум декабрьского дождя
Не забудь. Всё будет снова –
И смех друзей, и грусть дорог,
Но только не забудь про слово,
Что я произнести не мог.
Оно живёт. Оно вершило
Над нами нежный свой покров
Во храмах каменного Шивы,
Где влажно от морских ветров.
Всё было ясно и неясно.
В душе рождался тихий свет.
И боги Индии прекрасной
Нам улыбались мудро вслед...

Вот – брусника. Вот – рябина.
Вот – звериная тропа.
Всем им – горькая судьбина,
Или попросту – труба.
Ну и правильно.

Р. Филиппов. Красная сотня

Не мы ли
Ради корысти своей
Кедрам морды поразбили
Колотами до соплей?
Так и надо нам.
Мы сами
В гуле пьяных матерков
Истоптали сапогами
Души наших родников.
И тайга не позабыла,
Чья та силушка была,
Что гноила и топила
Сосен стройные тела.
«Что ж вы, что ж вы
Так-то жили? –
Спросят люди всей земли, –
И Байкал не защитили,
И себя не сберегли... »

Нынче учёных – излишки.
Скудно живут и невзрачно.
Скученно, словно домишки
В скучных посёлочках дачных.
Надо же было родиться,
Шариться в колбах и сводках,
Чтобы до смерти кормиться
На четырёх своих сотках...

Господи, взгляда с меня не своди –
Мало добра остаётся в груди.
Был человеком и я до сих пор,
Но приближается холод и мор.
Грабить и бить кирпичами в висок
Будем друг друга за хлеба кусок.
Низкое время у нас впереди –
Господи, взора с меня не своди!
Чтоб не посмел я
Ни душу, ни имя,

Народное обозрение

Боже, сгубить
Пред очами Твоими!

Ну что, ребята, легче стало
Работать, думать – словом, жить?
По лицам вижу, по усталым, –
Не надо душу ворошить.
Да, поперечно-полосатый
На склад истории тебе и мне
Не просто век двадцатый донести,
Как торбу, на горбе.
Когда же ноша вековая
Коснётся матушки-земли,
То кладовщица молодая
Ругнётся, весело вздыхая:
Опять, мол, рухлядь принесли...

Далековато цель.
Терпение, мой друг.
Туннель. Ещё туннель.
Приехали. Култук.
Я терпеливо ждал –
Награда велика.
Ведь вот же он, Байкал,
Ведь вот она, Тунка!
Наверно, сотню раз
Я здесь, гордясь, бывал,
И каждый раз – боязнь,
Что я их выдумал!
Ах, до чего ж она
По самый гроб своя –
Байкала глубина и высота Саян.
А если что и есть
В душе превыше их,
То лишь незлая весть
О детушках моих...

Не жалею рабочих –
Те своё отстоят.
Не жалею крестьян –
Те своё сохраняют.
Не жалею военных –
Тем, что надо, дадут.
И не жаль торгашей –
Те своё украдут.
Мне не жаль журналистов –
Те за пайкой своей
Даже с дулей в кармане
Доползут до властей.
Мне не жалко студентов –
Отскулят на житьё.
И политики тоже
Не упустят своё.
А жалею доверчивых
русских людей –
Нет им доли поныне
В России своей.

Наклонились в зелёном и белом
Над мою телесной длиной.
И в вопросе немом и несмелом –
Это что же случилось со мной?
Это ж было – с другими, другими...
А со мной – никогда, никогда...
Но назвали болезненное имя.
«Что ж поделать, – сказали. – Года».
А соседи и слева, и справа:
«Как же так получилось, что ты,
В общем, очень устойчивый, Слава,
Навернулся с своей высоты?»
Но пылает, пылает сердчишко.
А в груди – там костёр разведён.
Может быть, у меня их не слишком,
Этих самых оставшихся дён.
Мне б хотелось сказать бы воочию.
Трём особам, с которыми жил,
Что я каждую очень и очень,
Очень, очень, до смерти любил.
Мне б хотелось проститься с друзьями.
И, остатнюю кровь горяча,
Мне б хотелось уткнуться глазами
В их надёжные вечно плеча.

БУДУШЕЛЫ –

**ЭТО ТВОРЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ,
КОТОРАЯ ПРИШЛА В НАШУ ЖИЗНЬ
ИЗ БУДУЩЕГО...**

• **Лирическая миниатюра**

Анастасия Осколкова

ВОЛШЕБНАЯ ЧАША

Бывают такие дни, когда хочется остаться наедине с природой. Уйти от суеты города. И найти спокойный тихий уголок. Как говорил персонаж романа Достоевского: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти».

Такое место есть и у меня – небольшое озеро, окружённое лесом. В вечернем свете оно напоминает чашу, в которой, кажется, хранится великая тайна, истинное знание. Чем больше вглядываешься в его гладь, тем больше понимаешь, как бесконечно суетлив мир. Зачем?

Шелестящие листья на деревьях в осеннюю пору навевают различные мысли. Осторожно, чуть слышно приходит вдохновение и садится рядом. Не спугнуть, только б не спугнуть его! Писать и рвать неудавшиеся строки... и снова писать... Под музыку ветра и шорох листьев всегда рождаются красивые стихи... Строка за строкой, строка за строкой.

А озеро? Волшебная чаша переживает и волнуется вместе со мной. Мелкая рябь ходит по ней, блики из светлых – становятся темными, и наоборот.

Так приятно сидеть на берегу и думать... Думать обо всём, что ты уже сделал... и представлять, что сможешь сделать ещё.

Слушаешь музыку природы – и как будто сам становишься этой музыкой. Тебя уносит далеко-далеко... в мир фантазий. Совсем не хочется возвращаться в реальность, наполненную гулом машин и шумом голосов. Гармония...

Прошло несколько часов. Ты счастлив, наконец-то нашёл свой край волшебства и умиротворения. Кажется, что вот-вот увидишь, как жизнь наполняется яркими красками, а люди становятся добрее...

Но ещё миг и... Подул резкий холодный ветер... Ты снова – ты, а рядом переливается озеро. Уже ночь. Твои мечтания затянулись... Ты с сожалением закутываешься в осенний плащ и уходишь... Но только для того, чтобы в скором времени вернуться.

Алина Парфёнова

РУССКАЯ ОЧЕРЕДЬ

Какие эмоции вы испытываете при слове «очередь»? Наверное, сейчас сморщите нос и скажите, что очередь – ужасное существо, которое появляется ниоткуда, заползает в каждую сферу нашей жизни, устраивает хаос, портит настроение окружающим людям и бессовестно крадёт у нас время. Можно ещё много придумать скверных эпитетов к этому слову... Но!

Каково на самом деле «лицо» очереди? А может быть, оно и не настолько ужасно? Задумайтесь, благодаря очереди мы становимся терпимее, воспитываем характер, развиваем свои, как говорят педагоги, коммуникативные умения. А у некоторых людей развиваются даже актёрские способности.

Представьте себе такую ситуацию: в поликлинике возникла очередь, и продвигается она очень медленно. Тут неожиданно появляется женщина. Выглядит она прекрасно, ухожена, стильно одета, можно даже сказать, что её лицо светится от счастья. На первый взгляд, сложно подумать, что она больна чем-то. Но когда она проходит «живую колонну», ей вдруг становится плохо возле кабинета врача. У неё начинают подгибаться колени, она чуть не падает на кафельный пол, хватается за дверную ручку и обращается к молодому человеку: «Ой, мне плохо, у меня поднялось давление, сердце колит, наверное, это магнитные бури, можно я зайду сейчас к врачу? Мне только нужна таблетка от головы». Молодой человек, скривив рот, хотел было что-то

ей возразить, но она уже прошмыгнула за дверь. Конечно, стоящие люди стали обсуждать женщину, желать ей «огромного» здоровья, но этого дама уже не слышала. Позиция молодого человека просто восхищает. Он пропустил женщину вперёд, сделал благородное дело – рыцарский поступок. Вот видите, из мужчин очередь творит джентльменов.

Очередь не только «обостряет» наши личные качества, но и даёт возможность встретить своих знакомых. Вот, например, пришли вы на почту, и тут бац – подарок судьбы: в очереди стоит одноклассница. Друг друга давно не видели. Вы начинаете разговор с ней о детстве, школьной учительнице, друзьях, строите планы на будущее. Незаметно очередь подходит к концу, а ваша душа наполняется приятными тёплыми воспоминаниями и эмоциями.

Очередь по своей природе уникальна. Только наш русский народ знает её сущность. В 80-90-е годы люди отстаивали огромные очереди за продуктами или иными товарами. Сколько умных и правдивых мнений было высказано в адрес нашей власти и её политики. Именно в таких очередях формировалось общественное мнение, которое впоследствии подталкивало народ на активные действия. Власть шла навстречу и с радостью устраивала такие «живые колонны».

Заграничному народу сложно понять душу русской очереди. Она может возникнуть ниоткуда, ворваться в нашу жизнь, словно вихрь, и также быстро исчезнуть. Люди, которые умеют её создать (я говорю о сознательных создателях очередей), сами того не понимая, принимают на себя высокую социальную ответственность, потому что очередь по природе своей многофункциональна. Она может стать одним из самых весомых политических инструментов для смены режима, потому что в многочисленных змеевидных очередях, расползающихся по стране, не только формируется мнение о власти, но и новые ценности и нормы поведения! Очередь может быть эффективным социально-психологическим приёмом сплочения и самоорганизации группы, полигоном для выработки лидерских качеств у отдельных наиболее нахрапистых личностей. Очередь как информационная технология – одна из древнейших в мире (сарафанное радио!). Она прекрасный неформальный транслятор и переработчик информации: мнению, которое звучит в очередях, традиционно в России доверяют больше, чем, например, средствам массовой информации. Очередь... Впрочем, не стоит перечислять все её достоинства и недостатки. Важно понимать, что одна из ответственных задач современного общества – сохранение этой великой национальной традиции. И кажется, это кое-кто понимает...

Формально в настоящее время очередь стараются искоренить как пережиток прежнего нецивилизованного социалистического общества. Её травят всевозможными электронными средствами в банках, поликлиниках, аэропортах и других общественно присутственных местах.

Но вот что удивительно! – Как только она исчезает из одной сферы обслуживания, так немедленно появляется в другой. Достаточно вспомнить новоявленные очереди в отделениях «Почты России», в которых теперь не только принимают посылки, отправляют телеграммы, получают письма, но и платят за свет, квартиру, там можно купить даже туалетную бумагу. Так искусно возрождать очередь может только русский народ.

Очередь будет всегда востребована в нашей стране, несмотря на все правила. Это говорит о нашей народной уникальности. Так что не стоит её считать ужасным существом, которое появляется ниоткуда. Хотя решать лично каждому, какое «лицо» у нашей родной русской очереди.

Марина Врублевская

ФИЛОСОФСКАЯ РОЛЬ АВТОМОБИЛЯ

Так вышло, что каждая из машин, которыми пользуется человек, призвана не только облегчить его бременную участь, но и во многом играет в его жизни философскую роль. Например, стиральная машина – очищает, швейная – «защищает», кофемашина – пробуждает силы, энергию и так далее. На мой субъективный взгляд, главную позицию в

моей иерархии современных механических средств занимает автомобиль.

Недавно подловила себя на мысли, что когда я смотрю на свою машину, понимаю, – лучшего друга на этом этапе жизни мне не найти. Эта истина пришла ко мне во сне...

Семь утра. День не помню, но точно рабочий. Снова в полудрёме я иду в ванную, привожу себя в человеческий вид с помощью зубной щётки, геля для лица и крема. Немного опухшее и невыспавшееся лицо говорит, что явно надо увеличить количество часов для сна. Затем иду на кухню и «закидываюсь» двумя кружками кофе без сахара и одним бананом. Потом иду в спальню, наношу тональный крем. Особое внимание уделяю местам под глазами... На лице видны недосып и какое-то недовольство, что ни одной пудрой не замажешь. Натягиваю джинсы, футболку, кеды. Сумка на плечо. Готова.

Достав из кармана сумки ключи от моей «Тойотушки», я пошла в ее «комнату» (в простонародье «гараж»), чтобы отправиться на работу. Передо мной стояла такая же, как я, сонная, не успевшая привести себя в порядок иномарка. Я решила перед выходом её осмотреть и навести марафет... Вот вижу тёмные круги на фарах, видать, тоже не выспалась. Вот пару чёрных точек на «лице», оно же лобовое стекло. И всё от вчерашней грязи! А ещё видны несколько царапин, похожих на морщины, которые были получены от испорченных нервов из-за каких-то раздражительных «немцев», «японцев», «французов» и «наших».

Вооружившись базовыми средствами по уходу за моим другом, делаю ему «утренний макияж», и более-менее «Тойотушка» приобрела достойный облик. Там вытерли, тут почистили, здесь смели пыль. По крайней мере, у нас нет сегодня настроения кого-то очаровывать, поэтому и так пойдёт. Один в один как я.

Усевшись в «Тойотушку», начала с ней разговаривать. Всегда первая начинаю разговор, поскольку именно я вставляю и поворачиваю ключ зажигания. Но в ответ вместо привычного «доброе утра» я услышала глухой скрежет, как будто она заболела или обиделась на меня и поэтому не хочет разговаривать: «КХМ... КХМ...» Испугавшись, выхожу из машины, открываю капот и смотрю на уровень масла. Может, она так же, как и я, недоедает? Всё оказалось в норме. Почему же она не стала со мной разговаривать?

Сев повторно, прошу прощения у неё за вчерашнее. То, что происходило на этих дорогах, уму непостижимо. А я вчера взяла и потащила её за собой по этой грязи... Да ещё под дождём! Прекрасно зная, что у неё в последнее время настроение, как говорится, не очень. В общем, извинившись, погладив по бардачку и пообещав больше так не делать, я попыталась повернуть ключ ещё раз. И не может быть! Мои извинения сработали – снова слышу её голос. Немного обиженный, с хрипотцой, но всё-таки я его слышу! И мы поехали на работу...

Сегодня не было дождя – и все дороги в городе подсохли. Когда мы с ней стояли на светофоре, то разглядывали и обсуждали других. Справа блондинка на розовой «Хонде». Наверняка крашенная. Слева деловой «Мерс» с ничуть не уступающим в «деловитости» водителем в респектабельном костюме. Сзади старенькая «Тойота», за рулём которой сидит дедушка. Кстати, у них крестики одинаковые. Хм-м-м... А все и вправду похожи на свои авто... Или авто на них. Смотря какую жизненную философию они выбрали.

Перебив косточки всем встречным, мы, наконец, двинулись и поехали на работу. Припарковавшись на своём месте, стали прощаться. Я говорю ей, что это ненадолго. Что через несколько часов мы встретимся и снова будем болтать и смеяться. Она нехотя, но отпускает меня, сказав, что поспит в это время. Я возражать не стала. Вышла из машины, закрыла её и пошла на работу, зная, что после её окончания меня будет ждать верный друг.

Я проснулась. Немного подумала над тем, что мне приснилось, и что-то подобие улыбки появилось на лице. В голову пришла мысль: «Как было сказано в классике советского кино, «каждый, у кого нет автомобиля, мечтает его купить, и каждый, у кого он есть, мечтает его продать. И не делает этого только потому, что, продав, останется без автомобиля». Позволю себе добавить, что ещё машину не продают, поскольку лишаются своего друга, пускай и механического, но с человеческой душой.

Ксения Шабаета

ОДИН ДЕНЬ КАК ВСЕ 365

Конец ноября. Областной сборный пункт. Я и мой суженый к этому моменту, ей-богу, почти не готовились. Пара обдуманнх фраз, и вот решил любимый отдать долг родине. Лучше ведь сейчас, пока молодой и без обязательств перед будущей семьей. Да и я всячески поддержала его спешное решение. На последнюю встречу в этом году нам дали 5 минут. Вот стоим теперь и смотрим друг на друга, торопливо пытаюсь прочитать во взгляде напротив: «Это много или мало?» Как в той самой песне про пять минут. Но думали мы, конечно, совсем не о них. 365 – вот главная цифра уходящего года. Впереди новый этап. Он уходит в армию, а я после окончания вуза иду работать по специальности. Что нас ждёт?

Подъём

Ничто так не бодрит с утра, как старшина!

Я: Кажется, из меня выйдет отличный бизнесмен. Сделки с будильником и ставки на саму себя – это то, с чего начинается каждое утро.

– Отлично, уже 7:00! Самое время составить план на день: что покушать, как одеться, какие дела предстоит выполнить. На весь

мозговой штурм мне понадобится, ну, минут так 20. Думаю, это решение будет выгодным для обеих сторон.

Мой молчаливый воображаемый собеседник, которого некоторые называют «эго», другие – «совесть», безропотно соглашается, и я мирно посапываю ещё полчаса. После парочки нерасторопных «потягушек» постепенно вытягиваю себя из объятий Морфея.

Он: Сотканный из сладких воспоминаний сон обволок мой разум пуще прежнего. Сослуживцы мирно спят, то похрапывая, то поскрипывая зубами. Никому это не мешает. В армии нет места бессоннице. Все хватаются за возможность поваляться ещё немного, ну, ещё чуть-чуть.

– Рота, подъём! Откидываем одеяло на дужку кровати. Форма одежды спортивная. Выходим, заправляемся уже в строю, строимся на утреннюю физическую зарядку.

– Чёрт! Вот тебе и доброе утро...

Утренняя зарядка

Упали – отжались

Я: – Ай, сегодня можно и без зарядки обойтись!

Он: – Разминка, отжимания, приседания и пробежка пять километров.

Утренний туалет

Утренний туалет – штурм Зимнего

Я: Оторвавшись, наконец, от теплой постели, я на ощупь прокрадываюсь в ванную комнату. Прохладная водичка отлично пробуждает.

Он: Выдержка – вот, что закаляется в бесконечных армейских очередях. Даже в туалет, где расположен в том числе и умывальник, как за колбасой. Рота строится по линейке. Зашёл – на всё про всё пять минут.

Приём пищи

У нас в армии демократия: не хочешь – не ешь

Я: – Что же наше высочество соизволит сегодня отведать? Может, яйца? Вкрутую или всмятку? Нет, день нужно начинать с каши!

Дверца кухонного шкафа открывается, а за ней целый магазин круп: овсяная, рисовая, гречневая, манная, перловая. Выбери – не хочу!

– Так готовить же ещё надо! Нет времени. А может, тогда налечь на бутерброды? Как же всё-таки трудно выбрать!

Определившись с ингредиентами для завтрака, начинаю готовить. На фоне приготовления завтрака – «Доброе утро» на «Первом» и чуткие мамини советы.

– Доча, на улице минус 25 градусов! Шарфик не забудь. Шея должна быть в тепле. А зарядник для телефона взяла?! Мало ли?

– Спасибо, мамочка! Обещаю, оденусь тепло.

– Хорошо! Давай не опаздывай.

– Всё, этот бутерброд последний.

Он: В армии арифметика простая: что дают, то и ешь. Но прежде чем священное яство проникнет в тартары моего желудка, я должен овладеть искусством терпения. Ибо только с ним препятствия, возникшие на пути, покажутся мне не столь трудными.

Вернёмся немного назад: после утреннего осмотра мы вновь построились. Всех посчитали. Вышли на улицу – пересчитали вновь. А вдруг кто улизнёт? Затем строевым шагом с песней пошли в столовую. Если хоть единая душа соизволила идти не в ногу или пела, по «компетентному» мнению старшины, несколько фальшиво – вся рота возвращалась бегом к казарме, и неважно, что до столовой оставалась пара метров. Немного мучений, и мы добрались. Старший подразделения потопал к старшему по бригаде с докладом:

– Седьмая рота прибыла на приём пищи!

Дождавшись своей очереди, уже порядком уставший и потрепанный, я пошёл потчевать себя завтраком. Кофе, 20 граммов масла, ломтик серого хлеба и яйцо – обязательная часть завтрака. Плюс из блюд: каша или... каша. Сегодня – перловая.

– Приступить к приёму пищи!

В драгоценные пять минут всё вышеперечисленное беспорядочным образом залетает ко мне в рот.

– Окончить приём пищи! Встать, строиться выходи!

Планёрка / построение

Чем отличаются мужчина и мальчик? Настоящий мальчик отрастил трёхдневную щетину, надел гламурные шмотки и пошёл клеить девок... Настоящий мужчина побрился, оделся, начистил берцы и пошёл на построение!

Я: На ежедневной утренней планёрке по традиции обсудили прошлый выпуск, отметили лучшие сюжеты и, наоборот, не самые удачные. После этого каждый журналист получил своё редакционное задание. Мне, к примеру, сегодня предстоит написать об открытии

нового детского сада в Октябрьском районе. Выезд на съёмку только через час, а пока можно проверить почту и составить план будущего сюжета.

Он: На ежедневном утреннем построении собрались все роты и взводы нашей десантно-штурмовой бригады. От рядовых солдат до полковников. А вот для чего все столпились на плацу, ярче и в деталях опишет анекдот:

«Отслужив срочную службу в армии, солдат вернулся в родную деревушку. Все, естественно, обступили его и давай вопросами засыпать: что там, где там, как там... Солдат и рассказывает:

– Армия – это дебилизм!

– Это почему же? – удивились жители деревни.

– Завтра узнаете.

В четыре часа утра в деревне раздался колокольный звон. Все сельчане сбежались. Стоят в исподнем, сонные, ругаются. Выходит солдат и говорит:

– Значит так: мы с батей идём за дровами, остальным – разойтись!»

Как всегда, многозначительное мероприятие.

Выполнение задач / рабочий процесс

Я: Приезжаю на съёмку, собираю информацию, ищу необходимых людей, беру интервью, возвращаюсь в редакцию. Пишу сюжет, отдаю на проверку редактору. Забираю с проверки, озвучиваю сюжет, сижу на монтаже с режиссёрами, отсматриваю готовый материал. После приступаю к следующему заданию.

Он: Собираюсь на стрельбы. Пять километров туда, пять обратно. Затем чищу оружие. Чищу оружие, даже если не стрелял. Затем «рабочка»: копаю в земле яму, чтобы завтра её закопать обратно. Перетаскиваю песок с места на место. Стою на охране палаток. Вечером иду в суточный наряд.

Отбой

*Когда спокойно люди спят,
Когда на улице метели,
Солдат опять идёт в наряд,
Забыв на сутки о постели*

Я: – Ах, тяжёлый был день. Завтра такой же. Когда уже конец недели? Встречусь с друзьями, сходим в кино, а потом заглянем в наше

любимое кафе отведать итальянскую пасту. Осталось перетерпеть пару денёчков! А теперь спать в любимой кроватке.

Он: – Будет очень здорово, если вздремну хоть полчаса во время наряда. Главное, чтобы дежурный по роте не заметил. И двадцать четыре часа будут не такими тяжёлыми...

Конец

В те счастливые минуты, когда нам удавалось поговорить, я всё больше убеждалась: в армии жизнь не сахар и даже не соль, а что-то настолько горькое и неперевариваемое, что излечить её может только дембель и сладостное его ожидание. Но именно армия научила моего любимого терпению, дисциплине и ответственности, показала цену времени и свободе. А я каждый раз понимала: мои проблемы – большая ерунда!

Краткие сведения об авторах

Бобкова Яна – студентка первого курса магистратуры ИГУ (профиль «Менеджмент СМИ и управление коммуникационными процессами»).

Башкирцева Людмила – слушательница ВНШ г. Усолья-Сибирского.

Ващенко Нина – директор средней общеобразовательной школы и ВНШ п. Крымск.

Воронова Людмила – слушательница ВНШ п. Карымск.

Врублевская Марина – студентка второго курса магистратуры ИГУ (профиль «Редактирование и выпуск медиатекстов»).

Гордин Александр – кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ и кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИГУ, член Союза журналистов России, автор более 60 научных публикаций, в том числе 7 монографий и 7 учебно-методических пособий.

Автор пяти сборников стихов «Скрипка дерева» (2007), «Ночной приют странников» (2007), «Язык шершавый сумрака» (2009), «Голос ослепшей птицы» (2011), «Предчувствие» (2015), брошюры «Восхождение» (2005) о творчестве Марины Цветаевой; сборника рассказов, баек, афоризмов и стихов «Сибирский валенок» (2013); а также нескольких сотен научно-популярных литературоведческих эссе, художественно-публицистических статей на разные темы, опубликованных в различных газетах и журналах Иркутской области в период с 1985 по 2017 год. Издатель сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2000-2003 гг.). Главный редактор общественно-литературной газеты «Народное обозрение» (2007-2012 гг.). Главный редактор художественно-публицистического альманаха «Родные берега» (2014, 2017 гг.), научно-популярного и художественно-публицистического альманаха «Народное обозрение» (2014, 2015, 2016 гг.).

Лауреат премии общественно фонда «Творческая интеллигенция – школе» XVI Всероссийских педагогических чтений, посвящённых 100-летию М. И. Цветаевой (г. Москва, 1993 г.). Руководитель литературного клуба ВНШ. Член совета директоров ВНШ.

Иванова Мария – слушательница ВНШ г. Усолья-Сибирского.

Мядзюта Людмила – слушательница ВНШ г. Усолья-Сибирского.

Осколкова Анастасия – студентка второго курса магистратуры ИГУ (профиль «Редактирование и выпуск медиатекстов»).

Парфёнова Алина – студентка второго курса магистратуры ИГУ (профиль «Редактирование и выпуск медиатекстов»).

Романцова Татьяна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ИГУ. Окончила филологический факультет Омского государственного университета, аспирантуру Ленинградского университета им. А. Жданова.

Преподавательскую деятельность начала в 1984 году на кафедре русской и советской литературы ОмГУ. В должности доцента работала на кафедре рекламы и журналистики факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета (дисциплины «Современный русский язык», «Русский язык и культура речи», «Язык и стиль средств массовой информации»). С 2003 года – доцент отделения журналистики филологического факультета Иркутского государственного университета (курсы «Стилистика и литературное редактирование», «Современный медиатекст», «Риторика и искусство публичных презентаций», «Культура речи делового человека»).

Автор шести десятков научных статей о языке и стиле центральных и региональных СМИ, трёх учебных пособий о современном медиатексте и образности в

журналистике, десятков научно-популярных статей о сибирской книге, культуре русской речи.

Совместно с журналисткой ИГТРК Татьяной Сазоновой готовит передачу «Уроки русского с Татьяной Романцовой» (радиостанция «Радио России», радиовещательная компания «Маяк»), ведёт рубрику «Говорим правильно» в журнале для пассажиров «МИРаэро» авиакомпании «ИрАэро».

Рябцовская Людмила – слушательница ВНШ г. Усолья-Сибирского.

Скороход Василий – член Союза журналистов СССР (впоследствии России) с 1973 года. Награждён медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда» и десятью медалями общественных организаций и движений. Четыре раза избирался депутатом городского и районного советов народных депутатов в Качуге и Усолье-Сибирском. Неоднократно награждался Почётными грамотами Усольской городской и районной администраций, дважды грамотами областной организации «Союз журналистов СССР» за работу в газетах «Ленинский путь» (г. Усолье-Сибирское), «По ленинскому пути» (п. Куйтун), «Ленская правда» (п. Качуг), а также дипломами Всесоюзного конкурса за развитие массовой работы в газетах, военно-патриотическое воспитание и охрану природы. Скороход В. П. – лауреат Второго фестиваля прессы в номинации «Репортёр года» (г. Иркутск, 2002), дипломант конкурса «Лучший журналист Иркутской области» (г. Иркутск, 2004). В ознаменование 300-летия российской прессы награждён Почетной грамотой правления Союза журналистов России. Такой же награды удостоен в 2010 году.

Стародубцева Томара – слушательница ВНШ г. Иркутска.

Темников Иннокентий – учитель высшей категории, служащий МЧС России, проживает в г. Слюдянке Иркутской области.

Увакина Нина – слушательница и староста ВНШ г. Иркутска.

Филиппов Ростислав – поэт, общественный деятель, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры России. Первая книга стихов «Завязь» увидела свет в 1964 году. В разные года Ростислав Владимирович возглавлял: читинское отделение Восточно-Сибирского книжного издательства, Восточно-Сибирское книжное издательство в Иркутске, был ответственным секретарём иркутского отделения Союза писателей СССР. В 1993 году стал инициатором организации газеты «Иркутская культура» и заместителем главного редактора этой газеты. С 1995 по 2005 год поэт возглавлял иркутское отделение Союза журналистов России. Последняя книга стихов «Красная сотня» была отмечена Премией губернатора в области литературы за 2005 год.

Шабаева Ксения – студентка второго курса магистратуры ИГУ (профиль «Редактирование и выпуск медиатекстов»).

Шерстов Владимир – выпускник отделения журналистики ИГУ (1986). Работал в Издательстве Иркутского государственного университета (1986-1993), в агентстве «КП-Байкал» (1993-1998), PR-менеджером ЗАО «Ориент-телеком» (1999-2002), литературным редактором в медиа-холдинге «АС Байкал ТВ» (2003-2008). На преподавательской работе с 1999 года: с января 1999-го по август 2000-го – в ИГЛУ, с сентября 2000-го по настоящее время – в ИГУ. Был редактором-составителем книг: «Ранняя проза Михаила Булгакова», «Мир Александра Вампилова» и др. Член редколлегии издания «Драматургическое наследие Александра Вампилова». Автор-составитель учебного пособия «Уроки Валерия Кашевского». Один из авторов учебного пособия «Творческая личность в публицистике и прозе Михаила Булгакова».

Янышева Людмила – слушательница ВНШ п. Карымск.

**Научно-популярный
Художественно-публицистический альманах
НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**

**Рисунки: *Иннокентий Темников*
Фотографии: *Марк Демидов, Дмитрий Шматков, фото из архивов ВНШ Иркутска, Усолья-Сибирского, Карымска*
Компьютерная вёрстка: *Александр Гордин***

**Подписано в печать 21.01.2017. Формат 72X104 1/16
Бумага мелованная 90 г/м. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,67. Тираж 150. Заказ №123.**

**Изготовлено в ООО Типография «Иркут»,
г. Иркутск, ул. Новаторов, 3, тел.:48-17-53,
ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел.: 203-523.**

